

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Институт международных отношений и мировой истории
Нижегородское региональное отделение
Российского исторического общества

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ
В РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Коллективная монография

Нижегород
2024

УДК 93/94+342
ББК 67.400
К65

Печатается по решению
Ученого совета Института международных отношений и мировой истории
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
(протокол № 4 от 20.11.2024 г.)

Р е ц е н з е н т ы

*д.и.н., профессор Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета
И.В. Омелянчук,
к.пол.н., доцент, и.о. заведующего кафедрой зарубежного регионоведения
Московского государственного лингвистического университета
Д.А. Сидоров*

К65 Конституционализм в России и Европейском Союзе: актуальные проблемы истории и современности: коллективная монография / Тимофеев Д.В., Рокки Э.К., Сорокин А.А., Куликов С.В., Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В., Берендеев В.А., Браницкий А.Г., Бугров Р.В., Леушкин Д.В. / под общ. ред. А.А. Сорокина. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. – 212 с.

ISBN 978-5-91326-932-4

В монографии рассмотрены актуальные вопросы становления, развития и будущего конституционализма в России и Европейском Союзе. Анализируются проекты организации конституционных институтов, их идейные основы и избирательные системы. Выявлены основные черты конституционных проектов в России в XIX – начале XX вв. и показана их политическая судьба. Дается характеристика влияния поправок в Конституцию РФ 2020 г. на будущее политического процесса в современной России.

ISBN 978-5-91326-932-4

УДК 93/94+342
ББК 67.400

© ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024
© Коллектив авторов, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Конституционные проекты в России первой четверти XIX века: могла ли реализоваться реформаторская инициатива? (<i>Д.В. Тимофеев</i>)	6
Глава 2. Сторонники и противники конституционализма в России в 1878– 1883 гг. (<i>Э.К. Рокки</i>)	23
Глава 3. Понятие «конституция» в политическом дискурсе Российской империи конца XIX – начала XX вв. (<i>С.В. Куликов</i>)	43
Глава 4. Организация избирательной системы в проектах народного пред- ставительства в начале XX в. (<i>А.А. Сорокин</i>)	103
Глава 5. Особенности перехода Российской империи к конституционно- му строю с точки зрения теории элит (<i>Ф.А. Селезнев</i>)	127
Глава 6. Парламентская элита Нижегородской области: определение, структура и базовые теоретические проблемы (<i>А.В. Евдокимов</i>)	149
Глава 7. Обновление Конституции Российской Федерации в период «Хо- лодной войны 2» в свете политико-философской концепции Карла Шмитта (<i>В.А. Берендеев</i>)	166
Глава 8. Конституционный подход к интеграционным проектам на при- мере европейской интеграции (<i>А.Г. Браницкий, Р.В. Бугров, Д.В. Ле- ушкин</i>)	193
Сведения об авторах	212

ВВЕДЕНИЕ

Проблема конституционализма в России имеет давнюю и богатую историю. Эволюция политических институтов, происходившая на протяжении всего периода существования Российской империи, вкупе с влиянием европейских просветительских и иных идей на российскую общественно-политическую мысль, дала мощный толчок к легальному и неформальному законотворчеству, в котором проекты организации представительных институтов и дарования конституционного акта занимали важное место.

В данной монографии предпринимается попытка обобщающего анализа этих идей и проектов в различные периоды российской истории, при этом, с учетом того влияния, которое оказала европейская политико-правовая мысль на воззрения российского общества, отдельно рассматривается и проблема создания единой Конституции для Европейского Союза.

Проблемное поле монографии раскрывается с началом первой главы, поскольку при всем многообразии идей и проектов, касающихся возможности установления конституционного строя в Российской империи, важнейший вопрос, который при этом стоял – а могла ли реализоваться реформаторская инициатива? Безусловно, развитие бюрократических начал и усовершенствование институтов исполнительной власти, а также учреждение Государственного Совета как органа с законотворческими функциями и полномочиями, давали надежду либеральным кругам эпохи Александра I на дальнейшее продолжение этого курса в сторону конституционализации Российского государства, однако соответствовало ли это интересам верховной власти и ее видению будущего России?

Поворотным моментом в XIX в. становится период «Великих реформ», в ходе которых происходит широкое развитие представительства в местном управлении за счет введения земского самоуправления и преобразования городского самоуправления. Пресловутая идея о необходимости «увенчания» здания представительства нашла свое отражение в ряде инициированных при Александре II проектах, наиболее известный из которых связан с именем М.Т. Лорис-Меликова. Изучение судеб российского конституционализма этого периода сквозь призму борьбы с политическим террором также стало одним из ключевых разделов данного исследования.

Для России начала XX в. при обсуждении конституционной проблематики в общественно-политическом дискурсе приобретает особое значение вопрос организации избирательной системы при введении народного представительства. Дискуссии в этом отношении сводились к тому, на каких принципах оно должно быть основано: сословных или бессословных, путем прямых или косвенных выборов, на цензовых началах или в виде всеобщего избирательного права.

Введение в 1906 г. Основных законов Российской империи стало еще одним предметом как общественно-политических, так и научных дискуссий. Следует ли считать их конституционным актом, и если да, то к какому типу конституций они относятся? Сложность этого определения во многом проистекает из справедливого утверждения автора соответствующего раздела С.В. Куликова

об амбивалентности понятия «конституция» на тот момент и отсутствия у него фиксированного и общепризнанного определения.

С учреждением Государственной Думы в Российской империи меняется и характер общественно-властных отношений. Здесь встает вопрос о возможности применения новых методологических принципов для познания их особенностей – теории элит – поскольку важно определение места нового института в политическом строе государства: был ли он полностью инкорпорирован в существовавшие структуры государственного управления или изначально носил оппозиционный, разрушающий существовавшую систему характер?

Применение понятия «элиты» становится актуально и при исследовании постсоветской системы представительства в России, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Особое значение приобретают критерии отнесения к составу политических элит в контексте изучения деятельности депутатов федеральных и региональных органов законодательной власти, а также представительных органов местного самоуправления.

В конституционном строительстве в Российской Федерации в 2020 г. наступает важная веха, ознаменованная принятием значительного количества поправок в Конституцию. Их изучение требует определения идейно-теоретических, философско-политических и государственно-правовых концепций и теорий, положенных в основу этих изменений. Новый «союз власти и нации» возникает в условиях изменения как геополитической реальности, так и обновления российского внутриполитического курса.

Как уже было отмечено, в связи с неразрывностью идей и проектов российского конституционализма с европейской политико-правовой мыслью, отдельно в монографии изучается вопрос о возможности введения единой Конституции для Европейского Союза. Особое место в этом вопросе занимает проблема соблюдения баланса наднационального и суверенного начал, особенно в свете внутрисоюзных противоречий, в том числе и с нарастанием движения евроскептицизма.

Монография адресована научным работникам и преподавателям, политическим экспертам, студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей.

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА:
МОГЛА ЛИ РЕАЛИЗОВАТЬСЯ РЕФОРМАТОРСКАЯ ИНИЦИАТИВА?**

Д.В. Тимофеев

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
dmitrtim@yandex.ru

Представлены результаты исследования по выявлению взаимосвязи между сформированными в общественном сознании представлениями о содержании и функциональном назначении конституции, возможности ее отождествления с «собранием коренных законов», и намерением авторов проектов, наряду с определением прав и обязанностей каждой сословной группы, сформировать посредством многоуровневых выборов систему отбора наиболее способных к гражданской службе чиновников. Установлено, что получаемые от губернаторов и предводителей дворянства донесения о проблемах, возникавших при проведении выборов в дворянских собраниях, а также сведения о практике «уклонения» дворян от службы на выборных должностях, были одним из факторов, обусловивших признание несвоевременности установления в России конституционной монархии.

Ключевые слова: российский конституционализм, реформы в России первой четверти XX века, М.М. Сперанский, Н.Н. Новосильцов, выборы в дворянских собраниях, общественно-политическая мысль.

В историографической перспективе истории российского конституционализма особое место занимают размышления российских и зарубежных исследователей о целях, содержании и причинах отказа от реализации конституционных проектов первой четверти XIX в. Акцентирование внимание на факторах «отказа», на мой взгляд, определяет несколько важных ограничений исследовательского поля. Во-первых, за его пределами должны остаться проекты, составленные членами различных тайных обществ, реализация которых изначально была под большим вопросом, так как предполагала существенное изменение системы государственного управления по инициативе снизу, а не по волеизъявлению российского императора. Такой сценарий, как показали известные события 14 декабря 1825 г., был крайне маловероятен в силу целого ряда причин политического и социально-экономического порядка. В данном контексте сама постановка задачи выявить причины отказа от реализации конституционных проектов, ряд из которых был составлен либо по прямому поручению императора Александра I, либо при его согласии, возможна только в рамках исследования так называемого правительственного конституционализма первой четверти XIX в.

Второе важное условие для адекватного решения обозначенной проблемы связано с необходимостью реконструкции общего культурного, политико-административного и социально-экономического контекста, без учета которого любые попытки текстологического анализа содержания конституционных проектов, их сравнения с зарубежными аналогами¹ не будут иметь большого значения, так как такая исследовательская стратегия открывает перспективу выявления сходств, отличий и особенностей заимствования зарубежного опыта российскими авторами, но не раскрывает аргументации и мотивов, обусловивших признание несвоевременности реализации проектов конституции.

Все вышеизложенное обуславливает необходимость, *во-первых*, реконструировать, каким образом трактовалось само понятие «конституция» в публичном пространстве России первой четверти XIX в., и какие смысловые акценты были распространены для объяснения содержания и назначения конституции². Только после этого, с учетом выявленных трактовок современников, целесообразно провести анализ конституционных проектов, но лишь в той их части, которая показывает *действительные намерения* разработчиков, отчетливо понимавших важность для предотвращения возможности возникновения острых социальных конфликтов мягкой адаптации любых «образцов» конституционного устройства, встраивания новых юридических норм в существующую систему правовых отношений, определявших обязанности и привилегии различных социальных групп. *Во-вторых*, принципиально важно определить, насколько сам император и его окружение в лице министров, сенаторов и членов Государственного Совета, обладали достоверной информацией о реальном положении дел в российских губерниях, и какие проблемы в системе управления могли оцениваться ими как очевидные препятствия для реализации конституционных проектов³.

* * *

О том, что такое конституция, какие нормы она может содержать, и в чем состоит ее главное назначение образованный российский читатель мог узнать из целого ряда изданий. Яркий пример объяснения сущности конституции – «Новый словотолкователь» Н. Яновского. В статье «Конституция» было раз-

¹ См. подробнее: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – первой четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа. Ч. 1–2. М., 2022.

² См. подробнее: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 128–139, 299–332.

³ Тимофеев Д.В. Российский конституционализм и выборы в дворянских собраниях при Александре Первом // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 3. С. 848–866.

мещено следующее определение: «Чрез сие слово разумеется 1) Составление, природа, сложение тела человеческого. *Крепкое, слабое сложение.* 2) Учреждение, устав, собрание коренных законов гражданских или духовных, всеобщих или частных, составляющих правление какого-либо народа. *Конституция республики Французской; конституция Английская.* 3) Постановление (или Государя, что будет значить указ, или Гетмана что называли манифест, или сейма, что кроме конституции другого имени не имело) имеющее силу закона, или недостающего в книге статут, или недоразумение объясняющее. Малороссия, сверх книги Статут, приемлет токмо за закон конституции Польские, изданные прежде 1656 года, а с последующими потом сообразуется токмо в случае повеления верховной власти, чтобы поступать по такой-то конституции, введенной во вновь приобретенных Польских губерниях»¹. В данном определении отчетливо прослеживается несколько смысловых акцентов, позволяющих показать, что содержательно «конституция» не имеет обязательной логической связки с революцией. Конституция — это, прежде всего, «учреждение», «устав», «собрание коренных законов» или даже «постановление», дополняющее или изменяющие существующие законы, а следовательно, ее основное назначение состоит в упорядочении существующих юридических норм, регламентации способов взаимодействия различных государственных институтов как между собой, так и между ними и подданными. Подчеркивая таким образом нормативно-административную сущность «конституции», Н. Яновский отмечал ее неразрывную взаимосвязь с предшествующим законодательством и исторически сложившейся в каждой стране формой правления. Подтверждение такой взаимосвязи российский читатель мог найти и в научно-популярной, и в учебной литературе. Например, в работе Т.С. Мальгина «Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест» словосочетание «коренной закон» использовалось при описании «Соборного уложения» 1649 г.²

Все подобного рода трактовки должны были не только показать существование политически нейтральных коннотаций, но и зависимость содержания «конституции» от исторического опыта каждой конкретной страны. В данном контексте неслучайно, на мой взгляд, в качестве примеров словоупотребления читателям предлагались словосочетания «*Конституция республики Французской*», «*конституция Английская*», а непосредственно перед словарной статьей «конституция» была размещена отдельная статья, озаглавленная не просто

¹ Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 2: К–Н. СПб., 1804. С. 366–367. *Курсивом* были выделены примеры употребления понятия, значение которого объяснялось в каждой словарной статье.

² Мальгин Т. Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства, и о качестве лиц и дел в оных. СПб., 1803. С. III–IV.

«конституционный акт», а «конституционный акт французов», который прямо отождествлялся с «актом 24 августа 1792 года», преобразовавшим «...управление Королевское конституционное в республику единую и неразделимую», и конституцией, «...предложенной конвенту национальному 15 февраля 1793 года»¹.

Утверждение о неизбежности и «естественности» различий, обусловленных национальными особенностями каждой страны, было важным элементом публичного дискурса о конституции и в российской периодической печати. В журналах «Сын Отечества», «Вестник Европы» и «Дух журналов» нередко печатали основные положения европейских конституционных актов². И хотя в большинстве случаев такого рода публикации представляли читателю не полный текст конституций, а лишь выборку (или даже пересказ) наиболее важных статей с сопроводительными комментариями издателя, все они позволяли сделать принципиально важный вывод о внутренней структуре «конституции». В ней должно было быть описание системы государственного управления, обозначен порядок создания законов, определены права и обязанности граждан/подданных. Такая общая схема не означала обязательности включения в текст конституции положений об ограничении власти монарха, и лишь подтверждала сугубо юридическое, а не политическое значение конституции как естественного итога эволюции собрания «коренных законов».

В самом широком значении «конституция» трактовалось не как конечная цель политического развития страны, а как инструмент, с помощью которого будет четко определен порядок формирования и функции всех ключевых административных структур, права и обязанности каждого «состояния подданных». Предполагалось, что все это, в совокупности со смягчением цензурной политики и созданием выборных институтов, имеющих право представлять информацию о положении на местах и выступать с предложениями по корректировке действующего законодательства, будет способствовать эффективному функционированию обратной связи власти с подданными. Информация с мест, в свою очередь, позволит своевременно устранять «пробелы» и противоречия в законах, а в конечном итоге – искоренить «деспотизм» на всех уровнях управления и реализовать принцип «верховенства закона». В записке «О существе нашей конституции» П.А. Строганов писал: «Конституция – это закон, определяющий порядок, который следует соблюдать при создании административных законов, которые непременно, поскольку они требуют видоизменений, объяснений и

¹ Яновский Н. Указ. соч. С. 365–366.

² Тимофеев Д.В. Конституция в российской периодической печати первой четверти XIX века: pro et contra // Муромцевские чтения. Труды. 2009–2013: Сб. науч. статей. Орел, 2014. С. 377–385.

т.д., должны подвергнуться перемене согласно известному, строго определенному, неизменному способу, который закрыл бы дверь всякому произволу и, следовательно, уменьшил бы зло, могущее произойти от различия способностей тех, кто стоит во главе государства»¹.

Такой инструменталистский подход к пониманию сущности конституции, как системы основополагающих принципов, в соответствии с которой необходимо корректировать устаревшие и устанавливать новые законы, обуславливал возможность рассуждать о необязательности наличия какого-то одного текста под заголовком «конституция». Вполне достаточно было сформировать «собрание коренных законов» и неукоснительно следовать изложенным в них принципам. Ярким примером реалистичности и действенности такого варианта распределенной «конституции» для российских читателей была Англия, где «конституции» как самостоятельного документа никогда не существовало, но никто не ставил под сомнение наличие исторически сложившихся в процессе развития национальной политической системы конституционных принципов. И хотя при упоминании в публичном пространстве России первой четверти XIX в. «английской конституции», как правило, следовала оговорка об ее уникальности и неповторимости, интерес к политическому устройству конституционной монархии в Англии способствовал появлению целого ряда публикаций. Одним из них было, переведенное на русский язык коллежским асессором Иваном Татищевым и изданное «по высочайшему повелению» в 1806 г., двухтомное сочинение де Лолма «Конституция Англии, или состояние английского правления, сравненного с Республиканскою формою и с другими Европейскими Монархиями»². В нем, наряду с целым рядом условий, таких как «вольность тиснения», независимость суда от административного давления, запрет на конфискацию имущества и необоснованное ограничение свободы, утверждалось, что главный гарант верховенства закона при сохранении «вольности подданных» в Англии – «королевская власть», опирающаяся не на силовую поддержку армии, а на нравы и обычаи народа, способность и готовность граждан к достижению компромиссных решений.

Применительно к российской ситуации, где монархическая форма правления также была результатом длительного исторического развития, вопрос о

¹ Цит. по: Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX веков. М., 2010. С. 22; см. оригинал записки П. Строгонова на фр. языке: *De L'état de notre constitution* // Николай Михайлович, вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. II. С. 40–42.

² Конституция Англии, или состояние английского правления, сравненного с республиканскою формою и с другими европейскими монархиями. Сочинение г. де-Лолма, члена двухсотного совета Женевской республики, перевел с французского коллежский асессор Иван Татищев. В 2 т. М., 1806.

возможности учреждения конституции рассматривался в контексте перспективы решения целого ряда актуальных задач:

– регламентации работы всех уровней системы управления, начиная с императора и заканчивая самым мелким уездным чиновником;

– необходимости, если не кодификации, то хотя бы систематизации и устранения противоречий в действующем законодательстве;

– реформирования судебной системы. Необходимость преобразований подтверждалось многочисленными жалобами на «медлительность в рассмотрении дел» и коррупционность при вынесении решений. Изменение положения в этой сфере очевидно требовало создания и новых образовательных учреждений, способных готовить квалифицированных работников;

– четкого определения правил межсословного взаимодействия (главным образом между дворянством и крестьянами). В данном контексте вполне предсказуемым представляются опасения консервативно настроенных помещиков, убежденных, что учреждение конституции в перспективе неизбежно приведет к отмене крепостного права. Так, например, Ф.В. Ростопчин сообщал С.Р. Воронцову: в Петербурге многие «... под конституцией разумеют освобождение крестьян..., но не захотят ограничить свою власть и подчинить себя господству правосудия и разума»¹.

– выработки таких правил, определяющих свободу печати, которые бы, не мешали развитию литературы, искусства, науки, и одновременно, позволяли бы властным институтам своевременно реагировать на изменение общественных настроений, превентивно предотвращая нежелательные слухи или противозаконные замыслы;

– формирования (с обязательным установлением необходимых цензовых ограничений) выборных органов сословного представительства, посредством которых император и правительственные чиновники могли бы оперативно узнавать о «нуждах» каждой губернии и своевременно решать возникающие проблемы.

Для авторов правительственных проектов российской конституции весь этот комплекс задач не предполагал изменения монархической формы правления, напротив, их решение должно было приблизить страну к действительной, подлинной *просвещенной монархии*, которая противопоставлялась деспотической форме правления. В данном контексте важно определить действительные намерения авторов, которые были лично не заинтересованы развитии страны по революционному сценарию.

¹ Цит. по: Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 23.

Представленный в современной историографии анализ текстов двух наиболее известных правительственных проектов – М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцова – избавляет нас от необходимости их постатейного рассмотрения и позволяет акцентировать внимание на общих, концептуальных выводах авторов. Например, К.С. Чернов, сопоставляя соотношение ранее существовавших и новых элементов системы управления, которые могли бы быть созданы в случае реализации «Государственной уставной грамоты», отмечал, что предлагаемый Н.Н. Новосильцовым порядок формирования Сеймов свидетельствовал «...о четко выраженном стремлении подменить представительные механизмы бюрократическими» и «...контролировать непредсказуемую активность выборных членов сейма»¹. Проектируемое участие Сеймов в процедуре одобрения законопроектов, не только не привело бы к появлению новых центров принятия решений, но в определенной степени, способствовало бы сохранению доминирующего положения назначаемой сверху бюрократии. По сути, по мнению К.С. Чернова, проект «...не вносил никаких новшеств в основу всей политической системы империи» и не мог способствовать «превращению самодержавия в конституционную монархию», напротив – самодержавие было бы утверждено «...в значительно более оформленном и зрелом виде, чем это было в XVIII веке»². Таким образом, намерение Н.Н. Новосильцова состояло не в юридическом ограничении власти монарха, а в создании дополнительных и относительно независимых (насколько это было возможно в сложившихся условиях) от бюрократии информационных каналов³, необходимость которых была очевидна для всех, кто был причастен к рассмотрению отчетов, донесений, жалоб или прошений с мест: губернаторы, министры (особенно МВД), члены соответствующих департаментов Государственного Совета и Сената.

Аналогичную оценку практической направленности правительственного конституционализма высказывал и А.Н. Медушевский. В результате проведенного исследования он пришел к выводу, что в случае реализации проектов возникла бы «...ограниченная по существу и данная сверху монархом конституция, которая на практике мало чем отличается от рационализированной и систематизированной административной системы монархического государства, действующей на основании твердых законов»⁴.

¹ Чернов К.С. «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции» // Российская история. 2009. № 4. С. 32.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 33.

⁴ Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России. С. 19.

В целом, предлагаемые М.М. Сперанским, Н.Н. Новосильцовым, А.Р. Воронцовым, Г.Р. Державиным, Н.С. Мордвиновым и некоторыми другими авторами проектов октроированной конституции, в которых с разной степенью детализации были предложены меры по юридическому закреплению гражданских прав и созданию выборных органов сословного представительства, следует рассматривать как сугубо утилитарный, прагматический инструмент повышения управляемости и контролируемости положения на местах. При этом обращение к теоретическим основаниям концепции общественного договора, разделения властей и естественного права служило дополнительным способом легитимизации власти монарха в сознании образованной части русского общества. В такой трактовке конституционные проекты не могли вызывать сколь-нибудь серьезных опасений у императора, но даже при его предварительном согласии ни один из них не был реализован. В же причины такого положения?

Отвечая на этот вопрос, историки пишут о совокупности факторов, которые могли стать причинами отказа от плана М.М. Сперанского, а позднее – и проекта Н.Н. Новосильцова. В качестве таких причин, чаще всего, называют: сопротивление консервативного дворянства, усматривавшего взаимосвязь между установлением в конституции гражданских прав и неизбежностью отмены крепостного права; нестабильное положение на внешнеполитической арене, требующее значительных финансовых и людских ресурсов; настороженное отношение к различным тайным обществам; личное разочарование Александра I в целесообразности продолжения реформ¹.

Конечно, все обозначенные факторы существенно осложняли принятие решения, но не менее существенной причиной отказа от разработанных проектов конституции, на мой взгляд, стала скептическая оценка возможности найти необходимое количество «просвещенных» подданных, способных избирать и служить на выборных должностях. Данный фактор был ключевым, так как в большинстве правительственных проектов предлагалось создать органы сословного представительства, используя уже сложившуюся систему выборов дворянскими собраниями дворянских предводителей, кандидатов на различные должности в судах и местной администрациях, а также опыт проведения выборов в органы городского управления.

В 1809 г. М.М. Сперанский прямо писал о недостатке дворянства для проведения «баллотировки» на должности, которые были выборными в соответствии с «Жалованной грамотой дворянству»: «Есть уезды, в коих совсем почти

¹ Захаров В.Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Российская история. 2011. № 6. С. 47; Мироненко С.В. Указ. соч. С. 11–73, 229–230.

нет людей, коим по настоящему государственному положению должны принадлежать права политические, и есть другие, в коих число их очень мало. Следовательно, в одних совсем нельзя основать никаких начал законодательного порядка, а в других начала сии будут весьма слабы. Даже в порядке судном и исполнительном, ныне существующем, раздробление уездов производит разные затруднения. Есть уезды, в коих дворянство так слабо, что некому ни избирать, ни быть избираемым. Посему наполнение мест, хотя и чинится по выборам, но, в самом деле, зависит, большей частью, от произвола губернатора»¹.

Приведенная выше оценка М.М. Сперанского отражала сложившееся положение в целом ряде губерний. Регулярно поступающие с мест жалобы, прошения, донесения губернаторов, а также сведения, полученные в ходе проведения сенаторских ревизий ряда губерний, которые нередко становились предметом обсуждения на заседаниях Комитета министров и/или Государственного Совета, наглядно демонстрировали наличие целого комплекса электоральных проблем².

Так, например, 4 мая 1805 г. Смоленский губернатор С.С. Апраксин в представлении министру внутренних достаточно подробно описывал различные нарушения на выборах в дворянском собрании, акцентируя внимание на негативных последствиях сговора и/или подкупа выборщиков, заранее определявших результаты выборов. По его мнению, избранные таким образом чиновники, оказываются в зависимом положении от своих покровителей, а следовательно, не могут честно исполнять свои обязанности, особенно если речь идет о судебных должностях. Апеллируя таким образом к тезису о важности соблюдения в судах «беспристрастия и справедливости», он просил В.П. Кочубея «представить Его Императорскому Величеству, сколь нужно земскому исправнику и уездному судье быть определенным от короны...»³. Показательно, что практически в это же время Псковский гражданский губернатор Я.И. Ламздорф также сообщал о критическом положении с выборами в нижние земские суды и просил распространить на вверенную ему в управление губернию положение указа от 3 марта 1804 г., в соответствии с которым земские исправники могли

¹ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования // Сперанский М.М. Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М., 2015. С. 108.

² О проблеме проведения выборов см. подробнее: Timofeev D.V. Европейский принцип выборности в России первой четверти XIX века: идеальные модели и практики реализации // *Cahiers du Monde Russe*. 2016; Vol. 57 (4), octobre–decembre. P. 743–764; Тимофеев Д.В. Электоральные конфликты и групповая солидарность российского дворянства в царствование Александра Первого // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1274–1291; Тимофеев Д.В. Российский конституционализм и выборы в дворянских собраниях при Александре Первом // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 848–866.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 8. Л. 168.

не избираться, а определяться к должности «...от Правительствующего Сената по представлению министра внутренних дел¹. Не менее распространенными были предложения с мест разрешить, вопреки действовавшему законодательству, участвовать в выборах «оштрафованным» дворянам. Такого рода предложения содержатся в представлениях от губернаторов Гродненской, Киевской, Курской, Калужской, Псковской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Олонецкой и Ярославской губерний.

Таким образом, представители правительственной бюрократии имели достаточно информации (и не только в связи рассмотрением жалоб и представлений с мест, но и как непосредственные участники дворянских выборов в тех губерниях, где располагались их имения) о количественном недостатке дворян, практике избрания малообеспеченных и неподготовленных дворян к службе на выборных должностях. Показательно, что еще в 1803 г. М.М. Сперанский, размышляя о причинах «несовершенства» законов в России, писал: «Каким образом на пространстве 500 или 600 верст земский исправник, для куска хлеба из бедных дворян избранный, с подобными ему нищими заседателями может привести закон в уважение, пресечь насилие на месте, предохранить собственность от похищения и тем отвратить разорительные тяжбы? <...> Каким образом в государстве закон может действовать, когда не поддерживается разумом и просвещением исполнителей, и когда исполнители сии еще не образованы?»²

Возможно, именно поэтому М.М. Сперанский предлагал при формировании Государственной думы и судебных органов сложную, многоступенчатую систему выборов в волостные, окружные и губернские думы, представители от которых могли стать депутатами Государственной думы. При этом дополнительно, помимо избрания соответствующих каждому уровню управленческих структур и передачи на вышестоящий уровень сведений об «общественных нуждах», волостная, окружная и губернская думы должны были составить «списки 20 отличнейших обывателей», а также «всех членов, избранных в волостные правления, суды окружные и губернские» для направления в Государственный совет³. Списки от всех губернских дум должны были поступать к

¹ Особый порядок назначения земских исправников был введен в Пермской, Вятской, Оренбургской, Губольской, Томской, Иркутской, Астраханской, Олонецкой, Минской, Волынской, белорусской губерниях, также в «губерниях белорусских и литовских». См.: ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 28. № 21648. С. 885.

² Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России. С. 56.

³ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // Сперанский М.М. Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М., 2015. С. 109–111.

канцлеру Государственной думы для составления «общего государственного списка», «...из коего заимствуются чиновники, мнением общим одобренные для определения их в порядке управления»¹.

Сформированные в результате выборов списки могли способствовать решению проблемы недостатка потенциальных кандидатов на должности в судебной системе. Предлагая избирать на должность председателя окружного суда дворян «...из 20 отличнейших обывателей округа» с последующим утверждением министром юстиции результатов выборов, М.М. Сперанский писал о необходимости реализации принципа экстерриториальности, который позволил бы перемещать достойных кандидатов в те губернии, где в силу малочисленности дворянства выборы не могли состояться². Аналогичный порядок предлагался при определении на должность председателя губернского суда: «избирается министром юстиции из кандидатур, включенных в губернский список с последующим утверждением решением Государственного Совета»³. Использование составленных на местном уровне списков было предусмотрено и при формировании Сената, члены которого постепенно (в результате смерти или увольнения) должны были заменяться по воле императора «...лицами, избранными в губернских думах и внесенными в государственный избирательный список»⁴.

Таким образом, предлагая ввести элементы выборности в процедуру формирования властных институтов, авторы конституционных проектов, преследовали две взаимосвязанные цели. Во-первых, создать новые информационные каналы для осуществления *обратной связи центра с регионами*, а во-вторых, запустить необходимый в условиях низкого уровня «просвещения» российских подданных *механизм кадровой селекции*, который позволил бы сформировать не только корпус депутатов Государственной думы, но и периодически составлять актуальные списки кадрового резерва чиновников различного уровня.

* * *

Еще один важный фактор, наличие которого необходимо было учитывать авторам конституционных проектов при оценке возможности учреждения в России конституции – *отношение самих дворян к службе на выборных должностях*. В данном вопросе ситуация была не менее сложной, чем с контролем за соблюдением всех юридических норм при проведении выборов. С момента издания в 1785 г. «Жалованной грамоты дворянству» и до утверждения

¹ Сперанский М.М. Краткое начертание Государственного образования (1809) // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 230.

² Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования). С. 113 (прим 1).

³ Там же. С. 113.

⁴ Там же. С. 114.

6 декабря 1831 г. «Положение о порядке дворянских собраний выборов и службы по оным»¹, правительство особое внимание вынуждено было обращать на многочисленные донесения с мест от губернаторов и дворянских предводителей об «уклонении» уже избранных кандидатов от исполнения возложенных на них обязанностей².

На уровне официальных предписаний о необходимости прекращения подобной практики было заявлено еще в Сенатском указе от 20 марта 1800 г., в соответствии с которым полиции вменялось в обязанность возвращать к месту службы дворян, уехавших после избрания на выборные должности «в другие города или деревни», а после предавать суду. С восшествием на российский престол императора Александра I было признано, что «...такое взыскание превышает меру учиненного поступка» и вполне достаточно будет предавать дворянина «суждению Дворянского Соборания»³. Но упразднив принудительное возвращение дворян, император не решил проблему. В дальнейшем вопрос о мерах, с помощью которых можно было бы прекратить «уклонение от службы по выбору» поднимался неоднократно в указах 12 августа 1803 г., 10 марта 1808 г., 30 мая 1808 г., 15 марта 1809 г., 18 декабря 1811 г. и др.

Многие из обозначенных указов были изданы в результате рассмотрения представлений губернаторов или дворянских предводителей. Так, например, 9 марта 1808 г. в представлении Ярославского губернского предводителя дворянства Н.А. Майкова министру внутренних дел А.Б. Куракину сообщалось: «Случается, что дворяне избранные сословием своим в должности, невыслужая иногда полного трехлетия, подают в губернское правление об увольнении их просьбы, представляя причинами приключившиеся им болезни <...>. Конечно, могут быть весьма законные иногда причины к такому увольнению, но вместе с тем нельзя отвергнуть и того, чтобы не было чрез сие повода к отбыванию от службы общественной»⁴. Министр внутренних дел, соглашаясь с необходимостью «удержания от уклонения под предлогом болезни или другим от службы», предложил обязать губернское правление доводить до сведения губернского предводителя о намерении дворянина уволиться с выборной должности. Предполагалось, что после получения таких сведений предводитель должен

¹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. 6. Ч. 2. № 4989. С. 247–273.

² Сведения об увольнении с выборных должностей ежемесячно подавались губернаторами в МВД. Конечно, далеко не все дворяне «уклонялись» от выборных должностей. Было и множество прямо противоположных примеров, когда дворянин писал жалобу в связи с исключением его из списка кандидатов на выборах, или неутверждением его губернатором в должности уже после проведения выборов. Анализ мотивации и обстоятельств составления каких жалоб требует состоятельного исследования.

³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 26. № 19856. С. 623–624.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1808. Кн. 46. Д. 348. Л. 2–2об.

был удостовериться в обоснованности указанной в заявлении причины увольнения, а в случае возникновения сомнения в ее достоверности – представить все имеющиеся доказательства обмана на рассмотрение дворянского собрания. Такой порядок был закреплен в указе 15 марта 1809 г.¹

В Комитете министров при рассмотрении вопроса «о мерах к скорейшему окончанию губернскими местами запущенных дел» 23 ноября 1810 г. обсуждалось донесение Псковского губернатора о том, что избранные ранее дворяне, опасаясь «быть оставленными на своих местах по истечении трехлетия для окончания нерешенных дел», представляют «свидетельства о болезни». Для предотвращения «уклонений от должности», которые неизбежно привели бы к остановке не только нерешенных ранее, но и текущих дел, губернатор предлагал разрешать увольнять чиновников от должностей по выборам только после «освидетельствования их врачебною управою»². При обсуждении данного предложения товарищ министра внутренних дел О.П. Козодавлев высказал опасение, что медицинское освидетельствование дворян «будет для них весьма стеснительно, и даже оскорбительно». В результате было решено довести до сведения губернатора, что «...если встретится в дворянах недостаток для исправления должностей по выборам, то можно на места их определять от герольдии»³.

Обязанность проводить «строгое исследование» о том, что дворянин «действительно исправлять службы не может» была возложена высочайше утвержденным мнением Государственного совета 18 декабря 1811 г. на губернского предводителя, который совместно с дворянским собранием должен был дать согласие на увольнение дворянства⁴. Однако установленный порядок оказался явно недостаточным. 24 апреля 1818 г. на заседании департамента законов Государственного совета проблема уклонения от службы вновь рассматривалась как одна из причин сокращения числа кандидатов, которые могли быть включены в избирательные списки, так как по действующему законодательству дворянин не «выслуживший полного трехлетия» на выборной должности уже не мог баллотироваться на следующих выборах в дворянском собрании. Такое положение в условиях недостаточного количества дворян ставило под вопрос саму возможность проведения выборов⁵.

¹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 30. № 23538. С. 879.

² Журналы комитета министров за 1810 год // Журналы комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826. Т. II: 1810–1812. СПб., 1891. С. 111–112.

³ Там же.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 31. № 24916. С. 1026.

⁵ Архив Государственного Совета. Т. 4: Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам департамента законов. Ч. 2. СПб., 1874. С. 109. Более жесткое решение проблемы «уклонения дворян от службы на выборных должностях»

О понимании противоречия между теоретическими принципами и реальностью красноречиво свидетельствует, также частная переписка В.П. Кочубея и М.М. Сперанского. Министр внутренних дел 2 ноября 1820 г., обращаясь к генерал-губернатору Сибири М.М. Сперанскому, писал: «Молодые люди наши врут, болтают, ничего не понимают, и сами не знают, чего хотят, понимая и конституцию, и либеральные правила в кривом виде, а впрочем: созрели ли мы достаточно, чтобы помышлять нам о конституции? Вы лучше знаете теперь губернии. Что за выборы, что за депутаты! Тут то бы увидели пресмешное представительное собрание!»¹.

В ответном письме М.М. Сперанский, полностью соглашаясь с мнением В.П. Кочубея, также акцентировал внимание на противоречиях между общественными ожиданиями и объективными условиями: «Прежде знали в провинциях одно действие власти, ныне требуют законности, и хотя худо ее понимают, но последний крестьянин готов спорить с мирским головою, а дворянин с губернатором. К сему присовокупляется недостаток людей. Тут корень зла: о сем прежде всего должно было бы помыслить тем юным законодателям, которые, мечтая о конституции, думают, что это новоизобретенная какая-то машина, которая может идти сама собою везде, где ее пустят»². Высказанная в частной переписке оценка была созвучна и общей направленности разговора М.М. Сперанского с Александром I после возвращения в Санкт-Петербург. 24 августа 1821 г. он зафиксировал в дневнике слова императора: «разговор о недостатке способных и деловых людей не столько у нас, но и везде. Отсюда заключение: не торопиться преобразованиями, но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются»³.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что в первой четверти XIX в. в сознании и Александра I, и авторов правительственных конституционных проектов сформировалось понимание невозможности в российских условиях согласовать три важнейших положения:

1) необходимость утверждения «коренных законов», определяющих функции и взаимодействие всех элементов системы государственного управления, гражданские права и обязанности каждого состояния российских подданных;

было закреплено уже в правление Николая I 6 декабря 1831 г. в «Положении о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным», в соответствии с которым служба на выборных должностях была объявлена обязанностью дворянина. См.: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. 6. Ч. 2. № 4989. С. 247–273.

¹ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1878. С. 503–504 (примечания).

² Письма графу Виктору Павловичу Кочубею // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1878. С. 503–504.

³ Цит. по: Мироненко С.В. Указ. соч. С. 72.

2) признание значимости «общего мнения», как одного из факторов возможности реализации бесконфликтного (без революций и народных бунтов) сценария развития страны;

3) констатация низкого уровня «просвещения» и неготовности к наделению политическими правами не только основной массы населения страны, но даже дворянства.

Недостаточное количество людей, которые соответствовали хотя бы минимальному набору формальных критериев, и одновременно, обладали необходимыми морально-нравственными и профессиональными качествами, неравномерность их территориального распределения, противоречивый опыт проведения дворянских выборов, проблема «уклонения дворян от службы на выборных должностях» – все это становилось в правительственных кругах важными аргументами для утверждения о несвоевременности учреждения в России конституции.

Список источников и литературы

1. Архив Государственного Совета. Т. 4: Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам департамента законов. Ч. 2. СПб., 1874. VI с., 784 стб., разд. паг.; 20 л. табл.

2. Письма графу Виктору Павловичу Кочубею // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1878. С. 502–506.

3. Журналы комитета министров за 1810 год // Журналы комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826. Т. II: 1810–1812. СПб., 1891. 758 с.

4. Захаров В.Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Российская история. 2011. № 6. С. 31–51.

5. Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII– первой четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа: Монография. Ч. 1–2. 2-е изд. М., 2022. Ч. 1. 592 с.; Ч. 2. 648 с.

6. Конституция Англии, или состояние английского правления, сравненного с республиканской формой и с другими европейскими монархиями. Сочинение г. де-Лолма, члена двух-сотного совета Женевской республики, перевел с французского коллежский асессор Иван Татищев. В 2 т. Т. 1–2. М., 1806. Т. 1. [10], 266, [2] с., [1] л. ил.; Т. 2. [4], 291, [1] с.

7. Мальгин Т. Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства, и о качестве лиц и дел в оных. СПб., 1803. [8], VI, 115 с.

8. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. 654 с.
9. Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М., 2010. С. 5–72.
10. Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. 235 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. I. Т. 30. № Т. 30. №23538. С. 878–881.
12. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 31. № 24916. С. 1026.
13. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 28. № 21648. С. 885.
14. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. 6. № 4989. С. 247–273.
15. Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 8.
16. РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1808. Кн. 46. Д. 348.
17. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // Сперанский М.М. Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М., 2015. С. 74–133.
18. Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803 г). // Сперанский М.М. Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М., 2015. С. 20–73.
19. Сперанский М.М. Краткое начертание Государственного образования (1809) // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 225–231.
20. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. 456 с.
21. Тимофеев Д.В. Конституция в российской периодической печати первой четверти XIX века: pro et contra // Муромцевские чтения. Труды. 2009–2013: Сб. науч. статей. Орел, 2014. С. 377–385.
22. Тимофеев Д.В. Российский конституционализм и выборы в дворянских собраниях при Александре Первом // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 848–866.
23. Тимофеев Д.В. Электоральные конфликты и групповая солидарность российского дворянства в царствование Александра Первого // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1274–1291.
24. Чернов К.С. «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции» // *Российская история*. 2009. № 4. С. 23–37.
25. Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 2: К–Н. СПб., 1804. [2], 964 стб.

26. De L'état de notre constitution // Николай Михайлович, Вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. II. С. 40–42.

27. Timofeev D.V. Европейский принцип выборности в России первой четверти XIX века: идеальные модели и практики реализации // Cahiers du Monde Russe. 2016; Vol. 57 (4), octobre — decembre. P. 743–764.

СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ В 1878–1883 гг.

Э.К. Рокки

Toronto Reference Library
tony.rocchi@gmail.com

Данное исследование прослеживает поворотный момент в истории российского конституционализма между 1878–1883 гг. Главным событием явилось убийство царя Александра II 1 марта 1881 г. членами «Народной воли». Незадолго перед его убийством, Александр II дал согласие предложению М.Т. Лорис-Меликова, министра внутренних дел, привлечь представителей земств и городов к обсуждению законопроектов в Государственном совете. Реформа могла бы положить начало превращению России в конституционное государство и была попыткой правительства заручиться поддержкой общества в его борьбе против терроризма. Цареубийство сокрушило эту возможность, и Александр III обещал остаться верным принципам самодержавия. Не только реакционеры в правительстве задержали конституционное развитие России. Народовольцы тоже несут ответственность потому что они использовали терроризм упреждающим ударом против развития России в направлении европейской либеральной государственности.

Ключевые слова: конституционализм, М.Т. Лорис-Меликов, «Народная воля», либералы, консерваторы.

Введение

Данное исследование посвящено поворотному моменту в истории российского конституционализма в период 1878–1883 гг. Главным событием этого периода стало убийство царя Александра II 1 марта 1881 г. членами «Народной воли». Незадолго перед этим, Александр II дал согласие на предложение М.Т. Лорис-Меликова, министра внутренних дел, привлечь представителей земств и городов к обсуждению законопроектов в Государственном совете. Лорис-Меликов не предложил ни конституции, ни парламента, но эта реформа могла бы положить начало превращению России в конституционное государство. Этот проект был попыткой правительства заручиться поддержкой общества в его борьбе против терроризма. Цареубийство ликвидировало эту возможность. В манифесте 29 апреля 1881 г. новый император, Александр III, обещал остаться верным принципам самодержавия.

Новый министр внутренних дел Н.П. Игнатьев предложил в 1882 г. созыв Земского собора, но Александр III отклонил это предложение. Конституционное развитие России возобновилось лишь в начале XX в.

События периода 1878–1883 гг. отражали напряженные отношения в пореформенной империи между правительством, в лице самодержавия, и обще-

ством, в лице политических движений. Данный период явился предысторией формирования политических партий. Именно тогда возникли социалистическая «Народная воля», марксистское «Освобождение труда», лоялистская «Священная дружина» и либеральный «Земский союз» (хотя некоторые историки утверждают что «Земский союз» был провокацией «Священной дружины»¹, однако другие утверждают, что «Земский союз» был легитимной либеральной организацией в России в начале 1880-х гг.²). Некоторые народовольцы проводили переговоры с посредниками из «Священной дружины» в целях достижения амнистии. Взаимодействие народовольцев, «дружинников» и либералов представляло паутину политических интриг и дало питательную почву для конспирологических фантазий. Многие представители нерусских народов принимали участие в общеимперских революционных и оппозиционных движениях, а также организовали свои собственные национальные движения.

По разным причинам, все попытки правительства заручиться общественной поддержкой в борьбе против терроризма потерпели крах. Правительственное недоверие ко всяким общественным инициативам, даже от самых лояльных элементов, было главным препятствием к примирению самодержавия и общества. Правительство даже распустило «Священную дружину» в конце 1882 г. из-за подозрений, что якобы лоялистские заявления дружинников были ширмой для аристократического фрондерского движения за конституцию³.

В данный период разные группировки в правительстве и политических движениях признали полезность терроризма к продвижению и достижению своих собственных политических целей. Это общее признание полезности терроризма повторилось в огромном масштабе в XX в., особенно в период Революции 1905–1907 гг. Часто отношения правительственных группировок и политических движений к терроризму, политическим свободам и конституционализму переплетались воедино.

Народовольцы тоже несут ответственность за задержку конституционализма. Они использовали терроризм в качестве упреждающего удара против развития России в направлении европейской либеральной государственности. Историки обычно утверждают что народовольцы потерпели поражение потому что им не удалось свергнуть самодержавие. Как заметил Тибор Самуэли, быв-

¹ Lukashevich S. The Holy Brotherhood: 1881–1883 // The American Slavic and East European Review. 1959. Vol. 18, No. 4. P. 499–502.

² Butler N. Vol'noe Slovo and the «Zemstvo Union»: Was Russian Liberalism Dead in 1881? // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. 16, No. 1. P. 27.

³ Рокки Т. Европейская «Эпоха динамита» и политический терроризм в Российской империи: уроки истории // Мир оружия: история, герои, коллекции: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. 16–18 октября 2019 г. Тула, 2020. С. 414.

ший венгерский коммунист: «“Народная воля” совершила блестящую победу в своем самопожертвовании за революционное дело. Конституционное буржуазное развитие России было остановлено. Процесс развития России в лоне европейской либеральной государственности был возобновлен только 25 лет позже и к тому времени, это было слишком поздно»¹.

Правительство и народолюбцы соперничали за поддержку общества. Это соревнование имело долгосрочные последствия в XX в. Левые террористы убеждали радикалов, что терроризм был совсем легитимным средством политической борьбы. Террористам удалось криминализировать широкие слои общества и они могли рассчитывать на поддержку либералов и амбивалентность консерваторов. Крайне правые элементы начали использовать терроризм. Параллельно с этим процессом шло продолжительное сокращение базы сторонников правительства.

Кризис самодержавия и общества

Первая вспышка терроризма в России имела место в 1878–1883 гг. Датой ее начала можно принять 24 января 1878 г. (покушение В.И. Засулич на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и оправдание Засулич судом присяжных). Революционеры из «Земли и воли» и других групп убили или ранили некоторых чиновников и полицейских шпионов. Другие революционеры оказывали вооруженное сопротивление при арестах. Начиная с 1879 г., «Народная воля» была доминирующей революционной организацией в России вплоть до смерти Александра III в 1894 г. Вспышка терроризма кончилась с разгромом народолюбческого Исполнительного комитета в 1883 г. Предпринимались многие попытки восстановить «Народную волю» вплоть до 1894 г., но все попытки потерпели крах².

На протяжении ряда десятилетий советские историки исходили из утверждения В.И. Ленина, что Россия переживала революционную ситуацию, когда народные массы проявляли повышенную активность в борьбе против помещиков и капиталистов. Однако уже в 1960-х гг. некоторые историки выражали сомнения в достоверности ленинской концепции. Профессор С.С. Волк писал следующее: «Таким образом, возникновение революционной ситуации в конце 70-х годов на почве общего аграрного кризиса страны, на почве брожения и недовольства ограбленной реформой 1861 г. деревни очевидно. Но если в конечном счете вторая революционная ситуация возникла в результате разного рода объективных условий, и в том числе повышенного возбуждения масс (вызванного рус-

¹ Szamuely T. The Russian Tradition. London, 1974. P. 368.

² Рокки Т. Указ. соч. С. 414.

ско-турецкой войной 1877–1878 гг.), то ближайшей причиной кризиса самодержавия была отчаянная борьба против правительства революционной интеллигенции, отражавшей в своей деятельности протест народа. Именно политическая борьба народнической интеллигенции получила в конце 70-х годов значение одного из виднейших факторов революционной ситуации»¹. Таким образом, мы имеем дело с борьбой между самодержавием и народолюбцами.

Напряженные отношения между правительством и обществом имели и долгосрочные, и краткосрочные причины. Среди первых стоит отмена крепостного права в 1861 г., которая положила начало переходу России от доиндустриального порядка к индустриальному веку. Пореформенный период был локальным эквивалентом общеевропейского перехода от феодализма к капитализму. Переход был бурным периодом экономических кризисов и напряженной общественно-политической борьбы. Отмена крепостного права сломала фундамент доиндустриального порядка и положила начало разложению других традиционных отношений и ценностей. Участились конфликты между разными слоями общества по политическим, сословным, классовым, национальным, религиозным, региональным, местным, возрастным, гендерным и другим направлениям. Происходили конфликты внутри разных слоев. Обострились конфликты между правительством и обществом. Были конфликты в правительстве между разными группировками и между разными секторами политических движений².

Поднимался вопрос и о политическом развитии Империи. Для правительства и политических сил в обществе было два главных вопроса:

1. *Станет ли Россия европейским государством?* Все европейские государства были конституционными или полуконституционными монархиями или республиками.

2. *Пойдет ли Россия особым путем?* В особенность России верили консерваторы всех оттенков, а также многие либералы и социалисты. Народничество было главным течением среди социалистов в 1860–1880-х гг. Народники выступали за социальную революцию и утверждали, что политические революции с дарованием конституции и парламента лишь пойдут на пользу буржуазии и продолжат эксплуатацию³. Народники и многие консерваторы, особенно славянофильского толка, очень враждебно относились к европейскому либерализму.

Половинчатость «великих реформ», особенно земской и судебной реформ 1864 г., разочаровала многих представителей общества. Многие земские либералы просили правительство «увенчать здание» губернских и уездных земств парламентом, но получали отказы от правительства. П.А. Валуев, министр

¹ Волк С.С. Народная воля, 1879–1882. М., 1966. С. 63.

² Рокки Т. Указ. соч. С. 417.

³ Там же.

внутренних дел, предлагал царю в 1863 г. установление совещательного съезда государственных представителей, выбранных земствами и крупными городами, чтобы работать совместно с Государственным советом. Александр II отклонил это предложение¹.

Самодержавие не стремилось развивать гражданское сознание среди населения, как это делали многие европейские правительства. Это происходило в то время, когда ряд стран мобилизовал все возможные институты: школьную систему, средства массовой информации, военную службу, чтобы жители стали гражданами с сознанием своих прав и ответственности перед государством и обществом. Как предположил американский историк Джонатан Дэйли, самодержавие не особо активно искало сторонников от различных политических группировок: «Императорское правительство выжидало и не требовало большей надежности от российских подданных. Правительство хотело полагаться на них, чтобы не заниматься деятельностью, вредной для интересов государства, но не ожидало, что их подданные будут оказывать активную поддержку государству. Они были свободны придерживаться своего мнения, расходящегося с интересами правительства, возможно, даже выразить эти мнения в какой-то завуалированной или умеренной форме, но они не должны были произносить их громко или решительно. Одним словом, просто вера была достаточна. В отличие от этого, многие русские революционеры, а затем Советское правительство ожидали, а в некоторых случаях, требовали поддержки»². Возможно, самодержавие хотело, чтобы свои подданные воздержались от нарушения законов, и не настаивало на строгом послушании законам. С незначительной поддержкой и постоянным недоверием к гражданским инициативам, самодержавие не могло получить одобрение общественности в борьбе против терроризма. Последствия этой недальновидности проявлялись уже до начала вспышки терроризма в 1878 г.

«Хождение в народ», балканские войны, самодержавие и общество

Среди краткосрочных причин обострения отношений между правительством и обществом были внутренние и внешние факторы – деятельность революционных народников и неудачи на балканских войнах.

Семидесятые годы считаются годами процветания революционного народничества с кульминацией в виде «хождения в народ» в 1874 г. Тысячи

¹ Szamuely T. Указ. соч. P. 495.

² Daly J.W. Autocracy under siege: security police and opposition in Russia, 1866–1905. DeKalb IL, 1998. P. 68.

молодых пропагандистов ходили в деревни, чтобы разжигать крестьянскую революцию. Российский эквивалент детского крестового похода 1212 г. кончился массовыми арестами пропагандистов. Завершением народнического похода явился «процесс 193-х» – дело о революционной пропаганде в империи, которое рассматривалось Особым присутствием Правительствующего Сената 18 октября 1877 г. – 23 января 1878 г. Арестованные в 1875 г. были судимы в ходе «процесса 50-ти» 14 февраля – 14 марта 1877 г. Пламенные судебные речи подсудимых и их адвокатов вызывали общественное сочувствие. После массовых арестов, многие народники признались в необходимости создания централизованной организации. В результате в 1876 г. организовалась народническая «Земля и воля», и землевольцы имели боевую организацию для защиты революционеров от предателей, шпионов и чиновников. Другие организации тоже выступали за теракты. Многим народникам стало очевидно, что распространение социалистической пропаганды было невозможно при отсутствии политической свободы. Все чаще многие народники понимали необходимость политической революции, чтобы достичь политическую свободу и, следовательно, творить условия к проведению социалистической пропаганды и потом к свершению социальной революции. Однако при этом народники сохраняли свою враждебность к конституционализму и боялись политического торжества буржуазии.

Размах «хождения в народ» и общественного сочувствия к пропагандистам беспокоил правительство. Министр юстиции К.К. Пален в своей записке возмущался многочисленными случаями помощи со стороны родителей своим радикальным детям и подчеркнул, что родители и другие представители общества совсем не понимали, что их преступная деятельность будет причиной гибели общества и их самих. Пален также отмечал, что пропагандисты легко проникли в разные общественные слои и получили сочувствие и поддержку¹. Он заключил, что недостаточный отпор от общества способствовал успехам пропагандистов, потому что молодежь «не находит отпора в той среде, где она растет и развивается, ибо те нравственные основы воспитания, которые может дать только семья, по-видимому, вовсе не развиты у многих этих молодых людей, не обладающих при поступлении в школы никакими твердыми началами уважения религии, семейства, чужих прав, личности и собственности»².

Комитет министров на заседаниях 18 и 26 марта 1875 г. обсуждал, что делать с арестованными революционерами. Министры отмечали не только рав-

¹ Записка министра юстиции Графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России. 2-е изд. Женева, 1875. С. 13–15.

² Там же. С. 18.

нодушие общества к революционной угрозы и общественное сочувствие к молодым революционерам, но и также незнание всего правительства и большинства членов Комитета министров с уровнем опасности пропаганды. Необходимо было показать обществу истинные лица «друзей народа». Министры заметили, что революционеры призывали к кровавой расправе над врагами революции. Судебная гласность могла подорвать общественное сочувствие к радикалам и восстановить доверие общества к правительству¹. Но надежды правительства рухнули в ходе политических процессов.

Восстания и войны на Балканах в 1875–1878 гг. тоже обострили отношения между правительством и обществом. Представители общества ликовали, получив известия о восстаниях в Боснии-Герцеговине и Болгарии против Османской империи и о войнах, начатых Сербией и Черногорией против нее. Кульминацией была русско-турецкая война 1877–1878 гг. с освобождением Болгарии. Консерваторы (особенно панслависты), либералы и даже социалисты стремились поддержать освобождение братских православных славян от османского ига. Сотни добровольцев поехали на Балканы. Многие народники принимали участие в восстаниях и войнах чтобы изучить опыт вооруженной борьбы народа против правительства². Неудачи армии в русско-турецкой войне наряду с дипломатическим поражением России, нанесенным Британией на Берлинском конгрессе, разочаровали многих консерваторов и либералов, мечтавших о победоносной войне. Гнев общества усилился, потому что Александр II даровал конституцию болгарам и отказался дать конституцию своим подданным³. В сентябре 1877 г. великий князь Константин Николаевич хотел отложить открытие «Процесса 193-х». Царь приказал начать процесс в октябре⁴. Понятно, что младший брат царя боялся враждебной реакции общества к большому процессу при неудачах на фронте. Крупные процессы 1877 г. привлекали общественное сочувствие к революционерам. Напряженные отношения между самодержавием и обществом усилились, когда началась очередная вспышка терроризма.

¹ Татищев С.С. Император Александр II: его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. С. 595.

² Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX века: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1965. С. 78–79.

³ Szamuely T. Указ. соч. Р. 452–453.

⁴ Итенберг Б.С. Указ. соч. С. 393–394.

«Народная воля», терроризм и политическая борьба

Политический терроризм в России был производной напряженных отношений между правительством и обществом. Вспышка терроризма началась 24 января 1878 г. с покушения В.И. Засулич на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Самыми крупными терактами до возникновения «Народной воли» были убийство шефа жандармов Н.В. Мезенцева 4 августа 1878 г. С.М. Кравчинским и покушение А.К. Соловьева 2 апреля 1879 г. на жизнь Александра II. Многие народники понимали необходимость политической революции, но другие народники выступали и за социальную революцию. Летом 1879 г. «Земля и воля» распалась на две организации: «Народную волю» и «Черный передел». Г.В. Плеханов и некоторые другие «чернопередельцы» организовали марксистскую организацию «Освобождение труда» в 1883 г. Народовольческий Исполнительный комитет приговорил царя к смерти и начал серию покушений на его жизнь.

Народовольцы выбрали терроризм средством политической борьбы. Среди целей терроризма были:

1. **Защита** революционного движения от шпионов, предателей и чиновников.

2. **Дезорганизация** правительства через политические убийства. Последствия должны были привести к дискредитации правительственных действий, уменьшению авторитета правительства перед населением, деморализации правительства.

3. **Призыв** народа к революции ввиду того, что правительство будет не в силах подавить её.

4. **Принуждение** правительства пойти на уступки: дарование конституции, парламента и политических свобод. По представлениям народовольцев, эта цель могла гарантировать поддержку либералов, временных союзников в борьбе. Политическая свобода могла дать благоприятные условия для проведения социалистической пропаганды и свершения социалистической революции¹.

5. Через цареубийство – **удар по центру** – народовольцы старались свергнуть самодержавный строй. Их упор на цареубийство явился закономерным выводом народовольческого понятия о российском государстве. Это понятие о природе российского государства оправдало выбор на цареубийство. Народовольцы видели главное отличие России от Европы в ролях государства и

¹ Рокки Т. Идеологическое и тактическое оружие организации «Народной воли»: как народовольцы стали легендарными в истории терроризма // Мир оружия: история, герои, коллекции: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 7–9 октября 2020 г. Тула, 2021. С. 424.

общества. В европейских странах общество создало государство, а в России именно государство создало общество. Бюрократия, армия, церковь, дворянство и буржуазия были созданы самодержавием и получили свои привилегии от государства. Они были не способны действовать независимо и сопротивляться самодержавию. Общественные институты в Европе могли свободно соперничать с монархами за разделение власти. Народовольцы были убеждены, что сосредоточение власти в руках царя явилось ахиллесовой пятой российского государства. Акт цареубийства привел бы к быстрому распаду государства¹.

Были также и скрытые цели народовольческого терроризма:

1. **Спровоцировать** правительство к более жесткому курсу репрессий, и, следовательно, разжечь народную революцию или создать условия для государственного переворота. Результатом цареубийства явилось провозглашение правительством 14 августа 1881 г. «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Эти временные правила действовали вплоть до Февральской революции.

2. Использовать терроризм как **упреждающий удар** против развития России в направлении европейской либеральной государственности. Многие социалисты хотели совершить скачок от феодализма напрямик к социализму, без преодоления капиталистического и либерального этапа развития. Долгосрочная парламентская демократия, по их мнению, могла бы только установить власть буржуазии и продолжать эксплуатацию народа².

Некоторые историки оспаривают народовольческий упор на терроризм. Н.А. Троицкий, крупный советский специалист по «Народной воле», старался преуменьшать народовольческий упор на цареубийство и представлять народовольчество общедемократическим фронтом сторонников политической свободы. Он отмечал, что «программа обязывала народовольцев вести пропагандистскую, агитационную и организаторскую работу “во всех слоях населения” страны от крестьянских “низов” до чиновных “верхов”, чтобы мобилизовать против царизма всех недовольных. “Народная воля” стремилась к максимальному расширению своей социальной базы, требуя от революционеров готовить себе опору среди крестьян и рабочих, заводить связи в администрации, войске, обществе, “сходиться с либералами” и даже обеспечивать “сочувствие народов” Европы»³. Но факты останутся фактами. Народовольцы тратили свои финансовые и людские ресурсы именно на цареубийство. Рассмотрим деятельность правительства и общества при вспышке терроризма.

¹ Там же.

² Рокки Т. Европейская «Эпоха динамита» и политический терроризм в Российской империи: уроки истории. С. 412.

³ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 266.

Правительство, общество и терроризм (1878–1880 гг.)

Этот краткий период начался с покушением Веры Засулич 24 января 1878 г. и кончился 5 февраля 1880 г. со взрывом в Зимнем дворце, совершенным народо-довольцем С.Н. Халтуриным.

Правительство сочетало усиленные репрессивные меры против революционеров с попытками заручиться поддержкой общества. В первый раз в российской истории правительство опубликовало призыв к обществу 20 августа 1878 г., вскоре после убийства шефа жандармов Н.В. Мезенцева: «Правительство должно найти себе опору в самом обществе, и поэтому считает ныне необходимым призвать к себе на помощь силы всех сословий русского народа для единодушного содействия ему в усилиях вырвать с корнем зло, опирающееся на учении навязываемом народу при помощи самых превратных понятий и самых ужасных преступлений. Русский народ и его лучшие представители должны на деле показать, что в среде них нет места подобным преступникам, что они действительно считают их отверженниками и что каждый верноподанный русского государя будет всеми зависящими от него мерами способствовать правительству к искоренению нашего общего внутреннего врага»¹.

Откровенный ответ от общества был в адресах царю от некоторых губернских земских собраний. Земцы написали, что при отсутствии имперских представительных институтов и гражданских свобод, подданные царя не имели возможностей помогать правительству в его борьбе против революционеров². Земский ответ переплетается с общественным отношением к терроризму и к бюрократии.

По мнению американского исследователя Адама Улама, общественное сочувствие к терроризму отличало Россию от европейских стран: «Ситуация в России была своеобразной в том, что к этому средству политической борьбы относились с пониманием, если не с явным сочувствием, со стороны многих солидных граждан среднего и высшего классов, которые сами не мечтали бы нарушать самое мелкой полицейское правило»³. Это своеобразие усилилась при масштабной вспышке терроризма в начале XX в.

Правительство столкнулось с сильными антибюрократическими настроениями в обществе среди славянофилов, охранителей (консерваторов и реакционеров) и либералов разных оттенков. Славянофилы нередко идеализировали допетровское самодержавие, многие из них выступали за установление совеща-

¹ Татищев С.С. Указ. соч. С. 601.

² Ulam A.B. In the name of the people: prophets and conspirators in pre-revolutionary Russia. New York, 1977. P. 295.

³ Там же. P. 265.

тельного Земского собора и считали бюрократию стеной между царем и народом¹. Часто либералы и охранители обвиняли бюрократию в разжигании революционного брожения. Либералы подчеркивали, что административный произвол, особенно в школах и университетах, был фактором радикализации молодежи, а консерваторы упрекали бюрократов в либеральничаньи и мягкости к крамольным элементам². Один из охранителей, М.Н. Катков, издатель «Московских ведомостей», верил, что революционное движение было закономерным результатом порочности общества и слабости властей. Катков считал царевубийство 1 марта 1881 г. возмездием за политическое легкомыслие и малодушие общества и правительства и заключил, что только неограниченное самодержавие, как истинно русское явление, могло преодолеть партийный фракционализм и соединить народ с властью³.

Среди правых элементов были распространены конспирологические теории. Охранители часто обвиняли внешних врагов в разжигании терроризма. Как правило, злодеями в нарративах о врагах России были международные революционные движения, поляки, евреи, Англия, Франция и Германия⁴. «Петербургские бюрократы» стали любимыми мишенями гнева Каткова. Они проводили «великие реформы», сближали Россию с Европой и распространяли менталитет западничества. Засилье прибалтийских немцев и поляков в бюрократии, по мнению Каткова, препятствовало подлинной связи царя с народом⁵. Правительство имело дело не только с революционным и либеральным оппозиционными движениями, но и с правым оппозиционным движением на раннем этапе его развития. В Революции 1905–1907 гг. такая правая оппозиция стала составной частью черносотенной «революции справа».

Рассмотрим реакции правительства на разных этапах вспышки терроризма. Правительство организовало серию особых совещаний, в частности, Особое совещание для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи под председательством министра государственных имуществ П.А. Валуева. Совещания обычно созывались после каждого крупного теракта. Первое совещание собралось 31 марта 1878 г., сразу после оправдания В.И. Засулич судом присяжных «ввиду постоянно усиливающегося социально-революционного движения, некоторые участники коего в последнее время обнаружили даже по-

¹ Fischer G. Russian liberalism: from gentry to intelligentsia. Cambridge MA, 1958. P. 21.

² Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора: 1879–1881 годы. М., 2014. С. 136.

³ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 182–183, 200–202.

⁴ Сафронова Ю.А. Указ. соч. С. 231–232.

⁵ Gilbert G. The Radical Right in Late Imperial Russia: Dreams of a true Fatherland? London and New York, 2016. P. 21–22.

пытки к осуществлению крайних положений своей программы». Несмотря на требования К.К. Палена и других чиновников перейти на более жесткий курс репрессий против революционеров, например, ввести передачу всех дел о насилии военным судам, правительство предпочитало использовать гражданские суды¹.

Второе совещание собралось в конце июля в связи с деятельностью подпольного социалистического кружка, избравшего театром своих действий города Киев, Харьков и Одессу, назвавшегося «Исполнительным Комитетом русской социально-революционной партии»². Примерно 10–15 южных «бунтарей» использовали грандиозное название для устрашения властей, и им удалось напугать правительство. Совещание обсуждало полицейские меры, но убийство Н.В. Мезенцева С.М. Кравчинским 4 августа 1878 г. положило начало усилению репрессивных мер.

9 августа был издан закон, предающий военным судам лиц, обвиняемых в вооруженном сопротивлении властям или нападении на чинов армии и полиции и на всех вообще должностных лиц, при исполнении ими обязанностей службы, или же вследствие исполнения этих обязанностей, если преступления эти сопровождалось убийством, или покушением на убийство, нанесением ран, увечий, тяжких побоев или поджогов. Дополнительные правила 1 сентября предоставляли жандармам, а при отсутствии их – полицмейстерам и уездным исправникам – право ареста и административной ссылки лиц, подозреваемых в государственных преступлениях, а также и лиц, привлекаемых к ответственности за участие в уличных беспорядках или сходках, имеющих политический характер. При этом не только арест, но и ссылка указанных лиц могла осуществляться без санкции прокуратуры³.

20 ноября в Москве Александр II обратился к представителям сословий с призывом оказать содействие правительству, дабы «остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь»⁴. 1878 г. ознаменовал эскализацию репрессивных мер, и в правительственных кругах не прозвучало ни слова о необходимости уступок или реформ для привлечения поддержки общества.

Еще одно совещание было созвано в марте 1879 г. после покушения Л.Ф. Мирского на жизнь А.Р. Дрентельна, шефа жандармов 13 марта 1879 г. На нем было принято решение исследовать причины революционного движения и

¹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 59–71.

² Там же. С. 72–73.

³ Там же. С. 75–79.

⁴ Там же. С. 81.

его распространения, особенно среди молодежи, а также определить меры борьбы с социалистическим движением¹.

Результатом покушения А.К. Соловьева на жизнь Александра II 2 апреля 1879 г. стало провозглашение указа 5 апреля об установлении шести генерал-губернаторств (в Санкт-Петербург, Москве, Варшаве, Одессе, Киеве и Харькове). Указ дал генерал-губернаторам право предавать военному суду, «когда они признают это необходимым», обвиняемых в любом государственном преступлении, и допускал административную ссылку всех лиц, «дальнейшее пребывание которых в тех местностях они признают вредным». Устанавливалось и ускоренное судопроизводство в военных судах².

Четвертое совещание было собрано в конце апреля. Его участники обсуждали равнодушные интеллигенции к борьбе правительства против революционеров. Валуев написал в связи с этим: «Вообще, во всех слоях населения проявляется какое-то неопределенное, обуявшее всех неудовольствие. Все на что-то жалуется и как будто желают и ждут перемены». Министр заключил, что единственными сторонниками правительства были помещики, старообрядцы (особенно из купечества) и польские помещики-католики в западных губерниях³.

Однако на рубеже 1879–1880 гг. великий князь Константин Николаевич, П.А. Валуев и военный министр Д.А. Милютин начали говорить о необходимости реформ и о привлечении общественности к обсуждению законопроектов при Государственном совете. Великий князь Александр Александрович, наследник престола, возражал против таких реформ, потому что он считал их «началом конституции»⁴. Только взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. заставил правительство подумать об уступках обществу.

Земские либералы предпринимали ряд мер в 1878–1880 гг. в поддержку реформ. Особенно радикальную активность проявлял И.И. Петрункевич, гласный Черниговского губернского земского собрания и один из будущих руководителей Конституционно-демократической партии (партии кадетов).

На протяжении месяцев после правительственного призыва к обществу 20 августа 1878 г., 14 губернских земств и 12 уездных земства послали адреса царю. Адреса от Черниговской, Полтавской, Харьковской, Тверской и Самарской губернских земств содержали конституционные предложения и требования. Земские либералы согласились, что при отсутствии политической свободы и представительных институтов земствам не могли помогать правительству в борьбе против революционеров. В 1879–1881 гг. были направлены адреса от

¹ Там же. С. 84.

² Там же. С. 86–88.

³ Там же. С. 98, 102–104.

⁴ Там же. С. 141.

Казанского, Таврического, Новгородского и Рязанского губернских земств, в которых содержались предложения привлечь представителей общества к участию в государственных делах¹.

Троицкий предположил, что в 1877–1878 гг. некоторые революционеры и либералы встречались для обсуждения совместных действий². 3 декабря 1878 г. Петрункевич и ряд земских либералов и украинофилов встретились с несколькими революционерами в Киеве. Петрункевич предложил объединиться либералам и социалистам в кампании за конституцию путем легальных средств вроде петиций, мирных демонстраций и распространения конституционной пропаганды. Земский деятель требовал, чтобы революционеры приостановили терроризм в период проведения кампании, но революционеры отвергли это требование. В январе 1879 г. Петрункевич составил адрес Черниговского губернского земства к царю. Как и другие земцы, он утверждал, что при отсутствии политической свободы было невозможно помогать правительству в борьбе против терроризма. Петрункевич затем опубликовал памфлет «Очередные задачи земства» и выступил за созыв Собрания представителей земств, а затем Учредительного собрания. В марте 1879 г. Петрункевич созвал собрание 30–40 земских либералов в Москве. Земцы признали, что только конституционный строй мог бы положить конец правительственному произволу и революционному насилию. Однако вскоре после собрания, Петрункевич был административно выслан в Костромскую губернию³. Возможно, что Петрункевич также организовал неформальную «Лигу оппозиционных элементов» в 1878–1879 гг.⁴ [12, с. 27] Несмотря на эти неудачи либералов, события 1878–1879 гг. занимают определенное место в предыстории кадетской партии. Отношения правительства, народолюбцев и общества вышли на новый уровень после 5 февраля 1880 г.

От 5 февраля 1880 г. до 1 марта 1881 г.

После взрыва в Зимнем дворце правительство 12 февраля 1880 г. учредило Верховную распорядительную комиссию по охране государственного порядка и общественного спокойствия во главе с Харьковским генерал-губернатором М.Т. Лорис-Меликовым. Комиссия получила исключительные права принимать все необходимые меры к борьбе с революционным движением. 15 февраля

¹ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 128–129.

² Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 206–207.

³ Fischer G. Указ. соч. Р. 32–38.

⁴ Butler N. Указ. соч. Р. 27.

в воззвании к жителям столицы Лорис-Меликов заявил: «на поддержку общества смотрю, как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни». После относительного восстановления порядка, Верховная распорядительная комиссия была ликвидирована 6 августа 1880 г., а Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел. Среди его главных задач как министра и шеф жандармов было «высшее направление всех следственных по государственным преступлениям дел»¹.

В программной записке, направленной царю 11 апреля 1880 г., Лорис-Меликов отметил, что «полезно и, по моему мнению, необходимо в видах успокоения правильными занятиями возбужденных умов, жаждущих деятельности, привлечь дворянство, земства и города к участию в таких вопросах, которые близко касаются местных нужд. Участие это желательно не предоставлять выборам самих общественных учреждений, но власть всегда может намечать, из среды их наиболее сведущих и благонадежных лиц, труды и знания которых не могут не принести пользы при разработке экономических, хозяйственных и финансовых вопросов, по заранее преподанной программе и в ее пределах»². Лорис-Меликов еще не рекомендовал привлечение земских и других общественных деятелей к участию в государственных делах, хотя и согласился на возможное привлечение представителей общества к обсуждению местных нужд. Однако либералы имели ввиду другое расширение их деятельности.

В марте 1880 г. московский профессор С.А. Муромцев, В.Ю. Скалон и А.И. Чупров послали свою записку «О внутреннем состоянии России» Лорис-Меликову. Подписали записку 20 либералов. Муромцев, будущий кадетский председатель первой Государственной думы в 1906 г., подчеркивал, что невозможно было сокрушить терроризм при отсутствии политической свободы и проведении жесткого курса репрессий наряду с ограничениями прав судов, земств, печати и других общественных институтов. Лишь активное участие общества в государственных делах могло положить конец революционному насилию. Муромцев и его соавторы рекомендовали созыв Собрания представителей земств, чтобы дать обществу место управления страной и права личности, в том числе права свободомыслия и слова³. Требования либералов в 1878–1880 гг. подчеркивали, что при отсутствии политической свободы общество не могло помочь правительству победить терроризм. Лишь дарование представительных институтов могло положить конец циклу левого насилия и общественного недоверия к правительству.

¹ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 154, 156–157, 224–225.

² Там же. С. 211.

³ Fischer G. Указ. соч. Р. 63–67.

Лорис-Меликов в начале 1881 г. пришел к выводу, что необходимо было привлечь представителей общества к сотрудничеству в государственной политике. Среди его сторонников были великий князь Константин Николаевич, военный министр Д.А. Милютин и министр финансов А.А. Абаза. Время показалось удобным для проведения большой реформы, потому что народовольцы не совершали покушения между февралем 1880 г. и январем 1881 г.

В докладе к царю 28 января 1881 г. Лорис-Меликов подчеркнул, что он возражает против установления парламента в России и против созыва Земского собора, но что возможно было бы привлечь представителей общества к участию в государственных делах. Министр предложил создание двух временных подготовительных совещательных комиссий – административно-хозяйственной и финансовой – с участием представителей земства, а также выборных от крупных городов. Состав комиссий должен был назначаться императором из числа представителей центральных правительственных ведомств, а также назначаемых императором «сведущих и благонадежных служащих и неслужащих лиц, известных своими специальными трудами в науке или опытностью по той или другой отрасли государственного управления или народной жизни». Император имел право определять вопросы к составлению законопроектов.

Для рассмотрения законопроектов, разработанных в комиссиях, Лорис-Меликов предлагал создание общей комиссии. Эта комиссия, возглавлявшаяся лицом, назначенным императором, должна была состоять из членов подготовительных комиссий. Помимо этого, в состав комиссии включались выборные от земств, а также от некоторых значительных городов, по два от каждой губернии и города; причем в целях привлечения «действительно полезных и сведущих лиц» губернским земским собраниям и городским думам должно было быть предоставлено право избирать их не только из среды гласных, но и из других лиц, принадлежащих к населению как губернии, так и города. После одобрения общей комиссией законопроектов, они должны были передаваться для окончательного рассмотрения в Государственный совет с заключением министра, к ведомству которого относился данный законопроект. Лорис-Меликов писал, что «для облегчения Государственного совета в предстоящих ему работах, быть может призвать и в состав его, с правом голоса, несколько, от 10 до 15, представителей от общественных учреждений, обнаруживших особенные познания, опытность и выдающиеся способности»¹.

Работа предполагаемых комиссий была строгой совещательной, но лорис-меликовский проект ознаменовал крупный шаг к примирению правительства и общества. Александр II одобрил проект в феврале. Утром 1 марта царь дал со-

¹ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 288–289.

гласие созывать министров к рассмотрению проекта 4 марта. «Да ведь это Генеральные штаты», – сказал он¹. Несколько часов спустя он был убит бомбой, брошенной народовольцем.

После царубийства

Отклики на царубийство варьировались. 10 марта народовольческий Исполнительный комитет послал письмо царю Александру III, в котором предлагал ему выбор: «или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к Вашему Величеству с советом избрать второй путь». Народовольцы допускали прекращение терроризма, если бы новый царь передал свою власть Учредительному собранию².

Либералы просили реформ. В первые мартовские недели 1881 г. из 288 органов российской печати только 8 (3 – в Москве, 2 – в Петербурге, 3 – в провинции) занимали охранительно-реакционные позиции, а 280 – просили реформ³.

Весной возникла «Священная дружина», первая контрреволюционная организация в российской истории. «Дружинники» из рядов высших сановников и аристократов старались бороться против революционного терроризма через лоялистский терроризм. Они считали, что самодержавие было неспособно защищать себя. Чтобы посеять разброд среди социалистов и либералов, «Дружина» издавала три газеты: либеральное «Вольное слово» и ультралевую «Правду» в Женеве и либеральный «Московский телеграф»⁴. Редакторы «Вольного слова» в 1882 г. сообщили, что газета стала органом «Земского союза» в России. Некоторые историки считают, что либеральный «Земский союз» был провокацией Дружины⁵, но другие историки предполагают, что легитимный «Земский союз» был организован в Харкове в марте⁶. Правительство распустило Дружину в конце 1882 г.

8 марта министры встретились, чтобы обсудить лорис-меликовский проект, но так и не приняли окончательного решения о его реализации. К.П. Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода, предсказал гибель империи в слу-

¹ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 327.

² Там же. С. 333.

³ Там же. С. 330.

⁴ Lukashevich S. Указ. соч. Р. 499–502.

⁵ Butler N. Указ. соч. Р. 14–15.

⁶ Ibid. Р. 27–31.

чае принятия проекта. Александр III заявил: «Я тоже опасаясь, что это первый шаг к конституции»¹. Царский манифест 29 апреля содержал ответ Александра III на предложение привлечь представителей общества к участию в государственных делах: «С верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений»². Проект Лорис-Меликова, следовательно, считался поползновением на права самодержавной власти. В результате Лорис-Меликов, Милютин и Абаза подали в отставку. Н.П. Игнатъев, славянофил и бывший посол в Константинополе, стал новым министром внутренних дел.

При этом Игнатъев старался поддерживать славянофильские идеи о государственном устройстве. Исходя из славянофильского учения о союзе царя и народа, он в марте 1882 г. предложил царю созвать Земский собор во время коронации в 1883 г. Последний Земский собор собирався в 1682 г., и Игнатъев предположил, что созыв совещательного собора мог бы разбить бюрократическую стену между царем и его подданными. В рамках собора царь мог бы услышать голос народа. Игнатъев составил план привлечения к работе в нем до 4000 депутатов (крестьяне должны были составлять 50–60 % делегатов). Однако Александр III отклонил это предложение и отправил в отставку Игнатъева 30 мая. Новым министром внутренних дел стал Д.А. Толстой³. Без сомнений, Александр III знал, что созыв Генеральных Штатов во Франции в 1789 г. положил начало Французской революции. Самодержавие не смогло стать во главе массового общественного движения против бюрократии и либералов и социалистов. Конституционное развитие России было задержано за почти 25 лет.

Заключение

Период 1878–1883 гг. явился поворотным моментом в истории российского конституционализма. Сторонники введения конституционного строя в империи были представлены лишь некоторыми неформальными либеральными движениями. Многие представители правительства и консервативного лагеря, равно как и народовольцы, составляли оппозицию к введению конституционализма. Однако в данный период принимали участие в дебатах о государственном устройстве России как представители правительства, так и представители социалистов, либералов и консерваторов.

¹ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 325–331.

² Там же. С. 374–375.

³ Там же. С. 451–471.

Трудно предугадать, каким был бы успех лорис-меликовского проекта, если бы не произошло цареубийство. Возможно, проект положил бы начало конституционному развитию России.

За задержку конституционного развития России несут ответственность самодержавие и народовольцы. Самодержавный строй тормозил развитие гражданского сознания и правосознания в России. Русские цари, в отличие от европейских правителей, не имели должного представления о государстве как самостоятельном организме, отдельном от них. Императоры считали российское государство своей вотчиной и не сумели отличать государство от государя. Они не могли терпеть всякое покушение на их власть и боялись всяких общественных инициатив, даже от самых лояльных элементов.

Народовольцы заведомо использовали терроризм как опережающий удар против превращения России в европейское конституционное государство. Они передали эту враждебность к европейскому либерализму следующему поколению революционеров.

События на рубеже 1870–1880-х гг. предшествовали многим политическим актам в России в начале XX в. Можно ли предположить, что революция 1905–1907 гг. решила вопрос о государственном развитии Российской империи? Манифест 17 октября 1905 г., дарованный Николаем II, вводил Государственную Думу и политические свободы, превратил самодержавный государственный строй в полусамодержавный-полуконституционный и сблизил Россию со многими европейскими государствами. Однако Октябрьский манифест не положил начало переходу России в лоно европейской государственности. Главным препятствием на пути к конституционному развитию России было несогласие императора Николая II, многих членов правительства и представителей политических движений (от правых до левых) на переход Российской империи к модели европейской либеральной государственности. В истории европейских революций этот отказ от европейских норм государственности и законности был беспрецедентным и значимо предопределял ход событий в истории думской монархии и в 1917 г. Террористы внесли свой вклад в срыв конституционного развития России. Социалисты и либералы воспринимали дарование манифеста как признак слабости правительства и делали вывод, что эскалация терроризма может ускорить падение самодержавия¹.

Период 1878–1883 гг. дает нам ключ к пониманию сложного пути российского конституционализма и предпосылок широкой враждебности к европейским нормам государственности и законности.

¹ Рокки Т. Европейская «Эпоха динамита» и политический терроризм в Российской империи: уроки истории. С. 417.

Список источников и литературы

1. Волк С.С. Народная воля, 1879–1882. М., 1966. 491 с.
2. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. 511 с.
3. Записка министра юстиции Графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России. 2-е изд. Женева, 1875. 24 с.
4. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX века: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1965. 443 с.
5. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. 288 с.
6. Рокки Т. Европейская «Эпоха динамита» и политический терроризм в Российской империи: уроки истории // Мир оружия: история, герои, коллекции: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. 16–18 октября 2019 г. Тула, 2020. С. 412–421.
7. Рокки Т. Идеологическое и тактическое оружие организации «Народной воли»: как народовольцы стали легендарными в истории терроризма // Мир оружия: история, герои, коллекции: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 7–9 октября 2020 г. Тула, 2021. С. 421–432.
8. Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора: 1879–1881 годы. М., 2014. 370 с.
9. Татищев С.С. Император Александр II: его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. 734 с.
10. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. 279 с.
11. Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. 370 с.
12. Butler N. Vol'noe Slovo and the «Zemstvo Union»: Was Russian Liberalism Dead in 1881? // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. 16, No. 1. P. 14–38.
13. Daly J.W. Autocracy under siege: security police and opposition in Russia, 1866–1905. DeKalb IL, 1998. XI, 260 p.
14. Fischer G. Russian liberalism: from gentry to intelligentsia. Cambridge MA, 1958. XIV, 240 p.
15. Gilbert G. The Radical Right in Late Imperial Russia: Dreams of a true Fatherland? London and New York, 2016. XXII, 258, [2] p.
16. Lukashevich S. The Holy Brotherhood: 1881–1883 // The American Slavic and East European Review. 1959. Vol. 18, No. 4. P. 491–509.
17. Szamuely T. The Russian Tradition. London, 1974. X, 443 p.
18. Ulam A.B. In the name of the people: prophets and conspirators in pre-revolutionary Russia. New York, 1977. XII, 418 p.

ПОНЯТИЕ «КОНСТИТУЦИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

С.В. Куликов

Санкт-Петербургский институт истории РАН
sergeykulikov70@mail.ru

Исследуется бытование понятия «конституция» применительно к Российской империи конца XIX – начала XX в., в связи с чем рассматриваются представления о конституции, содержащиеся в работах русских и иностранных государствоведов, учебных курсах и энциклопедиях. Анализируются значимые параметры семантической структуры понятия «конституция», к числу которых автор относит такие оппозиции, как конституции материальные и формальные, писанные и неписанные, монархические и народные, гарантированные и негарантированные присягой главы государства, гибкие и жесткие, парламентарные и дуалистические. Автор приходит к выводу, что Основные государственные законы 1906 г. являлись типичной писаной конституцией как в материальном, так и в формальном смысле, а также конституцией монархической октроированной, не гарантированной присягой царя, жесткой и дуалистической. Вместе с тем, в политическом дискурсе Российской империи конца XIX – начала XX в., особенно после издания Основных законов 1906 г., понятие «конституция» и производные от него понятия не имели общепризнанного значения. Это понятие было, так сказать, не фиксированным, а плавающим, и потому – амбивалентным, по причине чего разные акторы вкладывали в «конституцию» разные значения.

Ключевые слова: конституция, Основные законы, монархия, республика, Российская империя, император, самодержавие, монархический суверенитет, монархический конституционализм, парламентаризм, дуализм.

В царствование Николая II понятие «конституция» было одним из ключевых политических понятий России, более того – той осью, вокруг которой вращались отношения власти и общества. Между тем, бытование этого понятия в контексте политического дискурса конца XIX – начала XX в. до сих не попадало в поле зрения исследователей, в отличие от XVIII¹ и XIX² столетий. Впро-

¹ Бадалян Д.А. Понятие «конституция» в России XVIII – XIX вв.: от «постановления сейма» и «узаконения» к «венчанию здания» и «правовому порядку» // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 151–174; Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII в. // Там же. С. 94–150.

² Жуковская Т.Н. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х гг. Петрозаводск, 2002; Тимофеев Д.В. Трактовка понятия «конституция» в правительственных кругах России первой четверти XIX в. // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 219–231; Он же. Понятие «конституция» в России первой четверти XIX в. // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 120–131; Он же. Конституция // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 460–463; Он же. «Конституция» в России первой четверти

чем, исследования А.Н. Медушевского посвящены изучению концепта «конституционализм» применительно в том числе и к России конца XIX – начала XX в.¹, однако в этих исследованиях понятие «конституция» специально не рассматривается. При решении поставленной проблемы необходимо проанализировать то, как отражались на политическом дискурсе представления о конституции, содержащиеся в работах русских и иностранных государствоведов, учебных курсах и энциклопедиях.

Материальные и формальные конституции

В конце XIX – начале XX в. семантическая структура понятия «конституция» имела несколько значимых параметров, и прежде всего его трактовали в двух смыслах – материальном (содержательном) и формальном (внешнем). «Различают, – писал Ю. Гачек, – конституцию в материальном и в формальном смысле»². Материальную и формальную конституции признавали двумя независимыми понятиями, которые «только в известных частях совпадают, подобно двум пересекающимся кругам»³. «Всякий постоянный общественный союз, – отмечал Г. Еллинек, – нуждается в устройстве, согласно которому выражалась бы и приводилась в исполнение его воля, ограничивалась бы область его деятельности, определялось бы положение членов в союзе и их взаимные отношения. Подобное устройство носит название конституции. Таким образом, у каждого государства имеется своя конституция. Государство, лишенное конституции, было бы анархией»⁴. Поэтому всякое государство, даже абсолютная монархия, имело свою конституцию, и уже Основные государственные законы 1832 г. назывались конституцией и в западной, и в русской историографии. Так, они были приведены в сбор-

XIX в.: поиск ориентиров политического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 23–32.

¹ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; Он же. Сравнительное конституционное право и политические институты. Курс лекций. М., 2002; Он же. Теория конституционных циклов. М., 2005; Он же. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX – начала XX в. М., 2010; Он же Конституционализм // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. С. 455–460; Он же. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX в. М.–СПб., 2017.

² Гачек Ю. Общее государственное право на основе сравнительного правоведения. В 3 ч. Рига, 1913. Ч. 1. С. 193.

³ Кистьяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) // Кистьяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 510–511.

⁴ Еллинек Г. Конституции, их история и значение в современном праве. СПб., 1906. С. 5–

нике конституций Ф.Р. Дареста¹. «Российская империя, — подчеркивал сенатор Г.А. Евреинов, — не есть восточная деспотия, а по определению наших Основных, учредительных или, что то же самое, конституционных законов — “управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих” (ст. 47 Основн[ых] зак[онов]), причем все предначертания законов рассматриваются в Государственном совете (ст. 50)»². О конституционности Основных законов 1832 г. писал и А.Н. Макаров³, имея в виду, прежде всего, их материальный аспект.

Однако, как правило, конституцией называли основные законы лишь тех государств, в организацию верховной власти которых входил общественный элемент. «Основные законы абсолютных монархий, — указывал В.В. Ивановский, — обыкновенно не называются конституционными; выражение “конституционный” обозначает собою основанный на участии народа; отсюда конституционная монархия есть та форма государственного устройства, в которой власть принадлежит монарху и народному представительству. Таким образом, конституционное право в этом условном значении слова есть совокупность основных законов в конституционном государстве»⁴. Отсюда вытекало понятие «конституции» в формальном смысле — как совокупности таких основных законов, которые обладают «повышенной формальной силой»⁵ и снабжены «особой санкцией или особенной неприкосновенностью»⁶. Основным и общим признаком конституций считали самоограничение государственной власти, в силу чего эта власть не являлась абсолютной, у кого бы она ни находилась — у народа или у монарха с народным представительством. «Юридическим выражением такого самоограничения государственной власти, — подчеркивал А.Д. Градовский, — являются так называемые *основные законы* или *конституции*. В них содержатся те юридические и политические положения, в *пределах* которых должны действовать все государственные власти, не исключая и власти законодательной»⁷. Таким образом, под конституцией в формальном смысле понимали писанный конституционный акт.

¹ Darest F.R. Les constitutions modernes. Recueil des constitutions en vigueur dans les divers états d'Europe d'Amérique et du monde civilisé. Vol. 1–2. Paris, 1891. Vol. 2. P. 188–209.

² Евреинов Г.А. Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. СПб., 1905. С. 55.

³ Макаров А.Н. К истории кодификации Основных законов. СПб., 1912; Он же. Учение об Основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой четверти XIX в. Пг., 1922.

⁴ Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1913. С. 149–150.

⁵ Еллинек Г. Указ. соч. С. 45.

⁶ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 496.

⁷ Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав // Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1902. Т. 5. С. 3.

Писаные и неписаные конституции

Второй значимый параметр семантической структуры понятия «конституция» заключался в различении писаных и неписаных конституций. «Государства, – писал Г. Еллинек, – подразделяются на две категории: одни имеют писаную конституцию, другие писаной конституции не имеют»¹. Теорию писаных и неписанных, «человеческих» и «божественных» конституций разработал консервативный философ Жозеф де Местр². Первыми писаными конституциями в современном смысле этого слова стали Конституция США 1787 г. и Французская конституция 1791 г. В дальнейшем Американская конституция служила образцом для конституций федеративных государств, а Французская конституция – унитарных. Французская модель базировалась на идее о кодифицированном государственном праве, которое отличается от обыкновенного законодательства. Эта идея, подчеркивал Ш. Боржо, «лежит в настоящее время в основе современного государства»³. Исключение из общего правила составляли Великобритания и Венгрия, которые имели неписаные конституции, состоявшие из прецедентов и обычаев и лишь отчасти из законодательных актов. Г. Еллинек отмечал, что в этих государствах «определенным законам приписывается первенствующее значение»⁴, подразумевая такие английские акты, как Великая хартия 1215 г., Петиция о правах 1628 г., Билль и декларация о правах 1689 г., Акт об устройении 1701 г. Однако Н.И. Киреев полагал, что перечисленные документы «в настоящее время имеют лишь историческое значение: это не есть действующее право»⁵. В Великобритании конца XIX – начала XX в. не существовало писаной конституции, так как там, согласно английской модели, королева и король были ограничены парламентом фактически, а не юридически.

Писаные конституции включали в себя статьи закона, которые группировались в одном акте, называвшемся конституционной хартией. Здесь исключение составляли две конституции – Австрийская 1867 г. и Французская 1875 г., состоявшие из нескольких законодательных актов. Конституцию Австрийской империи образовывали пять основных законов и дополнявшее их соглашение с Венгрией о реальной унии⁶, а конституцию Третьей республики – три консти-

¹ Еллинек Г. Указ. соч. С. 41.

² Местр, де Ж. Рассуждения о Франции. М., 1997 (главы 6 и 7 – «О божественном влиянии в политических конституциях» и «Признаки ничтожества во французском правлении»).

³ Боржо Ш. Учреждение и пересмотр конституций. М., 1918. С. 9.

⁴ Еллинек Г. Указ. соч. С. 45.

⁵ Кареев Н.И. Исторический очерк представительных учреждений в Западной Европе // Конституционное государство. Сборник статей. СПб., 1905. С. 30.

⁶ Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. В 2 т. Т. 1: Конституционные монархии. СПб., 1905. С. 3–41.

туционных закона¹. Однако эти акты выделялись из всех других, будучи связаны одной общей идеей учредительных норм с высшей юридической силой. Подчеркивая, что «не следует придавать писаной конституции того значения, которого она не имеет и не может иметь», А.К. Дживелегов писал: «Не так давно еще в науке царило воззрение, по которому конституционный акт сам по себе является единственной необходимой гарантией завоеванных политических прав. Теперь это мнение едва ли кем-нибудь разделяется во всем его объеме»². Против приведенного мнения свидетельствовала история Франция, которая с 1791 по 1875 год переменила 12 конституций. В Австрии конституция, дарованная в 1848 г., была отменена в 1851 г., и Австрия до 1861 г. снова была неограниченной монархией, которая стала конституционной согласно актам, изданным в период 1861–1867 гг.

Содержание писаной конституции сводили к установлению «основных принципов, которыми определяются: организация и правомочия государственной власти с одной стороны и права подданных – с другой»³. Две конституции – Французская 1875 г.⁴ и Германская 1871 г.⁵ – в отличие от всех остальных не содержали в себе особой главы о правах граждан, однако во Франции считалась действующей Декларация прав человека и гражданина 1789 г., а в Германской империи статьи о правах граждан содержали конституции входивших в нее государств. По наблюдениям Ф.Ф. Кокошкина, в странах Западной Европы главные основания конституционного устройства с середины 1870-х гг. «не подвергались значительным переменам»⁶. Даже в 1917 г. считалось аксиомой, что в писаной конституции «не должно быть никаких экономических принципов, никаких экономических законов». «Как бы ни были важны экономические проблемы, – отмечал Е.В. Спекторский, – как бы неотложно ни было их разрешение, оно должно быть сделано в порядке особого социального законодательства. И оно не должно осложнять собой конституции»⁷. В этом смысле все конституции начала XX в. несли на себе печать классического либерализма XIX в.

В России в царствование Александра I под конституцией, согласно французской модели, понимали особый учредительный акт, по причине чего в 1818–1820 гг. появляется первый полноценный конституционный проект – Государ-

¹ Там же. Т. 2: Федерации и республики. СПб., 1907. С. 535–541

² Дживелегов А.К. О конституции и конституционном порядке. М., 1917. С. 19.

³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 45.

⁴ Современные конституции. Т. 2. С. 535–541

⁵ Там же. С. 163–191.

⁶ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву // Кокошкин Ф.Ф. Избранное. М., 2010. С. 312.

⁷ Спекторский Е.В. Что такое конституция // Труды по руссиеведению: Сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2011. С. 442–443.

ственная уставная грамота¹. В царствование Александра II под конституцией, соответственно английской модели, имели в виду создание высшего представительного учреждения, которое бы без писаной конституции, при сохранении в силе Основных законов 1832 г., соучаствовало в осуществлении царем законодательной власти и, вероятно, в той или иной степени ограничивало бы его в законодательстве если не формально, то фактически. Образование подобного представительного учреждения подразумевали проекты графа П.А. Валуева², великого князя Константина Николаевича³ и графа М.Т. Лорис-Меликова⁴. Попыткой реализовать английскую модель было и учреждение Николаем II в августе 1905 г. законосовещательной Государственной думы (так называемой Булыгинской Думы).

Основные государственные законы 1906 г. являлись типичной писаной конституцией как в материальном, так и в формальном смысле. К 1913 г. большинство государствоведов находили, что «законодательная власть государя императора вообще ограничена» и «новый строй» России – «строй конституционный»⁵.

Название Основных законов 1906 г.

Официально Основные законы 1906 г. не именовались конституцией, однако это не было чем-то уникальным в истории конституционализма. Так, Французская конституция 1814 г. называлась Хартия, Австрийская 1867 г., как и российская, – Основные государственные законы⁶, Итальянская 1848 г. – Основной статут⁷, Нидерландская 1887 г. – Основной закон⁸, Португальская 1826 г. – Хартия⁹, Сербская 1903 г. – Устав¹⁰, Шведская 1809 г. – Форма правления¹¹.

¹ Государственная уставная грамота Российской империи (проект Н.Н. Нвосильцова). 1820 г. // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 411–453.

² Записка П.А. Валуева Александру II о проекте реформы Государственного совета. 13 апреля 1863 г. // Конституционные проекты в России. С. 565–574; Проект нового Учреждения Государственного совета (П.А. Валуева). 1863 г. // Там же. С. 574–612.

³ Записка великого князя Константина Николаевича о проекте реформ государственного управления. Январь 1880 г. // Конституционные проекты в России. С. 612–627.

⁴ Доклад М.Т. Лорис-Меликова о привлечении представителей населения к законосовещательной деятельности. 28 января 1881 г. // Конституционные проекты в России. С. 640–648; Журнал Особого совещания, созданного для обсуждения законопроекта М.Т. Лорис-Меликова. 17 февраля 1881 г. // Там же. С. 648–658; Проект Правительственного сообщения о подготовке законопроекта о привлечении представителей населения к законосовещательной деятельности (Составлен М.Т. Лорис-Меликовым). 1 марта 1881 г. // Там же. С. 658–663.

⁵ Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. М., 1999. С. 136, 484.

⁶ Современные конституции. Т. 1. С. 3, 15, 19, 24, 26, 28.

⁷ Там же. С. 264.

⁸ Там же. С. 278.

Указывая на то, что в актах 1905–1906 гг., которыми был реформирован государственный строй Российской империи, отсутствовали слова «конституция», «конституционная монархия», «конституционный строй» и т.д., Б.А. Котляревский писал, что «это отсутствие слова “конституция” не имеет принципиального значения», поскольку «в некоторых других конституционных государствах это слово также не употребляется»¹. «Очевидно, наши Основные законы принадлежат к классу писанных конституций, – отмечал С.А. Котляревский. – В этом Законы 23 апреля 1906 г. не представляют ничего оригинального, и то обстоятельство, что они не называются конституционными, нисколько не меняет сущности дела, как его не меняет наименование Итальянской конституции 1848 г. – Статутом и Австрийских законов 1867 г. – Основными законами. Мотивы, по которым авторы наших Основных законов не сочли возможным употребить термин “конституция” или “конституционный”, здесь безразличны. 23 апреля 1906 г. Россия получила конституционную хартию»². «Конституцией наши Основные законы не именуется, – подчеркивал Н.И. Лазаревский. – Само собою разумеется, что не в имени дело. Да и установившаяся практика не требует непременно именно этого названия»³. «Таким образом, – заключал Кистьяковский, – отсутствие слова “конституция” не означает еще, что у нас нет конституции»⁴.

Николай II и его соратники понимали, что Манифест 17 октября 1905 г. создал предпосылки для изменения Основных законов 1832 г. и учреждения конституционной монархии. В ночь с 15 на 16 октября 1905 г. дворцовый комендант Д.Ф. Трепов, подражая проекту нового избирательного закона, писал императору: «Прусская конституция, не надо бояться этого слова, умеренна и могла бы служить канвою для разработки сего проекта»⁵. В ответном письме от 16 октября 1905 г. Николай II, сообщив, что письмо Трепова «значительно облегчило» царю «тяжесть окончательного решения вопроса о вступлении на путь самых широких реформ», признавался: «Я сознаю всю торжественность и значение переживаемой Россией минуты и молю милосердного Господа благосло-

⁹ Там же. С. 353.

¹⁰ Там же. С. 487.

¹¹ Там же. С. 528.

¹ Кистьяковский Б.А. Указ. соч. С. 518.

² Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов // Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004. С. 212.

³ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. Вып. 1. Пг., 1917. С. 164.

⁴ Кистьяковский Б.А. Указ. соч. С. 518.

⁵ К истории Манифеста 17 октября 1905 г. Секретная переписка // Былое. 1919. № 14. С. 111.

вить Промыслом Своим – нас всех и совершаемое рукою моею великое дело. Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ни откуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное! Тем не менее, по совести я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же»¹. После издания Манифеста 17 октября Николай II признавал, что провозглашенное в нем «обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу – это, в сущности, и есть конституция»².

То, что Основные законы 1906 г. – конституция, признавали участники Особого совещания, обсуждавшего в апреле 1906 г. под председательством Николая II их проекты. На заседании 7 апреля князь А.Д. Оболенский сказал: «То, что предположено, это – акт конституционный, определяющий устройство России»³. В заседании 12 апреля 1906 г. М.Г. Акимов, выступая за оставление в новых Основных законов статьи об отмене перлюстрации, говорил: «Во всех конституциях неприкосновенность частной переписки гарантирована, и если этой статьи не будет, то скажут, что только в России такой гарантии нет»⁴. Император никак не возразил против сравнения Основных законов с иностранными конституциями, очевидно – признавая это сравнение корректным.

Почему же Николай II не употреблял официально слово «конституция» по отношению к Основным законам? Император, будучи «Хозяином Земли Русской», сознательно и публично позиционировал себя как «самого русского из русских». Отметив, что, «подобно отцу, Николай II придерживался всего специфически русского», в подтверждение этого А.А. Мосолов воспроизвел фразу, сказанную царем известной исполнительнице русских народных песен Н.В. Плевицкой после ее концерта в Ливадии: «Мне думалось, что невозможно быть более русским, нежели я. Ваше пение доказало мне обратное; признателен вам от всего сердца за это ощущение»⁵. «Царь, – указывал Мосолов, – был большим знатоком родного языка, замечал малейшие ошибки в правописании, а главное, не терпел употребления иностранных слов». «Русский язык так бо-

¹ Глебова И.И. Из переписки Николая II и Д.Ф. Трепова // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг. Документальные свидетельства. М., 2017. С. 16

² Николай II – Марии Федоровне. 19 октября 1905 г. // Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 75.

³ Протоколы Царскосельских совещаний (1905–1906) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. Сборник документов. М., 2001. С. 111.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Мосолов А.А. При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии Министерства Двора. СПб., 1992. С. 82–83.

гат, – однажды сказал Николай II начальнику Канцелярии Министерства Двора, – что позволяет во всех случаях заменить иностранные выражения русскими. Ни одно слово неславянского происхождения не должно было бы уродовать нашего языка». «Я, – вспоминал Мосолов, – тогда же сказал Его Величеству, что он, вероятно, заметил, как я их избегаю во всеподданнейших докладах». «Верится мне, – ответил император, – что и другим ведомствам удалось внушить эту привычку. Я подчеркиваю красным карандашом все иностранные слова в докладах. Только Министерство иностранных дел совершенно не поддается воздействию и продолжает быть неисправимым». Напоследок он заметил, что «при первой возможности учредит при Академии наук комиссию для постепенной разработки русского словаря наподобие французского академического, являющегося авторитетным руководством как для правописания, так и для произношения»¹. Идентифицируя себя «самым русским из русских», Николай II выступал за русификацию в том числе и политического лексикона. В заседании 19 июля 1905 г. Особого совещания, обсуждавшего Учреждение законотворительной Государственной думы, он заявил: «Желательно избегать иностранных выражений»². Позиция Николая II предопределяла политический лексикон его министров.

В.А. Маклаков вспоминал, подразумевая слово «конституция»: «Даже П.А. Столыпин, который в частных разговорах не боялся этого слова, публично его не произносил. Самое большее, что он позволил себе, – это назвать в 3-й Государственной думе существующий строй “представительным”». Любопытно, однако, что против употребления слова “конституция” самой Думой правительство не возражало; оно только само его не произносило»³. Более того, когда Основные законы 1906 г. издавались неофициально⁴, правительственная цензура не запрещала называть их «конституцией».

«Конституция» и «самодержавие»

Другой причиной отказа Николая II от официального употребления слова «конституция» было то, что левые и правые партии противопоставляли понятия

¹ Там же. С. 83.

² Петергофские совещания. о проекте Государственной думы. Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Пг., 1917. С. 30.

³ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. М., 2023. С. 473.

⁴ См., например: Конституция Российской империи. С примечаниями и вступительную статью Л. Слонимского. СПб., 1908; Конституция Российской империи. Сборник законов, относящихся к обновленному строю и к личным и общественным правам граждан (По Своду законов и по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг.). Собрал и систематизировал Л. Роговин. СПб., 1913.

«конституция» и «самодержавие». Первые, начиная с Конституционно-демократической партии, утверждали, что дарование конституции упраздняет самодержавие, а вторые, прежде всего черносотенные организации, – что сохранение самодержавия исключает существование конституции. Вскоре после издания Манифеста 17 октября 1905 г. Николай II говорил могилевскому губернатору Н.М. Клингенбергу, что «понимает Манифест 17 октября и конституцию совсем иначе, как здесь их понимают»¹. Царь попытался разъяснить публично, что он понимает под самодержавием после Манифеста 17 октября, обусловившего издание Основных законов 1906 г. Во время состоявшегося 16 февраля 1906 г. приема царем депутации Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии один из ее лидеров, М.Т. Кашин, заявил императору, что «весь русский народ купно видит залог мира и преуспеяния Родины только в Тебе и Твоей самодержавнейшей, ничем не ограниченной власти»². В ответ Николай II, в частности, сказал: «Передайте всем, уполномочившим вас, что реформы, которые Мною возвещены Манифестом 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые Мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы. Самодержавие же Мое останется таким, каким оно было встарь»³. Очевидно, что Николай II не видел противоречия между конституцией и самодержавием, однако современники и исследователи трактовали эти слова в том смысле, что царь и после 17 октября 1905 г. отождествлял «самодержавие» с «абсолютизмом».

Для того, чтобы понять, что в действительности имел в виду Николай II под «самодержавием», необходимо вспомнить о речи, с которой он обратился 6 июня 1905 г. к депутации оппозиционных съездов земских и городских деятелей, во время подготовки проекта законосовещательной Государственной думы. «Пусть установится, как было встарь, – сказал тогда монарх, – единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам»⁴. То, что в данном случае подразумевались именно земские соборы, а не атрибуты абсолютизма, видно из проекта Манифеста 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», в составлении которого, как и проекта царской речи 6 июня 1905 г. и одного из проектов новых Основных законов, участвовал начальник Военно-походной канцелярии Николая II граф А.Ф. Гейден. «И ко-

¹ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 405.

² Алексинский С.О. Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия (ИВСМП) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. М., 2008. С. 219.

³ Николай II Полное собрание речей. 1894–1906. Составлено по официальным данным «Правительственного вестника». СПб., 1906. С. 73.

⁴ Там же. С. 58.

гда потребность была, – говорится об эпохе земских соборов в гейденовском проекте Манифеста, – держали государи русские совет с землею своею о государевых и земских делах и об устройении державы своей. Сей обычай заветный, с расширением пределов государства, с увеличением его населения и с осложнением потребностей государственных утратил постепенно свое бытие и правдивому слову народа о нуждах его стал затруднен доступ к государю». «Ныне же, внемля обращенному к Нам голосу земли и городов Державы Русской и памятуя заветы и примеры венценосных предков наших», император признавал за благо учредить Государственную думу, «дабы слышать Нам, как встарь, голос народа по делам законодательства и управления и дабы голос сей мог служить истинным выражением нужд и желаний народных»¹. Согласно В.И. Далю слово «встарь» означает «в старину», «в прежнее время», «в древности»², и никак не могло ассоциироваться у Гейдена, а тем более – у Николая II, отменно знавшего русский язык, с XIX или XVIII вв., т.е. с эпохой абсолютизма.

Прилагательное «самодержавный», вспоминал осведомленный генерал Н.А. Епанчин, не только царь, но и министр Императорского двора граф В.Б. Фредерикс, состоявший при особе его величества генерал О.Б. Рихтер и «многие лица из служилого класса и высшего общества», не «красные» и не «крамольники», понимали в смысле «независимый от какой бы то ни было верховной власти, как этот титул и понимали в Московской Руси»³. Следовательно, под самодержавием император и его приближенные понимали внешний и внутренний суверенитет царской власти. Когда 16 февраля 1906 г. Николай II говорил, что его самодержавие «останется таким, каким оно было встарь», то он имел в виду не отождествление «самодержавия» с «абсолютизмом», а возвращение «самодержавию» старого смысла, свойственного самодержавию в XVI–XVII вв., т.е. в эпоху земских соборов.

Консервативные либералы, прежде всего – октябристы, также трактовали самодержавие не как абсолютизм царя, но как его внешний и внутренний суверенитет. «Согласно нашему Основному закону, – подразумевая Основные законы 1832 г., аргументировал свою позицию Центральный комитет Союза 17 октября в январе 1906 г., – император именуется монархом самодержавным и неограниченным. Помещение этих двух слов рядом свидетельствует, что они по мысли нашего законодательства не синонимы. Первым самодержавным государем был Иоанн III, свергнувший татарское иго. Самодержавным царем именовался Михаил Феодорович, который, однако, был госуда-

¹ Таганцев Н.С. Пережитое. В 2 вып. Пг., 1919. Вып. 1. С. 41–42.

² Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 152.

³ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 332.

рем с ограниченной в значительной мере властью и управлял страной при участии выборных от народа людей. Титул «самодержавный» является нашим историческим достоянием и в представлении народа связан с понятием о монархе, а не неограниченной власти»¹. Эта консервативно-либеральная теория давала аргументы не только для разведения понятий «неограниченный» и «самодержавный», но и для устранения первого понятия из Основных законов 1832 г.

Точку зрения Николая II на соотношение «конституции» и «самодержавия» раскрыл в его прижизненной биографии, изданной в 1913 г., генерал А.Г. Елчанинов, чьим редактором являлся лично царь. Подразумевая эту книгу, великий князь Павел Александрович сообщал императору, что она «представляет наибольший интерес, как проверенная тобою самим»². Отметив, что «важнейшим памятником нынешнего царствования всегда будет преобразование законодательных учреждений и дарование новых Основных законов 1906 года», Елчанинов так объяснял причины создания Государственной думы: «За истекшие почти полвека, со времени освобождения крестьян, народ русский стал понемногу образовываться и навывать в делах общественных и государственных. Стало возможным воскресить во всем объеме обычай первых Царей Дома Романовых давать самому народу, через его представителей, разбираться в государственных делах и вникать в нужды государства. Вот почему Государь решил призвать представителей народных к Государеву делу, о чем и известил Россию Манифестом и Рескриптом от 18 февраля 1905 года»³. Таким образом, Николай II рассматривал создание Государственной думы как возрождение общения царя и народа, но теперь уже – в рамках нового высшего представительного органа.

Николай II не собирался восстанавливать Земский собор в прямом смысле названия этого учреждения. «Назойливые писания» газет «о Земском соборе и Учредительном собрании», указывал император А.Г. Булыгину в мае 1905 г., «совершенно искажают» смысл «предначертаний, возвещенных 18 февраля»⁴. В январе 1907 г. на вопрос государственного контролера П.Х. Шванебаха: «Что может быть в действительности сегодня Земский собор?» царь тут же ответил:

¹ Лыщинский Л.В. О значении слова самодержавие (Историческая справка). СПб., 1906. С. 3–4.

² Павел Александрович – Николаю II. 29 мая 1913 г. // Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). М.–Л., 1925. С. 58.

³ Елчанинов А.Г. Царствование Государя Императора Николая Александровича // Николай II: pro et contra. Личность и деятельность императора Николая II в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2019. С. 97.

⁴ Письма императора Николая II министру внутренних дел А.Г. Булыгину. 1905 г. // Российский архив. 1991. Т. 1. С. 188.

«Собрание бояр в пиджаках»¹. Иными словами, к восстановлению Земского собора в начале XX в. Николай II относился иронично.

«Великое преобразование, – читаем далее у А.Г. Елчанинова, – завершилось изданием 23 апреля 1906 г. новых Основных законов, в которых подробно определялся порядок правления Россией Государем Императором, Самодержцем Всероссийским, при участии новых законодательных учреждений и Совета министров. Самодержавие, по словам Манифеста 18 февраля 1905 года, “истинное Самодержавие”, какое было в Древней Руси, созывом народных представителей не умалялось и не ограничивалось. “Самодержавие Мое остается таким, каким оно было встарь”, – сказал 16 февраля 1906 г. Государь Император. За полгода же перед этим, 21 июня 1905 г., Монарх произнес величайшего смысла незабвенные исторические слова: *“Только то государство и сильно, и крепко, которое свято хранит заветы прошлого. Мы сами против этого погрешили, и Бог за это, может быть, нас и карает”*. Действительно, самодержавие Древней Руси было неразрывно связано с “голосом земли” – с народным представительством, в лице земских соборов и веча. Теперь, волею Государя, “этот голос земли” принял новый, более современный вид, но духом он остался тем же чисто-русским “единением Царя с народом”, которое впервые зародилось у нас же на Руси и всегда в ней жило»². Политическую модернизацию, олицетворяемую учреждением Государственной думы, Николай II трактовал как национализацию Российской империи через ритуальную реставрацию национальной традиции, выразившейся земскими соборами. Та же самая идея – модернизация как реставрация – лежала в основе французской Реставрации Людовика XVIII 1814 г. и японской Реставрации Мэйдзи 1868–1889 гг.

Николая II отличал ярко выраженный историзм мышления, вследствие чего Основные законы 1906 г. он рассматривал как итог эволюции русской государственности, начиная с первых Романовых. Показательный диалог состоялся в ноябре 1907 г. при приеме П.А. Столыпиным депутатов III Государственной думы от Курской губернии. Когда депутаты спросили у премьер-министра, «какое у нас правление» и «есть ли конституция», Столыпин ответил утвердительно. На это Г.А. Щечков сказал, что «конституция у нас есть со времен Алексея Михайловича, который присягал, что он и его преемники останутся верны Основным законам». «Вот и государь так понимает», – заметил Столыпин³. С этой точки зрения конституция XX в. как бы реставрировала конституцию XVII в., отмененную Петром I Великим.

¹ Шванебах П.Х. Записки сановника. Политика П.А. Столыпина и Вторая Государственная дума // П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 101.

² Елчанинов А.Г. Указ. соч. С. 99.

³ Богданович А.В. Указ. соч. С. 450–451.

«Конституция» и «Основные законы»

Вместо понятия «конституция» Николай II и его министры официально использовали выражение «основные законы», тем более, что это выражение, наравне с выражением «основной закон», было присуще языковой практике Российской империи конца XIX – начала XX в. Русскоязычные энциклопедии того времени трактовали конституцию как «основной закон, устанавливающий основные начала государственного устройства данной страны»¹, как «совокупность основных законов государства, в которых определяются отношения верховной власти и подданных в законодательстве и управлении»², как «основные законы (конституционный акт), в особенности законы, устанавливающие представительную систему в монархическом государстве»³, как «основной закон, определяющий структуру государственной власти, распределение между отдельными ее органами функций властвования, основные права и обязанности граждан в отношении к власти»⁴, наконец, как «основной закон, определяющий государственное устройство в странах, управляемых народным представительством»⁵. Отождествление «конституции» с «основными законами» было характерно и для государствоведов.

Конституцией, писал Б.А. Кистяковский, «называется совокупность основных законов, устанавливающих государственный строй и определяющих состав, организацию и деятельность высших органов государственной власти»⁶. Ф.Ф. Кокошкин трактовал «конституцию» так: «Акт, содержащий формулировку основных прав граждан и главных оснований организации государства, носит название *конституции*, или *основных законов*»⁷. С точки зрения В.В. Ивановского, «основные законы и конституционные законы одно и то же»⁸. «В новое время, – замечал А.А. Жилин, – в большинстве государств основные начала их организации определяются в особых актах – основных законах или консти-

¹ Конституция // Энциклопедический словарь. Т. 16: Конкорд – Коялович. СПб., 1895. С. 87.

² Конституция // Настольный энциклопедический словарь. М., 1897. Т. 4. С. 2284.

³ Конституция // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 11: Киты – Ландана. СПб., 1903. С. 290.

⁴ Гессен В.М. Конституция // Новый энциклопедический словарь. Т. 22: Кнорр – Которосль. Пг., 1914. Стб. 565.

⁵ Общедоступная политическая энциклопедия с приложением программ политических партий и политического словаря. Составил при участии известных юристов и видных общественных деятелей директор учительской семинарии В. Чунихин. Пирятин, 1917. С. 106.

⁶ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 489.

⁷ Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 296.

⁸ Ивановский В.В. Указ. соч. С. 149.

туциях¹. А.К. Дживелегов отмечал, что конституцию понимают «преимущественно в смысле основного закона»². По мнению Е.А. Энгеля, конституция – это «основные законы, т.е. законы, определяющие основные черты государственного строя»³. Современный историк также характеризует конституцию как «основной закон государства, обладающий высшей юридической силой, определяющий форму правления, государственно-территориальное устройство, систему органов государственной власти и местного самоуправления, права и обязанности граждан»⁴. Слова «конституция», «основные законы» и «основной закон» были синонимами не только для представителей царской власти, но и для лидеров либеральной оппозиции.

«Основной закон Российской империи», а не «Конституция Российской империи», именовались два ее проекта, подготовленные в 1904–1905 гг., а именно – так называемые проекты Союза освобождения⁵ и Бюро земских съездов⁶. Использование оппозиционерами выражения «основной закон» вместо слова «конституция» означало не то, что они были противниками конституции, а то, что они понимали: иностранная терминология будет непонятной для широких слоев населения. На заседании 10 января 1906 г. Второго съезда Конституционно-демократической партии в отчетном докладе ее Центрального комитета И.В. Гессен предложил «заняться рассмотрением только тех вопросов, которые мешают развитию партии», причем к числу «важнейших изменений» отнес «изменение названия партии». «В возражениях, делаемых против существующего названия партии, – сообщил Гессен, – высказывается мысль, что оно, благодаря своему иностранному происхождению, непонятно для народа. Комитет указывает, что название это уже привилось и, если изменить его теперь, другие конституционные партии воспользуются им. Это вызовет досадные недоразумения. Поэтому Комитет предлагает оставить прежнее название в силе, поставив под заглавием “Партия народной свободы”». После «недолгих прений», в ходе которых ораторы предлагали другие названия, например – «Партия народного права» и т.д., громадным большинством было принято предложение ЦК. Кроме того, Съезд принял и замечание П.Б. Струве, который высказался за то,

¹ Жилин А.А. Учебник государственного права (пособие к лекциям). Ч. 1: Общее учение о государстве в связи с основными началами государственного права. Пг., 1916. С. 225–226.

² Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 3.

³ Энгель Е.А. Государство и формы его строя. Пг., 1919. С. 124.

⁴ Тимофеев Д.В. Конституция // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. С. 460.

⁵ Проект Основного закона Российской империи // Конституционные проекты в России. С. 675.

⁶ Проект Основного закона Российской империи, измененный Земским бюро (Проект С.А. Муромцева) // Конституционные проекты в России. С. 693.

чтобы предложить местным комитетам «употреблять в своих воззваниях те наименования, которые им кажутся наиболее подходящими», оставив общее название «только в избирательном манифесте»¹. И так, фактически кадеты изменили название своей партии именно по той причине, что слово «конституция» и производное от него прилагательное «конституционная» были непонятны для рядовых избирателей.

В заседании 13 ноября 1907 г. III Государственной думы выдающийся адвокат и оратор, октябрист Ф.Н. Плевако, говорил, обращаясь к кадетам: «Вы хотите непременно слова, и слова, которое еще не сделалось народным. Вы сами представители народной свободы, а сотне миллионов людей хотите навязать слово, которое они не понимают и толкование которого будут они требовать от вас же. Вы сами прекрасный пример подали, когда переименовали свое название, когда не стали называть себя конституционалистами-демократами, чувствуя, что слово это трещит в ушах, но ничего не говорит сердцу обыкновенного русского человека. Вы поспешили назвать себя Партией народной свободы, присвоив себе титул, на который имеют право и другие сюда пришедшие, которые истинно верят в будущее, к которому идет Русское государство. Я не смею упрекать, но не могу не высказать мысли, которая живет во мне, что вы в самом деле хотите навязать народу термины, которые приятно звучат в ваших ушах, но в ушах народа получают другое значение»². Очевидно, Плевако намекал на то, что официальное употребление слова «конституция» может привести к массовым эксцессам как слева, так и справа – и против монархии, и за нее.

К 1917 г. слово, точнее – понятие «конституция» по-прежнему не имело широкого хождения в народе. «Это слово на устах у всех, – писал А.К. Дживелегов после Февральской революции, – но далеко не всякий твердо понимает его значение»³. «Понятие конституции, – признавал Е.В. Спекторский, – нуждается и в объяснении, и в оправдании. Объяснить его необходимо потому, что и друзья, и враги конституции часто понимают ее превратно»⁴. Даже в 1919 г. Е.А. Энгель поместил слово «конституция» в «Список встречающихся в книге иностранных и малопонятных слов»⁵. Не случайно, что первая советская конституция 1918 г. имела подзаголовок «Основной закон».

¹ Второй съезд Конституционно-демократической партии. 5–11 января 1906 г. // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1: 1905–1907 гг. М., 1997. С. 150.

² Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. В 4 т. М., 1995. Т. 3. С. 34.

³ Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 3.

⁴ Спекторский Е.В. Указ. соч. С. 432.

⁵ Энгель Е.А. Указ. соч. С. 124.

Лидеры либеральной оппозиции, прежде всего – кадетской партии, как политики-неофиты, – ведь до 1905 г. эти лидеры политиками не были, – страдали словесным фетишизмом, и придавали слову «конституция» преувеличенное значение. Они «повсюду его втискивали, наивно думая, что закреплением какого-либо термина можно закрепить и сущность его содержания»¹. В частности, выступая 13 ноября 1907 г. в III Государственной думе, П.Н. Милюков высказался за внесение в Адрес Николаю II поправки со словами: «обновленный конституционный строй»². «Меня, – вспоминал Милюков, подразумевая свое отношение к слову “конституция”, – очень упрекали мои критики, что я так цеплялся за “слово”, когда “содержание” его было уже уступлено. Но в том-то и дело, что уступлено оно не было и что самое сокрытие “слова” это доказывало, а все последующие события это подтвердили». Милюков писал, что содержание слова «конституция» «сделал целью своей политической борьбы. Без него она теряла смысл, превращалась в какую-то игру»³. В конечном итоге, однако, кадетский лидер превращал свою политическую борьбу именно в игру словами, поскольку, подчеркивал В.А. Маклаков, «одно слово конституция юридически ничего не означает»⁴. Более того, в заседании III Государственной думы 24 апреля 1908 г. Милюков открыто и публично признал: «Слава Богу, у нас есть конституция». «В печати я, – объяснял он это признание, – обыкновенно употреблял выражение: “лжеконституционализм” или “псевдо-обновленный строй”. Но здесь подчеркнуть наличность конституционных начал уже в существующих Основных законах было совершенно необходимо, так как мы вели борьбу за их расширение и, следовательно, против их огульного отрицания»⁵. Значит, согласно признанию самого Милюкова, «конституционные начала» в Основных законах 1906 г. все же имелись, и, следовательно, они являлись конституцией.

Более логичными, чем Милюков, были другие кадетские лидеры. «У нас, – писал Ф.Ф. Кокошкин после Февральской революции 1917 г., – сейчас нет конституции, наша прежняя конституция пала, наша новая конституция не выработана, ее должно выработать Учредительное собрание»⁶. Кокошкин ставил знак равенства между конституциями Российской империи и Российской республики, и даже с точки зрения Милюкова и его соратников Основные законы 1906 г.

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 630.

² Государственная дума. 1906–1917. С. 15–20.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 331–332.

⁴ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 382.

⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 46–47.

⁶ Кокошкин Ф.Ф. Учредительное собрание // Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 525.

все-таки были конституцией. «Теперь, – отмечал в 1917 г. Е.В. Спекторский, – многие, замечая, что республике обыкновенно противопоставляют конституционную монархию, думают, что где республика, там уже нет и не может быть конституции; и посему в призыве к конституции они видят призыв к монархии; отрекаясь от монархии, они отрекаются и от конституции»¹. К 1917 г. царская конституция настолько ассоциировалась именно с понятием «конституция», что способствовала распространению представлению, будто монархия и конституция – это одно и то же.

С тактикой Николая II и его правительства, связанной с отказом от официального употребления слова «конституция», совпадала тактика консервативных либералов – лидеров Союза 17 октября. М.Я. Капустин говорил, выступая 13 ноября 1907 г. в III Государственной думе против поправки П.Н. Милюкова: «Мы желаем конституционного строя; мы для этого и пришли в Государственную думу, но мы в этом Адресе, направляемом Государю Императору, должны употреблять такие слова и выражения, которые существуют, которые свойственны нашим государственным актам. Ни в Манифесте 17 октября, ни в наших Основных законах этого термина нет, и термин этот существует или в научной области государственного права, или в условном понимании – разговорном, в понимании прессы. Конституционный строй есть нечто такое, что может существовать и без этого словесного текста. То, что сказано в Манифесте, то, что закреплено в наших Основных законах, хотя бы в ст[атье] 84. Это есть основная сущность конституции, она еще не вошла в плоть и кровь, она еще не разработана. Может быть, еще было бы преждевременно назвать такой строй в европейском смысле полным конституционным строем, но это есть его сущность, и надо эту сущность укрепить»². Упомянутая Капустиным ст. 84 Основных законов 1906 г. постановляла: «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке»³.

Монархический и республиканский конституционализм

То, что Основные законы 1906 г. являлись конституцией, подтверждает не только теория, но и практика тогдашнего мирового конституционализма конца XIX – начала XX в., который имел ярко выраженный монархический характер. В 1914 г. из 80 независимых государств, существовавших к этому времени, конституции, в современном смысле слова, имели 73: 49 – в Европе, 20 – в

¹ Спекторский Е.В. Указ. соч. С. 432.

² Государственная дума. 1906–1917. С. 27.

³ Основные государственные законы // Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сборник законодательных актов. М., 1995. С. 24.

Америке, три – в Азии и одно – в Африке. Тогда же не имели конституций только 7 независимых государств: в Европе – княжество Андорра и республика Сан-Марино¹ и две сословно-представительные монархии, входившие в Германскую империю (великие герцогства Мекленбург-Стрелиц и Мекленбург-Шверин²), в Азии и Африке – три абсолютные монархии (Афганистан, Сиам и Абиссиния).

Граница между неконституционными и конституционными государствами не совпадала с границей между республикой и монархией. «Конституционное государство, – писал А.К. Дживелегов, – может быть и монархией, и республикой. Различие между монархией и республикой есть различие *формы правления*. Оно не касается существа государственного устройства. Монархии, как и республики, могут быть и конституционными, и неконституционными. Были монархии деспотические, были и деспотические республики, как, напр[имер], некоторые из южноамериканских республик в известные моменты своей истории. Различие между конституционным и неконституционным государством гораздо глубже, чем различие в форме правления»³. Важнее формы правления данной страны являлся его политический режим, а потому преобладающим типом конституционного государства была конституционная монархия.

К 1914 г. в Европе существовали 42 конституционные монархии, в т. ч. 4 империи – Австрийская, Германская, Османская и Российская, 13 королевств – Бельгия, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Румыния, Сербия, Черногория и Швеция, одно царство – Болгария, три княжества – Албания, Лихтенштейн и Монако и одно великое герцогство – Люксембург, а также – 20 государств, которые входили в Германскую империю⁴. С образованием этой Империи вошедшие в нее монархии продолжали существовать, поскольку сохранили свои династии, конституции и законодательные и административные учреждения. От них лишь отошла к Империи часть вопросов управления, по которым имперские законы имели преимущество перед местными, в остальном же отдельные государства Империи сохранили полную свободу. В частности, международные сношения не составляли исключительной компетенции Империи, и отдельные государства

¹ Боржо Ш. Указ. соч. С. 31.

² Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву // Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 313.

³ Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 4.

⁴ Это – 4 королевства (Вюртемберг, Бавария, Пруссия и Саксония), 4 великих герцогства (Баден, Гессен, Ольденбург и Саксен-Веймар-Эйзенах), 5 герцогств (Ангальт, Брауншвейг, Саксен-Альтенбург, Саксен-Кобург-Гота и Саксен-Мейнинген) и 7 княжеств (Вальдек, Липпе-Детмольд, Рейс младшей линии, Рейс старшей линии, Шаумбург-Липпе, Шварцбург-Зондерсгаузен и Шварцбург-Рудольштадт).

могли иметь, и имели, своих дипломатических представителей за границей¹. Кроме Европы, к 1914 г. в Азии существовали две конституционных монархии – Персия и Япония. Всего конституционных монархий насчитывалось 44, из них 42 – европейских и две – азиатских.

К 1914 г. в Европе было 7 республик (Португалия – с 1910 г., Сан-Марино, Франция, Швейцария и три вольных города, входивших в состав Германской империи, – Бремен, Гамбург и Любек), в Америке – 20 республик, в т.ч. две – североамериканские (Мексика и США), 8 – центральноамериканских (Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминикана, Коста-Рика, Куба, Никарагуа и Сальвадор) и 10 – южноамериканских (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили и Эквадор), в Азии и Африке – по одной республике (Китай, с 1912 г., и Либерия). Всего республик насчитывалось 29, из них 7 – европейских, 20 – американских, одна – азиатская и одна – африканская.

Таким образом, конституционные монархии составляли более половины всех государств, а республики – лишь более трети. Неудивительно, что для России начала XX в. являлся актуальным конституционализм монархический, а не республиканский. «С наибольшим вниманием мы, – обращался к своим читателям Н.И. Лазаревский, – должны будем остановиться на конституционной монархии. И это не только потому, что эта форма представляет для нас непосредственное практическое значение, как установившаяся у нас в России, но и потому, что она научно наиболее разработана и представляет тип государственного строя, преобладающий в современных цивилизованных государствах»². Различие между монархией и республикой обуславливало существование в конце XIX – начала XX в. третьего значимого параметра семантической структуры понятия «конституция».

Октроированные и народные конституции

Писанные конституции по их происхождению делили: 1) на монархические, дарованные или пожалованные, октроированные (по-французски «*ostroyer*» – жаловать) монархами, истекавшие от их единоличной воли и базирующиеся на принципе монархического суверенитета (верховенства), и 2) на народные (или республиканские), появившиеся в результате революций, исходившие от воли народа, выраженной учредительным собранием или референдумом, и основан-

¹ Подробнее см.: Лоуэлл А.Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы (Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария). М., 1905. С. 189–248.

² Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 63.

ные на принципе народного суверенитета. Деление конституций на октроированные и народные было обосновано швейцарским историком и юристом Шарлем Боржо¹. «С точки зрения их основ и их юридического характера, – писал он, – современные писанные конституции распределяются на две главные категории: с одной стороны, жалованные хартии и соглашения, а с другой – конституции, основанные исключительно на принципе суверенитета народа»². Конституции рассматривались как акты, которые создаются в особом, а не в обычном законодательном порядке, – сверхзаконной, учредительной властью, принадлежащей народу либо монарху.

Полагая, что «для хода политической жизни данного государства не так существенны республиканская или монархическая форма правления, как господство принципа народоправства или принципа октроированного порядка», С.А. Котляревский подчеркивал: «Эти принципы суть как бы два полюса, между которыми размещаются различные политические соединения»³. В Европе народные конституции, в современном смысле слова, появились раньше монархических.

Первой народной конституцией была Французская конституция 1791 г., при создании которой, отмечал Г. Еллинек, «приняли существенное участие следующие начала: идея народного верховенства, вытекающее из нее учение об “учредительной власти” (*pouvoir constituant*), причем власть эта всегда остается в руках народа, в то время как существование и компетенция всех других властей, как “властей установленных” (*pouvoirs constitués*), имеют своим источником эту учредительную власть и от нее зависят»⁴. Б.Н. Чичерин указывал, что «способ» создания конституций, который подразумевал участие в этом учредительных собраний, «приверженцами народовластия признается единственным правомерным, не имеет в действительности никакого преимущества перед другими», поскольку «все законные способы имеют совершенно одинаковую юридическую силу»⁵. Тем самым Чичерин подразумевал равноценность народных и монархических конституций.

Народными являлись конституции всех республик, а также конституции вновь образованных монархий, которые возникли в результате национально-освободительных революций. Для республик, находившихся в Америке, образ-

¹ Borgeaud Ch. *Établissement et revision des constitutions en Amérique et en Europe*. Paris, 1893.

² Боржо Ш. Указ. соч. С. 41.

³ Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора // Котляревский С.А. Указ. соч. С. 24.

⁴ Еллинек Г. Указ. соч. С. 29.

⁵ Чичерин Б.Н. *Общее государственное право*. М., 2006. С. 324.

цом являлась Конституция США 1787 г., для европейских государств конца XVIII – начала XIX вв. – Французская конституция 1791 г. Однако вследствие торжества во Франции Реставрации из всех европейских конституций, созданных в указанный период, к началу XX в. действующей была только Норвежская конституция 1814 г.¹ «Как известно, – констатировал В.М. Гессен, – конституции революционного периода – за исключением Норвежской – оказались эфемерными»². Бельгийская конституция 1831 г. основывалась «на демократическом принципе, заключающемся в том, – отмечал Г. Еллинек, – что нация является источником всякой власти, королю эта власть принадлежит лишь постольку, поскольку она ему прямо предоставлена к осуществлению». Однако, несмотря на это, полагал он, в Бельгии королевская власть обладала «всеми существенными монархическими правами»³. Народными конституциями были, также, созданные по образцу Бельгийской – Болгарская 1879 г., Греческая 1864 г., Румынская 1866 г. и Сербская 1903 г. Более того, в конституциях Бельгийской (ст. 25)⁴, Греческой (ст. 21)⁵ и Румынской (ст. 31)⁶ декларировалось, что «все власти исходят от народа». В действительности власть монархов и здесь юридически была поставлена «так же, как и в других монархических государствах»⁷, т.е. относительно независимо.

Первой монархической октроированной конституцией стала Французская хартия 1814 г., влияние которой на конституционную историю европейских монархий вплоть до начала XX в. было «еще шире и глубже, чем влияние конституций революционной Франции», поскольку в основе Хартии Людовика XVIII лежал принцип монархического, а не народного суверенитета. Эта конституция объявлялась «добровольным пожалованием со стороны короля, так как она вытекает из той правовой идеи, что первоначально вся государственная власть сосредоточена в руках короля, народ же может быть допущен к участию в осуществлении ее». «Здесь, – отмечал Г. Еллинек, – демократическому принципу впервые противопоставляется принцип монархический. Эта идея, поскольку в ней выражается мысль о возможности конституционного ограничения монархической власти, является совершенно новой»⁸. Подчеркнув, что «разница между прежним понятием конституции и новым была громадна», Б.А. Кистяковский писал: «Но эта разница в конце концов сводилась все-таки к

¹ Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 323.

² Гессен В.М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 171.

³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 39.

⁴ Современные конституции. Т. 1. С. 120.

⁵ Там же. С. 209.

⁶ Там же. С. 429.

⁷ Жилин А.А. Указ. соч. С. 233–234.

⁸ Еллинек Г. Указ. соч. С. 34.

вопросу о происхождении конституции, а не к самому важному вопросу о ее существовании». По своему существу октроированная конституция, как и народная, «вводила новый принцип государственного устройства», поскольку хотя «она была выражением воли абсолютного монарха, но это была последняя его воля как абсолютного монарха», и она «была последним актом абсолютной монархии, ею абсолютная монархия упразднялась и устанавливалась монархия конституционная»¹. «Если бы вообще октроированные конституции не устанавливали перехода от абсолютной монархии к конституционной, – указывал Н.И. Лазаревский, – то значительную часть современных монархий Европы, всегда всеми признаваемых монархиями конституционными, пришлось бы признать монархиями самодержавными (т.е. абсолютными – прим. авт.), так как в громадном большинстве случаев конституции издавались в форме конституций октроированных»². Следовательно, октроированные конституции считались такими же полноценными, как и народные, а монархический конституционализм являлся не менее подлинным, нежели республиканский.

В XIX в. Хартия 1814 г. приобрела характер «политического канона»³ и стала образцом для конституций, основанных на принципе монархического суверенитета (или, в просторечии, монархическом принципе). Доктрина монархического конституционализма, которая базировалась на доктрине монархического суверенитета, была разработана немецкими юристами XIX в., прежде всего – Фридрихом Юлием Шталем⁴. Согласно монархическому принципу, в конституционной монархии, как и в абсолютной, обладателем всей полноты государственной власти остается монарх. Однако в осуществлении некоторых ее полномочий, определяемых исчерпывающим образом конституцией, он «ограничен или связан необходимым соучастием народного представительства»⁵. «Никто не будет отрицать гражданской свободы и равноправия как надежнейших устоев могущества и силы государства, – писал П.Х. Шванебах. – Но заблуждение начинается с утверждения, будто культурный и политически прогрессе есть плод неизбежной борьбы народов с монархическими правительствами и что такая борьба увенчается “конституцией”, т.е. актом, закрепляющим торжество народовластия над властью монархической»⁶. Шванебах трактовал монархический конституционализм как фактор культурного и политического прогресса, а не реакции.

¹ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 494.

² Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 161.

³ Гессен В.М. Указ. соч. С. 176.

⁴ Stahl F.J. Das monarchische Prinzip. Eine staatsrechtlich-politische Abhandlung. Heidelberg, 1845.

⁵ Гессен В.М. Указ. соч. С. 68.

⁶ Шванебах П.Х. О народном представительстве. Киев, 1909. С. 7.

Хартия 1814 г. стала образцом для всех последующих октроированных конституций, начиная с Конституции Царства Польского, пожалованной Александром I в 1815 г. Октроированными были конституции 20 монархий Германской империи. «Настоящей областью октроированных конституций, – заключал С.А. Котляревский, – являются государства Германии. Все эти государства, за исключением Мекленбурга, перешли к конституционному режиму, и везде этот режим был установлен сверху»¹. Из конституций немецких монархий только Прусская конституция 1850 г. не упоминала о монархическом принципе. Однако этот пробел восполнялся особым постановлением Allgemeines landrecht, § 1, II, 13), согласно которому «все права и обязанности государства соединяются в его главе»². Октроированной была Австрийская конституция 1867 г.³, а из неевропейских стран «вполне последовательный тип октроированной конституции с устранением всех элементов народного суверенитета» представляла Япония. Сюда же причисляли Данию и Швецию, хотя «значение короны здесь, – констатировал С.А. Котляревский в 1907 г., – несомненно, уменьшается»⁴.

Монархическими конституциями признавались не только октроированные, т.е. дарованные монархом единолично, но и пактированные (договорные), возникшие в результате пакта (договора) между монархом и народными представителями. «В этом смысле, – писал Б.Н. Чичерин, – говорят о конституционном договоре, *le pacte constitutionnel*, хотя, в сущности, договор здесь только внешняя форма соглашения: издание основного закона всегда есть действие единой верховной власти»⁵, т.е. монарха. Впрочем, «авторитетные исследователи» немецкого государственного права, подчеркивал Г. Еллинек, «уже не придают этому различию большого значения»⁶. Ш. Боржо делил пактированные конституции европейских монархий на две группы: «немецкие» и все остальные. «Принимая конституционную форму, – характеризовал он конституции второй группы, – государства этой категории, как и государства немецкой группы, прибегнули, более или менее явно, к фикции договора. Но в национальных договорах, которые были заключены в этих государствах, нация не была ни подчиненной, ни равной государю. В большинстве их она прямо была объявлена суверенной»⁷. Тем не менее, в начале XX в. пактированные конституции при-

¹ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 22.

² Гессен В.М. Указ. соч. С. 177–178.

³ Жилин А.А. Указ. соч. С. 232.

⁴ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 25.

⁵ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 323–324.

⁶ Еллинек Г. Указ. соч. С. 37.

⁷ Боржо Ш. Указ. соч. С. 74.

знавались разновидностью октроированных. «Под октроированными или жалованными, – подчеркивал В.Н. Дурденевский, – разумелись конституции, формально “дарованные” монархом или же представляющие собой как бы соглашение его с народом»¹. Через сто лет по-прежнему различают «монархические процедуры, коими являются октроирование и договор, и демократические процедуры (Учредительное собрание, референдум и плебисцит)»².

Первая пактированная конституция – Французская хартия 1830 г., которая «уже не была жалованной, но представляла собой договор между королем и народным представительством»³. Хартия 1830 г. примыкала в основных чертах к Хартии 1814 г. и заимствовала у нее многие статьи без изменений. Однако Хартия Людовика-Филиппа, в отличие от Хартии Людовика XVIII, покоилась «на совершенно ином базисе», поскольку рассматривалась «не как односторонний акт сил короля, а как соглашение между королем и парламентом»⁴. Соответственно этому в Хартии 1830 г. монархический принцип хотя и не отвергался прямо, но в ней Людовик-Филипп уже не называл себя королем «Божьей милостью» и титуловался «королем французов», а не «королем Франции и Наварры», как называли себя его предшественники. К числу пактированных относились конституции «большой части независимых второстепенных монархий» (Дания, Испания, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия и Швеция) и «недавно сложившихся государств» (Бельгия, Болгария, Греция, Италия, Румыния и Сербия)⁵.

Принципы Хартии 1814 г. усвоил Основной статут Сардинского королевства 1848 г., впоследствии ставший конституцией Италии⁶. Однако, присоединение к Сардинскому королевству частей Италии утверждалось всенародным голосованием, и тем самым, очевидно, признавался принцип народного суверенитета. Вследствие этого с 1866 г. итальянский монарх имел титул «короля Божьей милостью и волею народа», однако С.А. Котляревский трактовал такое совмещение принципов монархического и народного суверенитетов как «сочетание, логическая допустимость которого, конечно, подлежит большим сомнениям»⁷. В этом отношении Италия, по сравнению с европейскими монархиями, стояла «на середине», поскольку обладала «сильной и авторитетной королев-

¹ Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. Л., 1925. С. 18.

² Бурдо Ж. Учебник конституционного права // Хрестоматия по конституционному праву. Учебное пособие. В 2 т. СПб., 2012. Т. 1. С. 747–749.

³ Боржо Ш. Указ. соч. С. 188.

⁴ Еллинек Г. Указ. соч. С. 35.

⁵ Боржо Ш. Указ. соч. С. 74.

⁶ Еллинек Г. Указ. соч. С. 37.

⁷ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 23.

ской властью» и в то же время «область воздействия народных представителей» была в ней «значительно шире, чем в немецких государствах»¹.

Монархический и народный суверенитет

Степень октроированности конституции детерминировала то, в какой мере конституционная монархия воплощала принципы монархического или народного суверенитета. Немецкие государствоведы делили конституционные монархии конца XIX – начала XX вв. на две группы: 1) германские, базировавшиеся на монархическом принципе (Австрия, Дания и 20 монархий Германской империи), и 2) романские, основанные на принципе народного суверенитета (Бельгия, Испания, Нидерланды, Норвегия, Португалия и Швеция, а также балканские государства – Болгария, Греция, Румыния и Сербия)². В германских монархиях конституция, будучи «актом самоограничения, окончательным и бесповоротным, абсолютного монарха», ограничивала конституционного монарха «лишь постольку, поскольку такое ограничение установлено ее текстом». «При разрешении спорных вопросов об объеме полномочий монарха, и в особенности при разрешении конфликтов между парламентом и короной, – воспроизводит логику этой доктрины В.М. Гессен, – необходимо иметь в виду, что презумпция всегда и необходимо говорит в пользу неограниченности короны и против компетенции ограничивающих ее факторов. Поскольку конституция не требует участия народного представительства, полномочия власти осуществляются – непосредственно или посредством – монархом». Конституции романских монархий исходили из того, что «вся полнота власти первоначально принадлежит народу», а потому «король не имеет других полномочий, кроме тех, которые формально присваиваются ему конституцией, а также иными законами, изданными на ее основе», вследствие чего «в спорных вопросах презумпция всегда и необходимо склоняется в пользу народа, или народного представительства, и против короля»³. Отметив, что принцип народного суверенитета стал «формальной основой государственного порядка» в Бельгии, Италии, Норвегии, Португалии, Франции и Швейцарии, Я.М. Магазинер отмечал, что «многочисленные ограничения этого принципа» «крайне сужали» его значение и «нередко превращали его из *действенной* политической идеи в *бессильное* декларативное пожелание»⁴. Очевидно, действительность не всегда соответство-

¹ Там же. С. 25.

² Гессен В.М. Указ. соч. С. 186.

³ Там же. С. 190.

⁴ Магазинер Я.М. Общее учение о государстве. Курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918–1922 гг. [С]Пб., 1922. С. 377.

вала тому, что декларировали конституции романских монархий, да и республик – тоже.

П.Х. Шванебах находил «поучительным» «в высокой степени коренное различие, какое в эволюции от абсолютизма к конституционализму проявилось в судьбах, с одной стороны, Франции и других стран латинской расы, а с другой – Германии. Там, во Франции, – подчеркивал он, – монархическое начало и народное представительство не удалось привести к жизнеспособному сочетанию; по всей видимости, оно едва ли достигается и в Испании, Португалии и Италии. В Германии же корни могущественной монархической власти не порвались под гнетом революционного натиска; власть эта сохранила свое руководящее значение в деле государственного устройства и, отнюдь не попирая прав народного представительства, она остается самостоятельным выразителем народных нужд и народных идеалов. Отсюда, казалось бы, вывод такой, что ни о какой абстрактной, так сказать нормальной, конституционной формуле речи быть не может. То же самое, как кажется на первый взгляд, начало приводит к результатам существенно иным – к крушению монархии и к ее обновлению»¹.

Основные законы 1906 г. были типичной октроированной конституцией, основанной на монархическом принципе. В конце 1905–1906 гг., по наблюдениям С.Е. Крыжановского, «в сознании большинства» государственных и общественных деятелей, даже князя В.П. Мещерского, «преобладала мысль, что дана конституция в смысле формального и бесповоротного отречения государя от неограниченного самодержавия»². В 1912 г. С.А. Котляревский считал, что важнейшей предпосылкой Основных законов 1906 г. была «концепция власти монарха, которая представляет много сходства с так называемым монархическим принципом, занимающим столь видное место в немецкой литературе по государственному праву и получившим выражение в многочисленных октроированных конституциях»³. В 1914 г. «русская конституция 1906 г.» характеризовалась В.М. Гессеном как «октроированная»⁴. В этой связи представляется авторитетным и мнение И.Г. Щегловитова, являвшегося не только видным юристом, но и министром юстиции в 1906–1915 гг.

Критикуя идею Французской конституции 1791 г. о том, что король – глава не государства, а исключительно исполнительной власти, полностью зависимой от законодательной, И.Г. Щегловитов отмечал: «Не подлежит никакому сомне-

¹ Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 10.

² Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 126.

³ Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. С. 307.

⁴ Гессен В.М. Конституция. Стб. 570.

нию, что так понимаемое разделение властей стоит в прямом противоречии с монархическим принципом, с природой конституционной монархии». В подтверждение своего мнения Щегловитов ссылаясь на В.М. Гессена, который писал: «Основные институты монархии, наследственный и пожизненный характер монархической власти, безответственность монарха (*summa sedes a nemine iudicatur* (верховная кафедра никем не может быть судима (лат). – прим. авт.)), права и преимущества его – имеют основания и смысл лишь в том предположении, что монарх является главою не только исполнительной, но и законодательной власти, т.е. верховной власти». Г. Еллинек, О. фон Гирке и М. фон Зайдель, полагал Щегловитов, утверждали «совершенно верно», что «конституционный порядок вытекает не из политического самоопределения народа, а из самоограничения верховной власти», так как «монарх находится не в государстве, а как властелин, как суверен над ним»¹.

В Российской империи и после Манифеста 17 октября 1905 г. «о даровании России представительного строя» императору Всероссийскому, по силе ст. 4 Основных законов 1906 г., «принадлежит верховная самодержавная власть», и «повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». Выражаясь словами графа М.М. Сперанского из «Руководства к познанию законов», Щегловитов напоминал, что «в особе императора соединяются все стихии державного права во всей силе их и пространстве». Исходя из этого, министр юстиции утверждал: «Ни о каких суверенных правах народа, по теории Руссо, у нас, следовательно, и речи быть не может. Для нас руководящею может быть принята, по нашему мнению, распространенная в свое время и формулированная в Хартии 1814 г. Людовика XVIII, одобренная в актах Венского конгресса и положенная в основу всего государственного строя Европы на конгрессах в Троппау, Лайбахе и Вероне идея суверенитета монарха, состоящая в том, что монарх даже конституционный сосредоточивает в своем лице всю полноту прав государственной власти (*quo ad jus*), которой он обладает по собственному праву, и лишь в осуществлении (*quo ad exercitium*) монарх в тех или других отношениях и притом не иначе как по собственному изволению может быть ограничен соучастием других органов»². Когда накануне Февральской революции 1917 г. на вопрос Николая II о том, с кем он чаще всего советуется «о делах», последний царский

¹ Щегловитов И.Г. Курс русского судоустройства, читанный в Императорском Училище правоведения. СПб., 191... (Литография). С. 84–85.

² Там же. С. 85–86.

министр внутренних дел А.Д. Протопопов ответил, что с И.Г. Щегловитовым, император заметил: «Это хорошо, он человек опытный и большой государственной мудрости»¹. Можно предположить, поэтому, что в приведенной цитате Щегловитов выражал точку зрения не только свою, но и Николая II.

Присяга главы государства

При октроировании конституции либо вступлении на престол монархи, как правило, приносили присягу (или клятву) ее соблюдать. Отметив, что «в большинстве монархических государств весь суверенитет принадлежит королю» и, следовательно, «король является той верховной властью в государстве, которая может *de jure* изменять основные законы», М.И. Свешников писал: «Это положение вещей много изменяется тем, что король издает конституционную хартию, ручаясь не только за себя, но и за своих наследников; далее, что он и его наследники, вступающие на престол, присягают конституции, другими словами, в этих средневековых формах обещания за нисходящее потомство и скрепление обещания присягой выражается необходимая гарантия, что конституция не будет терпеть посягательства со стороны монархической власти»².

Присяга главы государства на верность конституции считалась одной из ее гарантий³. Вместе с тем, эта гарантия имела не столько реальный, сколько символический характер, не обеспечивая незыблемости конституционного порядка. «Что касается до присяги президента или монарха, – подчеркивал А.К. Дживелегов, – то если глава государства проникнут искренним желанием соблюдать конституцию, то присяга не нужна, если же у него в голове зреют преступные мысли, то присяга не поможет. Если бы присяга главы государства играла сколько-нибудь существенную роль, то история не знала бы государственных переворотов»⁴. Тем не менее, понятие «конституция» прочно ассоциировалась с присягой главы государства ее соблюдать.

¹ Показания А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства. М.–Л., 1925. Т. 4. С. 57

² Свешников М.И. Очерк общей теории государственного права. СПб., 1896. С. 220.

³ Жилин А.А. Указ. соч. С. 230.

⁴ Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 19–20.

Конституции Австрии¹, Баварии², Бельгии³, Болгарии⁴, Венгрии⁵, Греции⁶, Дании⁷, Испании⁸, Италии⁹, Нидерландов¹⁰, Норвегии¹¹, Португалии¹², Пруссии¹³, Румынии¹⁴ и Сербии¹⁵ содержали статьи о присяге монарха. Однако, подобных статей не было в Конституционном акте Великого герцогства Баденского 1818 г.¹⁶, в Саксонской конституции 1831 г.¹⁷, в Форме правления Швеции 1809 г.¹⁸ и в Японской конституции 1889 г.¹⁹ Не приносил политической присяги и президент Французской республики, поскольку в Третьей республике такого рода присяга была запрещена.

Вопрос о присяге царя соблюдать конституцию оказался в центре внимания Особого совещания, обсуждавшего в феврале 1906 г. под председательством Николая II новые учреждения Государственной думы и Государственного совета. В заседании 14 февраля 1906 г. граф А.П. Игнатъев заявил: «Манифестом 17 октября существенно изменено Положение о Государственной думе с представлением ей решающего значения. Ныне же пересматривается и Учреждение Государственного совета. Теперь он упраздняется, как совет монарха по законодательным делам. Вместо него учреждается верхняя палата. Это уже решительный шаг к конституционному устройству, и шаг этот можно делать только сознательно. Несомненно, от державной воли зависит изменить весь государственный строй, но я, по долгу присяги, обязываюсь заявить, что не следовало бы идти далее того, что было даровано 17 октября»²⁰. Оспаривая подобного рода заявления, граф С.Ю. Витте сказал: «При обсуждении состава Государственной думы и Совета их неоднократно сравнивали с палатами. Между тем необходимо иметь в виду, что рассматриваемое преобразование еще не составляет

¹ Современные конституции. Т. 1. С. 29.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 146–147.

⁵ Там же. С. 184–186.

⁶ Там же. С. 211–212.

⁷ Там же. С. 226.

⁸ Там же. С. 252.

⁹ Там же. С. 267.

¹⁰ Там же. С. 288.

¹¹ Там же. С. 323–324.

¹² Там же. С. 368–369.

¹³ Там же. С. 397.

¹⁴ Там же. С. 440.

¹⁵ Там же. С. 496.

¹⁶ Там же. С. 94–114.

¹⁷ Там же. С. 452–484.

¹⁸ Там же. С. 528–586.

¹⁹ Там же. С. 588–596.

²⁰ Протоколы Царскосельских совещаний (1905–1906). С. 75.

конституции. Преобразование это – лишь аппарат в высшей степени важный, которым государь император желает управлять. Это только новое государственное устройство. Но Думу и Совет нельзя даже и сравнивать с нижней и верхней палатами. Настоящий акт отнюдь не конституционный: никаких обязательств он не налагает»¹. Под «настоящим актом» премьер подразумевал Учреждение законодательной Государственной думы.

Возвращаясь к актуальной теме, 16 февраля С.Ю. Витте говорил: «Я уже третьего дня объяснял, что Манифест 17 октября не устанавливает конституции». Это вызвало опровержение со стороны графа К.И. Палена: «Что такое конституция? Граф С.Ю. Витте сказал, что в Манифесте 17 октября никакой конституции не содержится. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что Россия будет управляться по конституционному образцу». Далее Пален упрекнул князя А.Д. Оболенского, выступавшего за низведение Государственного совета до законосовещательного учреждения, в том, что он «в своем возращении идет против трех элементов конституции»², которыми признавали монарха и верхнюю и нижнюю палаты. «Ни один факультет университета, – настаивал на своей точке зрения Витте, – не определяет конституции, как граф Пален. Прежде всего, у нас нет присяги на верность устанавливаемому строю. Государь император вводит этот строй по собственной инициативе. Какая же это конституция? И крайние элементы понимают так же, как я. Поэтому даже такая умеренная партия, как [Союз] 17 октября, как [Д.Н.] Шипов и [А.И.] Гучков, говорит, что нужно, чтобы государь присягнул»³. «Забавно, что Витте, – записал в тот же день, 16 февраля, А.А. Половцов, еще один участник Особого совещания, – основывал свою речь на том, что ... никакой конституции Государь не давал, так как никакой присяги не приносил, а что просто установил такой порядок законодательства и управления, который считал наилучшим и который ежечасно снова изменять может»⁴.

Точку зрения Витте опроверг Ф.Г. Тернер: «Присяга вовсе не составляет обязательной принадлежности конституции. Прусская (надо – Германская – прим. авт.), например, конституция вовсе ее не требует. Я присоединяюсь к графу Палену». Самые сильные контраргументы выдвинул Н.С. Таганцев, который сказал: «Граф С.Ю. Витте сослался на факультеты. Я в качестве лица, принадлежащего к профессорской корпорации, могу удостоверить, что никогда конституция не заключалась в присяге. Отличительные признаки ее – участие в

¹ Там же. С. 77.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 90.

⁴ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб., 2014. С. 503.

законодательстве трех факторов, и у нас они налицо»¹. Во время перерыва К.И. Пален заявил Николаю II, недвусмысленно намекая на Витте: «А говорить, что вы не дали конституции, значит куртизанить. Вы дали конституцию и должны ее сохранить»². Показательно, что слова Палена не вызвали возражения со стороны царя, который, тем самым, согласился с маститым сановником. Если Николай II не давал присягу соблюдать Основные законы 1906 г., то, выступая 27 апреля 1906 г. в Зимнем дворце при открытии I Государственной думы, он торжественно обещал их охранять, поскольку сказал: «Я же буду охранять непоколебимыми установления, мною дарованные»³. Однако, это не было канонической присягой, что позволило царю произвести Третьеиюньский переворот, заключавшийся в роспуске 3 июня 1907 г. II Государственной думы и издании помимо нее, вопреки ст. 7 и 86 Основных законов 1906 г., нового избирательного закона.

Оправдывая переворот, П.А. Столыпин ссылался на «учредительную власть государя» и на то, что Основные законы «не подкреплены» его присягой⁴. В.А. Маклаков опровергал точку зрения, которую разделяли и левые, и правые, – будто Третьеиюньский переворот отменил Основные законы. Подтверждение этому он видел в Манифесте 3 июня 1907 г., содержащем указание на то, что «изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную думу, состав которой признан Нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства самого способа избрания ее членов»⁵. Подразумевая Манифест 3 июня, Маклаков подчеркивал: «По форме, по происхождению он был незаконен; это признано в самом Манифесте. Но обстоятельства оказались сильнее юридических доводов – и он стал законом. И в высшей степени знаменательно, что в оценке этого акта наше правительство стало именно на эту позицию удавшегося государственного переворота»⁶. Здесь Маклаков имел в виду состоявшееся 16 ноября 1907 г. выступление в III Государственной думе П.А. Столыпина, который, отвечая Маклакову на его критику Третьеиюньского переворота, воскликнул: «Не мне, конечно, защищать право Государя спасти в минуту опасности вверенную ему Богом

¹ Протоколы Царскосельских совещаний (1905–1906). С. 90.

² Половцов А.А. Указ. соч. С. 503.

³ Николая II Указ. соч. С. 75.

⁴ Допрос С.Е. Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. М.–Л., 1926. Т. 5. С. 418.

⁵ Высочайший манифест 3 июня 1907 г. «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу» // Ерофеев Н.Д. Российская монархическая государственность на последнем этапе своей истории (20 октября 1894 г. – 3 марта 1917 г.): Сборник документов. М., 2014. С. 392.

⁶ Маклаков В.А. Законность в русской жизни (Публичная лекция, прочитанная 17 марта 1909 года в зале Тенишевского училища) // Вестник Европы. 1909. Т. 3. С. 261.

державу»¹. Этими словами, полагал Маклаков, «акт 3 июня был поставлен на надлежащее место» и «юридически» признан «тем, чем он был: государственным переворотом», а потому «конституция и после него сохранила всю свою юридическую цельность»². Это мнение разделяли и другие юристы.

Третьеиюньский переворот, отмечал Н.И. Палиенко, лишь изменил Положение о выборах в Государственную думу и «юридически не произвел изменений во всех прочих частях нашего законодательства»³. Действительно, в Манифесте 3 июня 1907 г. Николай II объявил, что, «оставляя в силе все дарованные подданным Нашим Манифестом 17 октября 1905 года и Основными законами права», «восприял» «решение изменить лишь самый способ призыва выборных от народа в Государственную думу»⁴. Следовательно, Манифестом 3 июня 1907 г. царь не только не отменял Основные законы 1906 г., но и формально подтверждал сохранение их в силе. Новый избирательный закон, заключал В.М. Грибовский, «является нарушением Основных законов, но вовсе не правовым прецедентом. На нем только лишний раз можно видеть, как близко соприкасаются в публично-правовой области факт и право, и больше ничего»⁵. Тем не менее, как левые, так и правые политики именно после Третьеиюньского переворота считали, что Основные законы 1906 г. не являются конституцией, раз они не подкреплены присягой монарха.

Будущий лидер правых Н.Е. Марков-2-й на заседании III Государственной думы 13 ноября 1907 г. заявил: «Того, что есть в западноевропейских конституциях, где присягают не только члены парламента, но и сам монарх, у нас нет, и раз не только наш монарх не присягает, но и ни один из нас не призван к подобной присяге, присяге соблюдать те или другие законы, то, очевидно, конституции, в том смысле, как ее понимают в Западной Европе, у нас нет»⁶. «Правые доказывали, – вспоминал В.А. Маклаков дебаты 13 ноября 1907 г., – что “конституции” нет и мотивировали это теми же аргументами, которыми пользовался Витте в Особом совещании; лучших быть не могло. “Конституционалисты” и с кадетских скамей, и из центра утверждали и были, конечно, правы, что конституция заключается в ограничении законом прав Государя, а не в присяге,

¹ Столыпин П.А. «Нам нужна великая Россия...». Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 103.

² Маклаков В.А. Указ. соч. С. 262.

³ Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. Ярославль, 1910. С. 75–76.

⁴ Высочайший манифест 3 июня 1907 г. С. 392.

⁵ Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской империи (Из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса, 1912. С. 28.

⁶ Государственная дума. 1906–1917. С. 30.

не в порядке введения конституции, не в других второстепенных подробностях. Основные законы кадеты не называли тогда “лжеконституцией”»¹.

Гибкие и жесткие конституции

Кроме присяги, другим не менее значимым параметром семантической структуры понятия «конституция» была ее гибкость или жесткость, поскольку в особом законодательном порядке конституции не только создавались, но и подвергались пересмотру (или ревизии). Характеристику двух типов конституций – гибких и жестких (*flexible* и *rigid*) – впервые дал английский правовед и историк Джеймс Брайс². Данная классификация предопределялась тем, что различие между конституционным и обычным законодательством признавалось «не во всех конституциях и не везде в равной степени: одни, – подчеркивал С.А. Котляревский, – резко разграничивают сферу конституционного и обычного законодательства, в других эта граница совершенно ступшевывается»³. Жесткие конституции, в отличие от гибких, подразумевали усложненную процедуру пересмотра, имея целью гарантировать большую прочность конституционным законам как существенно отличающимся от обычных.

Самые гибкими были неписанные конституции Великобритании и Венгрии, поскольку они, при отсутствии в этих государствах разницы между конституционными и обычными законами, могли изменяться обычным парламентом в обычном порядке. Однако, «само собою разумеется, – замечал Н.И. Лазаревский, – что в английском или венгерском законодательстве имеются такого рода положения, на которые у парламента не поднимется рука; существование монархии или личная неприкосновенность граждан такого рода положения, которые парламент затронуть не решится»⁴. Особые формы их изменения не подразумевали писанные конституции Италии, Испании и некоторых небольших монархий Германской империи⁵. В начале XX в. наблюдалась тенденция к отвердению гибких конституций. В частности, в Великобритании стали применять роспуски и новые выборы парламентов перед решением вопросов конституционного характера. С другой стороны, Португальская конституция 1911 г. ввела периодический пересмотр конституций во избежание их излишнего за-

¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. М., 2023. С. 473.

² Bryce J. Flexible and Rigid constitutions // Bryce J. Studies in History and Jurisprudence. In 2 volumes. New-York – London, 1901. Vol. I. P. 145–254.

³ Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 38.

⁴ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1913. С. 625.

⁵ Еллинек Г. Указ. соч. С. 42.

ствования¹. Однако гибкие конституции, «в общем, – констатировал С.А. Котляревский в 1907 г., – составляют исключение»².

Согласно жестким конституциям, основанным на идее народного суверенитета, они могли пересматриваться прямым всенародным голосованием либо посредством роспуска палат для вторичного опроса избирателей с обсуждением пересмотра в ревизионных палатах или конвентах. В других жестких конституциях для палат, вотировавших изменения основных законов, были установлены многочисленные экстраординарные формы, в числе которых важную роль играло требование усиленного большинства в разнообразных комбинациях. Усложненной процедурой пересмотра являлось также требование его многократного голосования или голосование в нескольких законодательных собраниях, следующих друг за другом³.

Жесткие конституции были как народными, так и монархическими, и известные трудности, связанные с их пересмотром, могли иметь целью обеспечить суверенитет как народа, так и монарха. Впрочем, это не означало, что самые демократические и самые недемократические конституции должны изменяться одинаково трудно. В государствах, отличавшихся сильной монархической властью, ее санкция одинаково требовалась и для обыкновенных, и для конституционных законов, и поэтому большее внимание охране основных законов уделяли конституции «более ярко выраженного демократического типа»⁴. Действительно, самой жесткой была Конституция США, сравнивая которую с самой гибкой британской Г. Еллинек подчеркивал: «Двумя противоположными полюсами в этом отношении являются конституции союзная, американская и английская»⁵. Конституция США, как и созданные под ее влиянием конституции американских республик (за исключением Чилийской), имела федеративный характер⁶, а потому участие в ее пересмотре было предоставлено и центральному представительству, и штатам. Однако пример Американской конституции доказывал, что около неподвижных писаных конституций и даже вопреки им развивается неписаное конституционное право. Поэтому в государствах типа США, «наряду с формальной конституцией, складываются новые, чисто материальные положения конституционного права»⁷. С течением времени жесткие конституции обрастали

¹ Дурденевский В.Н. Указ. соч. С. 20.

² Котляревский С.А. Указ. соч. С. 46.

³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 42.

⁴ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 47.

⁵ Еллинек Г. Указ. соч. С. 46.

⁶ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 45.

⁷ Еллинек Г. Указ. соч. С. 48.

нормами обычного права, так что фактическая конституция существенно корректировала формальную.

Конституции европейских монархий в отношении процедуры пересмотра классифицировали на две группы: 1) немецкую и 2) латинско-скандинавскую, причем в группе немецких конституций выделяли «два ярко выраженных течения». Первое, более старое, течение вытекало из идеи о том, что конституция есть договор между монархом и представительством страны, и видело в пересмотре конституции возобновление этого договора, а потому пересмотр являлся результатом соглашения между сторонами. Инициатива пересмотра, принадлежавшая первоначально одному монарху, довольно рано была признана также за парламентом, однако, полагал Ш. Боржо, «опасение, что представительство слишком легко будет поддаваться тем средствам воздействия, которыми может располагать корона, заставило прибегнуть к особым гарантиям: повышенным требованиям относительно наличности депутатов, чрезвычайному большинству, многократным обсуждениям». Другое течение среди немецких конституций знаменовала Прусская конституция 1850 г., отличавшаяся «почти полным отождествлением основного закона с обыкновенным законом»¹. Данная система была положена и в основу Германской конституции 1871 г.

В конституциях монархий второй группы (латинско-скандинавской) господствовал принцип «должно быть спрошено мнение народа». Согласно этим конституциям, обращение к стране по поводу пересмотра конституции производилось путем роспуска парламента и избрания нового парламента или специального собрания. Такой порядок подразумевали также Болгарская, Греческая и Сербская конституции, созданные под влиянием латинских конституций. Решения по предложениям о пересмотре принадлежали лишь представительству, только что обновленному народным голосованием. Конституции второй группы обыкновенно предусматривали участие монарха в предложении о пересмотре или в окончательном решении, или, наконец, в том и другом. Исключение представляли Греческая и Норвежская конституции, которые могли пересматриваться без участия королей. Однако, подчеркивал Ш. Боржо, «как в том, так и в другом случае компетенция собраний, предлагающих и решающих пересмотр, ограничена изменениями, не касающимися основных положений конституционного акта»².

К концу рассматриваемого периода по степени сложности изменения конституций различали три системы их пересмотра: 1) при обычном участии избирателей, но с осложненной парламентской процедурой, 2) при усиленном уча-

¹ Боржо Ш. Указ. соч. С. 110–111.

² Там же. С. 111.

стии избирателей и 3) с прямой санкцией избирателей («народа»). Первая система подразумевала, что обычные парламенты могут изменять конституцию при наличии особой инициативы и особого большинства (Япония, с 1911 г. – Португалия) или при объединении двух палат в одно национальное собрание (Франция). Вторая, самая распространенная, система предусматривала избрание особых конвентов (Аргентина) или переизбрание парламентов (Бельгия, Румыния). Третья система имела в виду производство всенародного голосования проектов, предложенных как правительством и парламентом, так и народной инициативой (Швейцария)¹. Основные законы 1906 г. подпадали под первую систему, поскольку, согласно ст. 8 и 107, инициатива их пересмотра принадлежала единственно царю², что корреспондировало со статьей 73 Японской конституции 1889 г.³ Однако, в отличие от Японии, в России царское предположение об изменении Основных законов должно было рассматриваться Государственной думой и Государственным советом без усиленного кворума и квалифицированного большинства, т. е. в том же порядке, что и обычные законы – как в Англии.

Оставление Основными законами 1906 г. инициативы их пересмотра за императором С.А. Котляревский объяснял «мыслью о том, что источником учредительного авторитета является исключительно монарх», причем эта мысль «представляла из себя как бы противовес популярной тогда идее Учредительного собрания (суверенного, каковым оно являлось в проектах революционных партий, или собрания с учредительными функциями при наличии санкции государя – в проектах партий легально-оппозиционных)». Котляревский полагал, что «мысль об учредительной власти, принадлежащей монарху в более полном объеме, чем власть законодательная, представляет одно из важнейших звеньев, связующих старый и новый строй России»⁴. Подчеркнув, что по Основным законам 1906 г. «монарху принадлежит высший учредительный авторитет» Котляревский указывал: «Новый порядок целиком вытекает из этого авторитета, а не из какого-нибудь договорного отношения: он зиждется на вполне односторонних актах, что, конечно, несколько не умаляет его юридической силы и обязательности. Теперь учредительная власть государя ограничена Думой и Советом, но все же никакое преобразование государственного порядка не может быть законно произведено иначе как по его почину»⁵. Сохранение учредительной ини-

¹ Дурденевский В.Н. Указ. соч. С. 19.

² Основные государственные законы. С. 15, 27.

³ Современные конституции. Т. 1. С. 596.

⁴ Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. С. 242.

⁵ Там же. С. 303.

циативы за царем соответствовало той трактовке принципа монархического суверенитета, которая доминировала в первой половине XIX в.

Парламентарные и дуалистические конституции

Наконец, последний – по порядку, но не по значимости – параметр семантической структуры понятия «конституция» был обусловлен тем, что с точки зрения системы управления конституции делились на парламентарные и дуалистические, т.е. на проводящие, прямо или косвенно, принципы парламентаризма или дуализма¹. Классификацию монархий на парламентарные (или парламентские) и дуалистические ввел немецкий правовед Роберт фон Моль². Основное различие между парламентаризмом и дуализмом состояло в том, что, формулировал это различие В.М. Гессен, «в дуалистических государствах министры остаются у власти до тех пор, пока они угодны монарху; в парламентарных – до тех пор, пока они угодны не только монарху, но и парламенту»³. При парламентаризме министры несли политическую ответственность перед парламентом, при дуализме – перед монархом, вообще – главой государства. «Если бы мы, – писал С.А. Котляревский, – захотели классифицировать современные конституционные государства по тому признаку, который в наибольшей степени отражается на всей их жизни, на всем осуществлении конституционного принципа, едва ли мы могли бы найти что-нибудь более существенное, чем наличие или отсутствие так называемой политической ответственности министров. На этом признаке покоится различие парламентарных и дуалистических государств»⁴. В данном случае выражение «конституционное государство» было синонимом выражения «представительное государство».

Дихотомия «парламентаризм – дуализм» распространялась на все вообще государства с народным представительством, как монархии, так и республики. «В современной науке государственная права, – констатировал К.Н. Соколов, – принято делить все вообще представительные государства, – как монархии, так и республики, – на две группы – на группу государств “парламентарных” и на группу государств “дуалистических”»⁵. Все представительные монархии и республики, отмечал он, «“начисто” делятся на две больших группы представи-

¹ Гессен В.М. Основы конституционного права. С. 391.

² Mohl R., von Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. In Monographien dargestellt. Bd. 1–3. Erlangen, 1855–1858. Bd. 1. S. 188.

³ Гессен В.М. Указ. соч. С. 393–394.

⁴ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001. С. 266.

⁵ Соколов К.Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб., 1912. С. 1.

тельных государств с парламентарным и с дуалистическим строем»¹. «Дуализм и парламентаризм, – подытоживал Соколов, – суть таким образом в мире государств с представительным строем категории универсальные»². В этом контексте классификация конституций на парламентарные и дуалистические была важнее их классификации на народные и монархические.

В широком смысле слова понятие «конституция» и производные от него существительное «конституционализм» и прилагательное «конституционный» включали в себя как парламентаризм, так и дуализм. Отметив, что «в настоящее время все монархии резко делятся на неограниченные и ограниченные или конституционные», В.В. Водовозов указывал: «Монархии конституционные, в свою очередь, делятся на два вида: монархии представительные или дуалистические и монархии парламентарные. И в тех, и в других монарх делит власть с парламентом, но в первых за ним остается вся исполнительная власть, тогда как во вторых он и ее отправляет через посредство министров, ответственных пред парламентом»³. Имея в виду условия осуществления и отправления государственной власти, А.Д. Градовский писал, что «все конституционные монархии могут быть разделены на две группы: 1) на монархии парламентские и 2) на собственно конституционные монархии в тесном смысле, или *дуалистические*»⁴. Подразумевая дуализм, т.е. конституционализм в узком смысле слова, Н.И. Лазаревский подчеркивал: «Этот последний термин, вошедшей, впрочем, в употребление и в этом смысле, представляет то существенное неудобство, что он употребляется одинаково и для обозначения всех вообще государств с представительной формой правления, и для обозначения одного вида их, а именно тех, где не существует зависимости министерства от парламентского большинства»⁵. Действительно, в узком смысле слова понятие «конституция», существительное «конституционализм» и прилагательное «конституционный» применялись только по отношению к дуализму.

Государствоведы различали три формы монархии: абсолютную, конституционную и парламентарную, причем типом конституционной монархии признавали германскую, типом парламентарной – Великобританию и монархическую Францию 1814–1848 гг.⁶ С.А. Котляревский подчеркивал, что перед государstвооведами, «с одной стороны, стоят государства парламентарного типа, с

¹ Там же. С. 420.

² Там же. С. 423.

³ Водовозов В.В. Монархия // Энциклопедический словарь. Т. 19А: Михаила орден – Московский телеграф. СПб., 1896. С. 700–701.

⁴ Градовский А.Д. Указ. соч. С. 123.

⁵ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 667.

⁶ Гачек Ю. Указ. соч. Ч. 1. С. 47.

другой – конституционно-дуалистические»¹. Особое внимание классификации государств на парламентарные и дуалистические уделяли кадеты, будучи сторонниками парламентаризма и противниками дуализма. «Никогда монархия конституционная или парламентарная, – признавал Ф.Ф. Кокошкин публично 25 марта 1917 г., – не была для нас, как для настоящих монархистов, тем верховным принципом, которому бы мы подчиняли всю нашу политическую программу»². Монархизм кадетов являлся для них лишь данью существовавшему положению вещей, а не чем-то принципиальным.

Характеризуя конституционную монархию в узком смысле слова, В.И. Герье писал, что «с конституцией в нее вошел принцип дуализма – раздвоение власти между наследственным представителем государственной воли и основанным на избрании народным представительством. Но это не антагонизм враждующих друг с другом сил, а одинаково необходимых государству и потому обязанных из-за высших интересов государства приходить к соглашению. Достижение этой цели зависит в известной степени от норм и от текста конституции; еще более зависит оно от политического и культурного развития тех, кто призван осуществлять конституции»³. «Эти две силы, король и парламент, – обрисовывал дуалистическую монархию Я.М. Магазинер, – хотя формально имеют общий источник в законе, но фактически это – противостоящие друг другу силы, не имеющие общего источника, а связанные лишь *компромиссом* и потому *согласно действующие*»⁴.

Дуалистическая система была отражением теории разделения властей в ее первоначальной трактовке, данной Ш.Л. де Монтескье, поскольку присваивала исполнительную власть, и притом – в полном объеме, монарху и его министрам, а законодательную власть – народному представительству. При последовательном проведении дуализма конституции отказывали королю или президенту в санкционировании законов и в законодательной инициативе. Министры устранялись от деятельности парламента, не имея права не только инициировать законы, но и участвовать в их обсуждении. Такая система была установлена Американской конституцией 1787 г. и французскими конституциями 1791 и 1795 гг. В XIX в. европейский дуализм подвергся существенным смягчениям, и «в настоящее время, – писал Н.И. Лазаревский в 1913 г., – когда говорят о государствах дуалистических, или конституционных, то имеют в виду такого рода форму управления, когда министры имеют право законодательной инициативы и участвуют в палатах при обсуждении законопроектов, причем министерство

¹ Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 156.

² Кокошкин Ф.Ф. Республика // Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 503–504.

³ Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1906. С. 13–14.

⁴ Магазинер Я.М. Указ. соч. С. 354.

может оставаться у власти, хотя бы и не пользовалось поддержкою большинства палат, и где допускается назначение министров, не принадлежащих к составу палат»¹. Типичным примером подобного государства считали Пруссию.

Под конституционной монархией в узком смысле слова подразумевалась «полнейшая независимость монарха от парламента при осуществлении им управления и выборе министров». В такой монархии государственная власть, отмечал Ю. Гачек, «не распределена между парламентом и монархом, но последний в своем лице соединяет все отрасли государственной власти. Бюрократия ограничена законодательной властью, а также административной юстицией и самоуправлением»². Несмотря на все внешнее сходство между конституционной и парламентарной монархиями, поскольку в каждом из этих государств имелись король и народное представительство, различие между ними, подчеркивал В.И. Герье, «весьма существенно: в первом случае верховная власть и правительство находятся в руках государя, во втором случае они принадлежат парламенту»³. Парламентарную монархию он трактовал как «владычество партий», а конституционную – как «правительство, стоящее над партиями»⁴. Полагая, что в монархическом государстве, хотя бы и в конституционном, министры должны быть ответственны только перед монархом, Герье признавал: «Конечно, монарх не станет держать министров, неспособность или даже негодность которых будет разоблачена пред ним и пред всею страною Государственною думою или Государственным советом. Но его нельзя обязать удалять своих министров в тех случаях, когда они во внутренней политике или в государственном хозяйстве не сойдутся с вожаками партий в Думе»⁵.

Политическая ответственность правительства перед главой государства, а не перед парламентом, была характерна не только для дуалистических монархий, но и для дуалистических республик. Согласно дуалистическим конституциям, отмечал А.К. Дживелегов, «глава государства может назначить министров не только не из членов партии большинства, но даже не из членов парламента. Такие министры в монархии – исключительно “слуги короля”, как говорил Бисмарк, типичный министр типичного дуалистического государства. В республике дуалистического типа, как в Северо-Американских Соединенных Штатах, министры, не ответственные перед парламентом, даже носят название статс-секретарей, что указывает на особую их связь с президентом»⁶. В конце

¹ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 667.

² Гачек Ю. Указ. соч. Ч. 1. С. 62–63.

³ Герье В.И. Указ. соч. С. 10.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 25–26.

⁶ Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 7–8.

XIX – начале XX вв. дуалистические государства среди конституционных государств количественно преобладали и существовали на четырех континентах.

Дуализм был характерен для конституций 20 немецких монархий, Германской империи в целом и Австрийской империи. «Менее чистый тип» дуалистического государства представляли Дания и Швеция, где «королевская власть относительно слабее». «Ближе к дуалистическому, чем к парламентарному, типу» стояли государства Пиренейского и Балканского полуостровов. «Весьма чистый дуалистический тип», близкий к тому, который встречался в немецких монархиях, являла Япония¹. Классической дуалистической республикой были США² и другие американские республики с разделением властей³. Из европейских стран наибольшую аналогию с американским режимом представляло собой Норвежское королевство⁴. Дуалистическими республиками с высшими коллегиальными органами были Швейцария и вольные города Бремен, Гамбург и Любек⁵. Наконец, дуалистической республикой являлась и ориентированная на США Либерия⁶ – единственная африканская республика.

Под парламентарной (парламентской) монархией понимали такую, в которой «министры намечаются для монарха парламентским большинством, и где сам парламент осуществляет административную деятельность»⁷. Парламентаризм трактовали как «зависимость состава министерства от доверия, оказываемого ему народным представительством», и считали его «наиболее существенным видом воздействия народного представительства на управление»⁸. В парламентарном государстве, монархии или республике, министры были членами парламента и принадлежали к партии или к группе партий, которая располагала в нем большинством. «Пока большинство держится, – выражал главный принцип парламентаризма А.К. Дживелегов, – держится и министерство. Когда большинства по какому-нибудь существенному вопросу не составляется, министерство должно подать в отставку. Перед королем или президентом министры в парламентском государстве неответственны»⁹. При парламентаризме правительство несло политическую ответственность перед парламентом, а не перед главой государства.

¹ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 170.

² Соколов К.Н. Указ. соч. С. 1.

³ Гачек Ю. Указ. соч. Ч. 2: Право современной демократии. С. 23.

⁴ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 174.

⁵ Соколов К.Н. Указ. соч. С. 423.

⁶ Френкель М.Ю. История Либерии в Новое и Новейшее время. М., 1999. С. 123–124.

⁷ Гачек Ю. Указ. соч. Ч. 1. С. 54.

⁸ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 667.

⁹ Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 7.

По сравнению с дуалистическими государствами парламентарные были весьма малочисленны. Самой старой парламентарной монархией, впрочем – на основе неписаной конституции, являлась Великобритания. Впервые парламентарная монархия была учреждена писаной конституцией в королевской Франции Хартией 1814 г. и упрочена Хартией 1830 г. В январе 1830 г. в оппозиционном органе «Le National» Адольф Тьер опубликовал статью, в которой обосновал два главных догмата парламентаризма. «Король царствует, – гласил первый догмат, – министры управляют, палаты судят». «Как только управление становится плохим, – согласно второму догмату, – король или палаты ниспровергают министерство, которое плохо управляет, и большинство в палатах приобретает значение списка кандидатов в министры»¹. Основные черты Хартии 1830 г. были «воспроизведены и развиты» в Бельгийской конституции 1831 г.², которая стала «конституционным идеалом следующей эпохи»³. В конце XIX в. к числу парламентарных государств относили, кроме Великобритании и Бельгии, Венгрию, Италию и Францию⁴. К французскому типу, нашедшему свое воплощение в Конституции Третьей республики (1875 г.), примыкала Португалия – согласно ее республиканской конституция 1911 г.⁵ В Америке парламентарные конституции имели Венесуэла, Гаити, Доминикана и Чили⁶. В 1913 г. Н.И. Лазаревский утверждал, что парламентаризм установился не только в Англии и ее колониях, но и в Австрии, Бельгии, Венгрии, Греции, Дании, Нидерландах, Испании, Италии, Норвегии, Румынии, Швеции и Франции⁷. Однако, в действительности список парламентарных государств был намного короче.

«Нужно ли говорить, – вопрошал С.А. Котляревский, – что и парламентаризм, как всякая политическая форма, может обращаться действительно в пустую форму, которой совершенно не соответствует содержание, подлежит вырождению? Можно говорить о “Scheinparlamentarismus”, как и о “Scheinkonstitutionalismus”; солидарность с народным мнением может подменяться солидарностью с господствующими котериями». В подтверждение своего суждения он приводил Испанию, в которой, несмотря на всеобщее избирательное право и парламентаризм, выборы всецело зависели от центрального правительства и местных кациков. В балканских государствах, по наблюдениям Котляревского,

¹ Еллинек Г. Указ. соч. С. 35–36.

² Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву // Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 323.

³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 40.

⁴ Водовозов В.В. Парламентаризм // Энциклопедический словарь. Т. 22А: Оуэн – Патент о поединках. СПб., 1897. С. 816.

⁵ Магазионер Я.М. Указ. соч. С. 383.

⁶ Гачек Ю. Указ. соч. Ч. 2. С. 24.

⁷ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 671.

парламентаризм также принимал форму чисто личной борьбы¹. В.М. Гессен, отметив, что применительно к Англии, Бельгии и Франции «не может быть сомнения в правовом характере парламентаризма», приходил к выводу: «Нельзя сказать того же о других государствах». В Венгрии, Испании, Италии, Нидерландах и других, как будто бы парламентарных, государствах «та грань, которая отделяет дуалистическую форму от парламентарной, – полагал он, – далеко не так отчетлива и ясна, как это кажется с первого взгляда»², а потому «нередко одно и то же государство одними публицистами относится к числу дуалистических, другими – к числу парламентарных государств»³. В этой связи наиболее авторитетным является мнение начальника Канцелярии Палаты общин К. Илберта, который писал: «Во Франции, Италии, Бельгии и Голландии (список не очень-то велик) существует система парламентарного правления, похожего на правление Соединенного королевства. Во Франции президент, в Италии и Бельгии король, в Голландии королева правят не единолично, но, как английский король, через своих министров, которые являются членами законодательного собрания и несут ответственность за свои действия»⁴. Следовательно, к 1914 г. парламентаризм функционировал только в шести европейских государствах, которыми были Великобритания, Бельгия, Италия, Нидерланды, Португалия и Франция, а также в четырех американских республиках (Венесуэла, Гаити, Доминикана и Чили), т.е. в десяти конституционных государствах из 73.

Конституционная и парламентарная монархии отличались не только тем, что у них разные носители правительственной власти, король или парламент, но и способом возникновения их конституций. «Парламентарные монархии, – указывал В.И. Герье, – ведут свое начало от революций; в конституционных монархиях конституция исходит от законной традиционной власти, поэтому в конституционных монархиях власть монарха не подорвана, а ограничена учреждениями, введенными данной конституцией и предоставленными в ней этим учреждениям полномочиями. В конституционных монархиях конституция вытекает из королевской власти, в парламентарных – конституция иногда предшествует появлению монарха, и он из нее выводит свои полномочия»⁵. Тем самым Герье отождествлял парламентарные конституции с народными, а дуалистические – с октроированными, с чем соглашался С.А. Котляревский, который подчеркивал, что «политический дуализм свойствен по преимуществу конституциям октроированного типа и не соответствует духу государственного устрой-

¹ Котляревский С.А. Власть и право. С. 274–275.

² Гессен В.М. Указ. соч. С. 412.

³ Там же. С. 413.

⁴ Илберт И. Парламент (Его история, организация и практика). Пг., 1915. С. 183–184.

⁵ Герье В.И. Указ. соч. С. 11.

ства, в основу которого положен принцип народного суверенитета»¹. «Установление политического режима, парламентарного или дуалистического, – писал, в свою очередь, В.М. Гессен, – определяется в значительной мере происхождением и природой монархической власти. В монархиях, получивших конституцию революционным путем из рук национального учредительного собрания, влияние народного представительства настолько значительно, что монархическое начало необходимо уступает первенствующее место началу парламентарному. Наоборот, в государствах, обязанных своей конституцией исторической династии, преобладающее влияние принадлежит монарху, еще недавно абсолютному, даровавшему стране конституционную хартию»². Действительно, революционное происхождение имели конституции всех десяти парламентарных государств начала XX в. (Бельгия, Великобритания, Венесуэла, Гаити, Доминикана, Италия, Нидерланды, Португалия, Франция и Чили).

Дуалистический характер Основных законов 1906 г.

Основные законы 1906 г. были типичной дуалистической конституцией. С.А. Котляревский выражал общепризнанное мнение, когда писал, что «русский государственный строй является совершенно дуалистическим в смысле противоположности парламентаризму и вообще недопущения в какой бы то ни было степени начал политической ответственности. Дуалистический отпечаток в нем выражен явственнее, чем в таком классическом образце этого типа, как Прусская конституция, не говоря уже об Австрийской»³. После 1917 г. Российскую империю также относили к странам «германского типа», в которых, как и в Пруссии, «господствовал дуализм»⁴. В то же время, Основные законы 1906 г. содержали предпосылки для фактического превращения дуалистической монархии в парламентарную, так как их ст. 121⁵ подразумевала возможность формирования Совета министров из депутатов Государственной думы и членов Государственного совета, как назначенных, так и выборных.

Имея четкие представления об абсолютизме, дуализме и парламентаризме, Николай II сознавал, что в результате проведенного им в 1905–1906 гг. реформирования государственного строя его верховная власть ограничена в законодательстве, но не в управлении. В начале 1906 г. царь говорил В.Н. Коковцову, что Манифестом 17 октября 1905 г. народу дано «право законодательной власти в ука-

¹ Котляревский С.А. Конституционное государство. С. 170.

² Гессен В.М. Указ. соч. С. 410.

³ Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. С. 275.

⁴ Магазинер Я.М. Указ. соч. С. 351.

⁵ Основные государственные законы. С. 28–29.

занных ему пределах»¹, а впоследствии «отлично понимал различие его самодержавия до 1905 г. и после этого года»². В заседании 9 апреля 1906 г. Особого совещания, рассматривавшего, под председательством Николая II проекты новых Основных законов, за сохранение в них слова «неограниченный» (монарх) высказались только И.Л. Горемыкин и А.С. Стишинский, а за устранение этого слова, как не соответствующего Манифесту 17 октября, выступили С.Ю. Витте, граф К.И. Пален, М.Г. Акимов, А.А. Сабуров, Д.М. Сольский, Э.В. Фриш, великие князья Николай Николаевич и Владимир Александрович, П.Н. Дурново и князь А.Д. Оболенский. Подытоживая прения, царь сказал: «Свое решение я скажу потом. Перейдем к следующим вопросам»³. Через три дня, 12 апреля, в самом конце последнего заседания Особого совещания Д.М. Сольский напомнил Николаю II, что ему «угодно было отложить решение по ст. 4. Как вы, – обратился граф к императору, – изволите приказать: сохранить или исключить слово “неограниченный”». «Я, – прозвучал ответ, – решил остановиться на редакции Совета министров». «Следовательно, – уточнил Сольский, – исключить слово “неограниченный”»? «Да, – согласился Николай II, – исключить»⁴. Тем самым император закрепил дуалистический характер Основных законов.

В Указе 23 апреля 1906 г., сопровождавшем публикацию Основных законов, Николай II отметил особо, что Манифестом 17 октября возвестил об осуществлении монархом законодательной власти «в единении с представителями народа», «установив новые пути, по которым будет проявляться самодержавная власть всероссийских монархов в делах законодательства». Основные законы, указывал Николай II, были дополнены «положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной»⁵. Таким образом, император открыто признал, что, в отличие от власти верховного управления, власть законодательная принадлежит ему «раздельно», т.е. – что она ограничена Государственной думой и Государственным советом. При открытии 27 апреля 1906 г. I Государственной думы Николай II заявил, что ее депутаты призваны им «к содействию в законодательной работе»⁶. Тем самым император признавал дуалистический, а не парламентарный характер новых Основных законов, указы-

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 123.

² Там же. Т. 2. С. 291.

³ Протоколы Царскосельских совещаний (1905–1906). С. 120–124.

⁴ Там же. С. 162.

⁵ Высочайше утвержденные 23 апреля 1906 г. Основные государственные законы // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 44.

⁶ Николай II. Указ. соч. С. 74–75.

вая на это и впоследствии. «Все законы, принятые Думою, – выражал точку зрения Николая II А.Г. Елчанинов, – поступают в Государственный совет, и, наоборот, – законы, принятые Советом, должны быть рассмотрены Думою. Без этого условия ни один новый закон не может поступить на утверждение Государя. Для того, чтобы предлагаемый закон считался отклоненным, достаточно, чтобы одна из палат была с ним не согласна. Но без утверждения Государя, хотя бы и принятые Думой и Советом, проекты законов не могут иметь силы»¹. Право абсолютного вето монархи имели согласно всем дуалистическим, да и парламентарным конституциям.

Разницу между парламентаризмом и дуализмом, равно как и то, что дуализм лежит в основе «обновленного строя», хорошо сознавали царские премьер-министры. Так, П.А. Столыпин, беседуя в августе 1906 г. с английским корреспондентом, сказал: «В Англии судят с английской, т. е. с парламентской точки зрения. Между тем, нужно отличать парламентаризм от конституционализма. У нас есть только конституционализм, как и в Германии или даже в Американской республике»². В сентябре 1906 г. Столыпин говорил французскому корреспонденту: «Во всяком случае привилегии короны и Основные законы должны уважаться. Законодательная власть должна быть строго отграничена от исполнительной. Не забудьте, что наш нынешний строй – строй конституционный, а не “парламентарный”. Это очень важно установить»³. Очевидно, Столыпин использовал слова «конституционализм» и «конституционный» в узком смысле, считая их синонимами слов «дуализм» и «дуалистический».

Дуалистический характер Основных законов 1906 г. выявился на заседании III Государственной думы 24 апреля 1908 г., когда П.Н. Милюковым поддержал идею ее Бюджетной комиссии об образовании, в порядке думского законодательства, анкетной (следственной) комиссии для исследования хозяйства казенных железных дорог. Полемизируя с лидером кадетов, министр финансов В.Н. Коковцов заявил с думской трибуны, что «у нас, слава Богу, нет парламента». Вспоминая о том, какие объяснения он представил П.А. Столыпину по поводу своей исторической фразы, Коковцов писал: «Я начал с того, что сказал, что считаю единственно, с моей стороны, ошибкою привесок слов “славу Богу”, потому что нахожу слова “у нас нет парламента” совершенно правильными, ибо право назначать следственные комиссии, производить расследования на местах, контролировать порядок исполнительных действий и т.д. не предусмотрено нашими Основными законами и не входит в круг прерогатив нашей

¹ Елчанинов А.Г. Указ. соч. С. 98.

² Утешительные перспективы. Беседа с г. Столыпиным корреспондента «Tribune» // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 469.

³ Беседа с П.А. Столыпиным // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 479.

Думы, как органа исключительно законодательного, а отнюдь не управления. У нас введен, действительно, конституционный образ правления, но парламентаризма у нас еще нет, и далее запроса правительству о незакономерности органов управления Дума и Государственный совет идти не могут. Остается лишь вопрос о словах “славу Богу”, и если, произнеся их, я оказался недостаточно сдержанным, тактичным и возбудил страсти, то можно попытаться найти какую-либо безобидную форму компромисса, хотя лично я настолько не дорожу моим положением, что заранее готов предложить ему, как председателю Совета министров, располагать мною для любого жертвоприношения, если только оно укрепит положение правительства и даст вместе с тем успокоение напрасно поднявшимся страстям»¹. Столыпин заявил Коковцову, что «не видит никакой бестактности в словах “у нас, славу Богу, нет парламента”, так как в них он видит святую истину и считает, что прямой долг правительства – бороться против всякого расширения, захватным порядком, Думою новых прав, непредусмотренных законом»². Более того, правоту Коковцова признал не только Столыпин, но и сам Миллюков. «Он, – подразумевая министра финансов, вспоминал кадетский лидер, – вероятно, хотел сказать: “парламентаризма”, т.е. режима министерской ответственности. Против этого возражать было бы невозможно»³.

В период премьерства Б.В. Штюрмера И.Я. Гурлянд, являвшийся, как и при П.А. Столыпине, идеологом внутривластного курса, в записке, датированной 5 сентября 1916 г., констатировал, что от отношений правительства и IV Государственной думы к моменту окончания Первой мировой войны «зависит в огромной мере вопрос самого бытия государства: суждено ли России сохранить создавший ее самодержавный монархический строй или же ей придется вступить на чуждый ей путь парламентаризма с вытекающим из него распадом нашей разноплеменной родины»⁴. В данном случае дуализм отождествлялся с самодержавием.

Беседа 29 декабря 1916 г. с корреспондентом «Нового времени», последний царский премьер князь Н.Д. Голицын говорил: «Нет, конечно, сомнения, что Россия не может существовать без законодательных учреждений. История не может быть возвращаема обратно. Но вместе с тем я считаю долгом указать, что я ставлю одной из главных основ своей деятельности сохранение установ-

¹ Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 271–272.

² Там же. С. 272.

³ Миллюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 46–47.

⁴ Ганелин Р.Ш. Сторонники сепаратного мира с Германией в Царской России // Проблемы истории международных отношений: Сборник статей памяти академика Е.В. Тарле. Л., 1972. С. 138, 139.

ленного действующими Основными законами государственного строя в полной неприкосновенности. Ибо понятно каждому, что правительство, как таковое, не может предпринимать каких-либо экспериментов в области государственного управления, носящих характер государственного переворота, в особенности в такой исторический момент, какой наше отечество переживает теперь, так как результатом такого шага, помимо всего прочего, может явиться общая дезорганизованность. Из сказанного вытекает тот вывод, что я не могу допустить мысли об установлении у нас такого строя государственного управления, при котором правительство явилось бы ответственным перед законодательными учреждениями. Правительство, во главе которого я стою, в полной мере и единственно ответственно лишь перед верховной властью. Что же касается законодательных учреждений, то перед ними правительство ответственно лишь в той мере, в какой им действующими Основными законами предоставлено право запросов»¹. Накануне Февральской революции 1917 г. дихотомия «парламентаризм – дуализм» обрела особую актуальность по причине оппозиционной деятельности Прогрессивного блока, который выступал за образование «министерства общественного доверия» и, тем самым, за фактическую замену дуализма парламентаризмом.

Назначение одного из лидеров либеральной оппозиции князя Г.Е. Львова председателем Совета министров «в глазах Государя, – вспоминал другой ее лидер, Н.В. Савич, – было решительным переходом к той форме правления, которую при Дворе называли “конституцией” и которую в общезнании мы именуем “парламентарным строем”»². Очевидно, в это время при Дворе получила распространение широкая, а не узкая трактовка понятия «конституция», включавшая в себя парламентаризм. Двоюродный дядя Николая II, великий князь Павел Александрович, 3 декабря 1916 г. сообщил императору, что Семейный совет Романовых поручил ему, великому князю, просить его величество «даровать конституцию». Под «конституцией» царские родственники понимали парламентаризм. «Вот, – говорил Павел Александрович, – великолепный случай для этого: через три дня – шестое декабря – Николин день, объяви в этот день, что дарована конституция». Царь отнесся к рецепту великого князя отрицательно: «То, о чем ты меня просишь, невозможно. В день своей коронации я присягал самодержавию, и я должен передать эту клятву нерушимой своему сыну». Не добившись от императора согласия на дарование парламентаризма де-юре, великий князь безуспешно просил его сделать это де-факто: «Хорошо, если ты не можешь

¹ Кук П. Беседа с председателем Совета министров кн. Н.Д. Голицыным // Новое время. 1916. 31 декабря.

² Савич Н.В. Воспоминания. СПб. – Дюссельдорф, 1993. С. 223.

дать конституцию, дай, по крайней мере, министерство доверия»¹. Подразумевая вождей Февральской революции, Александра Федоровна писала Николаю II 2 марта 1917 г.: «Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мной прежде, чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде»². Александра Федоровна понимала «конституцию» аналогично тому, как ее понимали остальные Романовы.

Амбивалентность понятия «конституция»

В политическом дискурсе Российской империи конца XIX – начала XX вв. семантическая структура понятия «конституция» имела несколько значимых параметров. Под «конституцией» подразумевали конституции: 1) монархий неограниченных (в материальном смысле) и ограниченных (в материальном и формальном смыслах), 2) писанные и неписанные, 3) монархические (октроированные и пактированные) и народные, 4) гарантированные и не гарантированные присягой главы государства, 5) гибкие и жесткие и 6) парламентарные и дуалистические. Если в материальном смысле конституцией были уже Основные законы 1832 г., то Основные законы 1906 г. являлись типичной писаной конституцией как в материальном, так и в формальном смысле, а также конституцией монархической октроированной, не гарантированной присягой царя, жесткой и дуалистической.

Понятие «конституция» было совместимо с понятием «самодержавие» постольку, поскольку самодержавие не отождествлялось с абсолютизмом. В конце XIX – начале XX вв. под самодержавием понимали: 1) внешний суверенитет – международную независимость государя и государства; 2) внутренний суверенитет – юридическое и фактическое главенство царской власти в смысле ее независимости от народной воли а) по происхождению, поскольку она существовала «милостью Божьей», и б) по положению, поскольку она была властью верховной, т.е., согласно доктрине монархического суверенитета, источником других властей³; 3) дуализм – неограниченность императорской власти в управлении при ее ограниченности в законодательстве⁴. С изданием Основных законов 1906 г. воля царя была свободна только в области формирования пра-

¹ Палей О.В. Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня... Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 175–176.

² Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917 гг. М.–Л., 1927. Т. 5. С. 226.

³ Подробнее об этом см.: Куликов С.В. «Самодержавие» и «абсолютизм». К вопросу о предпосылках Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. // Вопросы истории. 2022. № 12–2. С. 4–19.

⁴ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 16–18.

вительства и руководства его деятельностью. В этом смысле Основные законы 1906 г. можно считать самодержавной конституцией.

Если первоначально понятие «конституция» ассоциировали с дуализмом, то позднее – с парламентаризмом, причем начиная с 1906 г. эти два значения конкурировали между собой, но вскоре данное понятие стало отождествляться с парламентаризмом – как его сторонниками, так и противниками. Уже 13 ноября 1907 г. Н.Е. Марков-2-й, выступая в III Государственной думе, сказал: «Нам говорят, есть ли у нас в России конституция? Я думаю, здесь, очевидно, подразумевают конституцию одну из западноевропейских, быть может, бельгийскую, быть может, какую-нибудь другую. Так вот мне думается, что у нас конституции на западноевропейский образец, несомненно, нет»¹. Тем самым Марков отождествлял «конституцию» с парламентаризмом, так как Бельгийская конституция была парламентарной.

Многозначность понятия «конституция» обуславливала его неопределенность, которая позволяла разным политическим акторам, интерпретируя это понятие по-своему, использовать его для конструирования собственной символической реальности и, тем самым, мобилизовывать сторонников и маркировать противников. Понятие «конституция» стало важнейшим инструментом политической борьбы и даже политической игры на тему о том, являются ли Основные законы 1906 г. конституцией. Как левые партии, начиная с кадетской, так и правые партии, начиная со Всероссийского национального союза, доказательством отсутствия в России «конституции» считали: 1) то, что Основные законы 1906 г. официально не назывались конституцией, 2) их монархический октроированный характер, 3) отсутствие присяги царя соблюдать Основные законы и 4) то, что они проводили дуализм, а не парламентаризм. Центристы, т.е. либералы, полагали, что «конституция» в России существует, однако правые либералы (октябристы) отождествляли ее с дуализмом, а левые (прогрессисты) – с парламентаризмом.

Поскольку в российском политическом дискурсе конца XIX – начала XX вв. «конституция» была понятием с неустоявшимся содержанием, его использование в официальной лексике могло привести к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации, оказавшись искрой в пороховом погребе. Отвечая на вопрос «По какому же идти пути?», П.Х. Шванебах писал: «В ответ на этот вопрос и обнаруживается все различие прогрессивного и консервативного мировоззрения. Прогрессисты, без всяких колебаний, говорят: путь один – это последовательное и откровенное осуществление конституционного строя. На это консерваторы отвечают: если под конституционным строем разуметь участие народ-

¹ Государственная дума. 1906–1917. С. 29–30.

ного представительства в законодательстве, то разногласия между нами, консерваторами, и прогрессистами не будет никакого. Но под конституционным строем понимается не это одно. Конституционализм – понятие далеко не сложившееся в нечто точное и определенное. Между существующими конституционными правлениями есть не только оттенки, но коренные отличия, затрагивающие самые основы образа правления. Вот почему мы, консерваторы, конституционалистами *in abstracto* (отвлеченно (лат.). – *прим. авт.*) себя признавать не можем. Чтобы стать под знамя конституции, нам надо знать сперва, о какой конституции идет речь. Все в этом. Задача представляется простою для того, кто, веруя в возможность теоретического построения формы правления, признает конституционную формулу как нечто определенное и окончательно сложившееся. Задача, напротив, становится в высокой степени сложной для того, кто, отрицая возможность устройства государства по отвлеченной формуле, вопрос ставит так: каким образом сочетать начала народного представительства с монархическою властью, без ослабления, без подрыва сей последней?»¹. Судя по всему, логику этих рассуждений о внутриполитической опасности, исходящей от многозначности понятия «конституция», разделял и император, который не употреблял его официально до самой Февральской революции 1917 г.

На состоявшемся 15 ноября 1912 г. первом заседании IV Государственной думы после избрания ее председателем М.В. Родзянко, в частности, сказал: «Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим Манифестом 17 октября 1905 года, укрепление основ которого должно составить первую и неотложную заботу русского народного представительства». Принимая Родзянко, Николай II сказал по поводу его думской речи: «Так должен думать и чувствовать каждый русский человек. Но отчего вы наш строй называете конституционным?»². Показательно, что наименование Родзянко «обновленного строя» представительным не вызвало вопросов у царя, которому, очевидно, было близко мнение, высказанное 13 ноября 1907 г. еще в III Государственной думе П.Н. Балашевым, лидером умеренно правых (позднее – Всероссийского национального союза). «Мы, – заявил он тогда, оппонировав П.Н. Милюкову, – только что слышали с этой кафедры мнение, что под словами “обновленный строй” подразумевается строй конституционный. С этим мнением согласиться мы никоим образом не можем. Несомненно, что актом 17 октября, великой Государевой милостью нам дарованным, строй наш существенно изменился, ибо дарованы были избранникам народа вместе с реорганизованным Государственным

¹ Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 4–5.

² Родзянко М.В. Крушение Империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 56.

советом законодательные функции и тем положено основание представительному образу правления в России, но вместе с тем мы не можем не отметить, что конституции, в смысле западноевропейской, у нас не существует, и поэтому под словами «обновленный государственный строй» мы конституции не признаем и не подразумеваем». Однако далее Балашев сказал, что до Манифеста 17 октября 1905 г. в России существовал «прежний строй, т. е. самодержавно-неограниченной монархии»¹. Иными словами, «обновленный строй» Балашев ассоциировал с ограниченной, т.е. конституционной, монархией.

В октябре 1913 г. Николай II написал министру внутренних дел Н.А. Маклакову об «отсутствии у нас конституции»². Судя по всему, для царя признаками отсутствия в России конституции являлось то, что Основные законы 1906 г. были монархическими и октроированными, не подкреплялись его присягой, являлись жесткими, т.е. могли изменяться только по инициативе монарха, и имели дуалистический характер. Во всяком случае, в Манифесте 2 марта 1917 г. Николай II не только отрекся от престола в пользу брата, великого князя Михаила Александровича, но и заповедовал ему «править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»³. Тем самым обеспечивалось установление парламентаризма, наделение Государственной думы и Государственного совета инициативой пересмотра Основных законов 1906 г. для переработки их из монархической конституции в народную и закрепление этих реформ царской присягой.

В политическом дискурсе Российской империи конца XIX – начала XX вв., особенно после издания Основных законов 1906 г., понятие «конституция» и производные от него понятия не имели общепризнанного значения. Оно было, так сказать, не фиксированным, а плавающим, и потому – амбивалентным, и разные акторы вкладывали в «конституцию» разные значения. Тем не менее, многозначность этого понятия обусловила то, что даже при его отсутствии в официальной риторике как до, так и после конституционной реформы 1906 г., оно, тем не менее, благодаря именно своей многозначности, детерминировало как саму реформу, так и существование в России в 1906–1917 гг. конституционной монархии.

¹ Государственная дума. 1906–1917. С. 24.

² Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.–Л., 1927. С. 91, 92.

³ Манифест об отречении государя императора Николая II от престола Российского и о сложении с себя верховной власти. 2 марта 1917 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. С. 122–123.

Список источников и литературы

1. Алексинский С.О. Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия (ИВСМП) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. М., 2008. С. 219–220.
2. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. 429 с.
3. Бадалян Д.А. Понятие «конституция» в России XVIII–XIX вв.: от «постановления сейма» и «узаконения» к «венчанию здания» и «правовому порядку» // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 151–174.
4. Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917. В 2 т. М., 2017. Т. 2. 547 с.
5. Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. 604 с.
6. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 11: Киты – Ландана. СПб., 1903. 794 с.
7. Боржо Ш. Учреждение и пересмотр конституций. М., 1918. 288 с.
8. Бурдо Ж. Учебник конституционного права // Хрестоматия по конституционному праву. Учебное пособие. В 2 т. СПб., 2012. Т. 1. С. 747–749.
9. Водовозов В.В. Монархия // Энциклопедический словарь. Т. 19А: Михаила орден – Московский телеграф. СПб., 1896. С. 700–701.
10. Водовозов В.В. Парламентаризм // Энциклопедический словарь. Т. 22А: Оуэн – Патент о поединках. СПб., 1897. С. 816.
11. Ганелин Р.Ш. Сторонники сепаратного мира с Германией в Царской России // Проблемы истории международных отношений: Сборник статей памяти академика Е.В. Тарле. Л., 1972. С. 126–155.
12. Гачек Ю. Общее государственное право на основе сравнительного правоведения. В 3 ч. Рига, 1913. Ч. 1. 216 с.
13. Гачек Ю. Общее государственное право на основе сравнительного правоведения. В 3 ч. Рига, 1913. Ч. 2. 180 с.
14. Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1906. 31 с.
15. Гессен В.М. Конституция // Новый энциклопедический словарь. Т. 22: Кнорр – Которосль. Пг., 1914. Стб. 565.
16. Гессен В.М. Основы конституционного права. М., 2010. 496 с.
17. Глебова И.И. Из переписки Николая II и Д.Ф. Трепова // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг. Документальные свидетельства. М., 2017. С. 7–22.
18. Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. В 4 т. М., 1995. Т. 3. 344 с.

19. Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сборник законодательных актов. М., 1995. 207 с.
20. Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1902. Т. 5. 561 с.
21. Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской империи (Из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса, 1912. 258 с.
22. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. 808 с.
23. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. 736 с.
24. Дживелегов А.К. О конституции и конституционном порядке. М., 1917. 32 с.
25. Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. М., 2015. 597 с.
26. Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. Л., 1925. 261 с.
27. Евреинов Г.А. Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. СПб., 1905. 61 с.
28. Елчанинов А.Г. Царствование Государя Императора Николая Александровича // Николай II: pro et contra. Личность и деятельность императора Николая II в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2019. С. 49–107.
29. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. 573 с.
30. Ерофеев Н.Д. Российская монархическая государственность на последнем этапе своей истории (20 октября 1894 г. – 3 марта 1917 г.): Сборник документов. М., 2014. 605 с.
31. Жилин А.А. Учебник государственного права (пособие к лекциям). Ч. 1: Общее учение о государстве в связи с основными началами государственного права. Пг., 1916. 430 с.
32. Жуковская Т.Н. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х гг. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2002. 42 с.
33. Жуковская Т.Н. Правительство и общество при Александре I. Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 2002. 217 с.
34. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2 т. СПб., 2003. Т. 2. 646 с.
35. Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1913. 501 с.

36. Илберт И. Парламент (Его история, организация и практика). Пг., 1915. 192 с.
37. К истории Манифеста 17 октября 1905 г. Секретная переписка // Былое. 1919. № 14. С. 108–111.
38. Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. М., 1999. 505 с.
39. Кареев Н.И. Исторический очерк представительных учреждений в Западной Европе // Конституционное государство: Сборник статей. СПб., 1905. С. 1–40.
40. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. 798 с.
41. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2 кн. М., 1992. Кн. 1. 448 с.
42. Кокошкин Ф.Ф. Избранное. М., 2010. 590 с.
43. Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000. 815 с.
44. Конституция Российской империи. С примечаниями и вступительную статью Л. Слонимского. СПб., 1908. 240 с.
45. Конституция Российской империи. Сборник законов, относящихся к обновленному строю и к личным и общественным правам граждан (По Своду законов и по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг.). Собрал и систематизировал Л. Роговин. СПб., 1913. 270 с.
46. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001. 365 с.
47. Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004. 340 с.
48. Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 115–130.
49. Кук П. Беседа с председателем Совета министров кн. Н.Д. Голицыным // Новое время. 1916. № 14663 (31 декабря). С. 4.
50. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. 467 с.
51. Куликов С.В. Глава 4. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. Подготовка Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. (по новым документам) // С.Ю. Витте – экономист, политик, дипломат: Коллективная монография. М., 2015. С. 80–132.
52. Куликов С.В. «Самодержавие» и «абсолютизм». К вопросу о предпосылках Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. // Вопросы истории. 2022. № 12–2. С. 4–19.

53. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1913. 672 с.
54. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. Пг., 1917. Вып. 1. 472 с.
55. Лоуэлл А.Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы (Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария). М., 1905. 644 с.
56. Лыщинский Л.В. О значении слова самодержавие (Историческая справка). СПб., 1906. 15 с.
57. Магазинер Я.М. Общее учение о государстве. Курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918–1922 гг. [С]Пб., 1922. 469 с.
58. Макаров А.Н. К истории кодификации Основных законов. СПб., 1912. 59 с.
59. Макаров А.Н. Учение об Основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой четверти XIX в. Пг., 1922. 12 с.
60. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. М., 2023. 744 с.
61. Маклаков В.А. Законность в русской жизни (Публичная лекция, прочитанная 17 марта 1909 года в зале Тенишевского училища) // Вестник Европы. 1909. Т. 3. С. 238–275.
62. Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. 521 с.
63. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. 654 с.
64. Медушевский А.Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX – начала XX в. М., 2010. 486 с.
65. Медушевский А.Н. Конституционализм // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. М., 2010. С. 455–460.
66. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX в. М.–СПб., 2017. 655 с.
67. Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. Курс лекций. М., 2002. 512 с.
68. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005. 574 с.
69. Местр, де Ж. Рассуждения о Франции. М., 1997. 215 с.
70. Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. М., 1990. Т. 1. 445 с.
71. Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 2. 445 с.
72. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2 кн. М., 1993. Кн. 1. 519 с.
73. Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.–Л., 1927. 309 с.

74. Мосолов А.А. При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии Министерства Двора. СПб., 1992. 261 с.
75. Настольный энциклопедический словарь. М., 1897. Т. 4. 675 с.
76. Николай II. Полное собрание речей. 1894–1906. Составлено по официальным данным «Правительственного вестника». СПб., 1906. 80 с.
77. Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). М.–Л., 1925. 157 с.
78. Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / вводная статья, подготовка текста и комментарии С.В. Куликова // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 91–164.
79. Общедоступная политическая энциклопедия с приложением программ политических партий и политического словаря. Составил при участии известных юристов и видных общественных деятелей директор учительской семинарии В. Чунихин. Пирятин, 1917. 142 с.
80. Ораторы России в государственной думе (1906–1917 гг.). В 2 т. СПб., 2004. Т. 1. 398 с.
81. П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М. 2006. 622 с.
82. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. М.–Л., 1925. Т. 4. 533 с.
83. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. М.–Л., 1926. Т. 5. 473 с.
84. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. М.–Л., 1927. Т. 7. 476 с.
85. Палей О.В. Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня... Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 154–180.
86. Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. Ярославль, 1910. 78 с.
87. Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной. 1894–1917. М., 2017. 1055 с.
88. Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917 гг. М.–Л., 1927. Т. 5. 303 с.
89. Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Пг., 1917. 164 с.
90. Письма императора Николая II министру внутренних дел А.Г. Булыгину. 1905 г. // Российский архив. 1991. Т. 1. С. 186–189.

91. Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб., 2014. 702 с.
92. Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII в. // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 94–150.
93. Родзянко М.В. Крушение Империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 5–169.
94. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. 351 с.
95. Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сборник документов. М., 2001. 489 с.
96. Савич Н.В. Воспоминания. СПб.–Дюссельдорф, 1993. 490 с.
97. Свешников М.И. Очерк общей теории государственного права. СПб., 1896. 311 с.
98. Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. В 2 т. Т. 1: Конституционные монархии. СПб., 1905. 596 с.
99. Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. В 2 т. Т. 2: Федерации и республики. СПб., 1907. 655 с.
100. Соколов К.Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб., 1912. 432 с.
101. Соловьев К.А. Самодержавие и конституция. Политическая повседневность в 1906–1917 гг. М., 2019. 352 с.
102. Спекторский Е.В. Что такое конституция // Труды по россиеведению: Сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2011. С. 431–444
103. Столыпин П.А. «Нам нужна великая Россия...». Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. 410 с.
104. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1: 1905–1907 гг. М., 1997. 742 с.
105. Таганцев Н.С. Пережитое. В 2 вып. Пг., 1919. Вып. 1. 224 с.
106. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск, 2011. 454 с.
107. Тимофеев Д.В. Конституция // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 460–463.
108. Тимофеев Д.В. «Конституция» в России первой четверти XIX в.: поиск ориентиров политического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). Вып. 43. С. 23–32.
109. Тимофеев Д.В. Понятие «конституция» в России первой четверти XIX в. // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 120–131.

110. Тимофеев Д.В. Трактовка понятия «конституция» в правительственных кругах России первой четверти XIX в. // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 219–231.
111. Френкель М.Ю. История Либереи в Новое и Новейшее время. М., 1999. 298 с
112. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006. 505 с.
113. Шаховской В.Н. Так проходит мирская слава. 1893–1917. М., 2019. 688 с.
114. Шванебах П.Х. Записки сановника. Политика П.А. Столыпина и Вторая Государственная дума // П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 95–119.
115. Шванебах П.Х. О народном представительстве. Киев, 1909. 114 с.
116. Шульгин В.В. Подробности отречения // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С. 169–172.
117. Щегловитов И.Г. Курс русского судоустройства, читанный в Императорском Училище правоведения. СПб., б.г. 872 с.
118. Энгель Е.А. Государство и формы его строя. Пг., 1919. 122 с.
119. Энциклопедический словарь. Т. 16: Конкорд – Коялович. СПб., 1895. 480 с.
120. Borgeaud Ch. Établissement et revision des constitutions en Amérique et en Europe. Paris, 1893. 423 p.
121. Bryce J. Studies in History and Jurisprudence. In 2 volumes. New York – London, 1901. Vol. I. 576 p.
122. Darest F.R. Les constitutions modernes. Recueil des constitutions en vigueur dans les divers états d'Europe d'Amérique et du monde civilisé. Vol. 1–2. Paris, 1891. Vol. 2. 796 p.
123. Mohl R., von. Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. In Monographien dargestellt. Bd. 1–3. Erlangen, 1855. Bd. 1. 599 s.
124. Stahl F.J. Das monarchische Prinzip. Eine staatsrechtlich-politische Abhandlung. Heidelberg, 1845. 44 s.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПРОЕКТАХ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В НАЧАЛЕ XX В.

А.А. Сорокин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
skaliger1989@yandex.ru

Рассмотрены особенности организации системы выборов в проектах народного представительства в России начала XX в. Выделены ключевые подходы по институционализации народного представительства (учреждение парламента, Земского Собора или расширение состава Государственного Совета путем привлечения выборных представителей) и определения избирательного права (всеобщее или цензовое избирательное право). Проанализированы дискуссии о целесообразности введения прямых и косвенных выборов.

Ключевые слова: конституционная монархия, Земский Собор, парламент, всеобщее избирательное право, Государственная дума, избирательные права.

Проекты российского конституционализма имеют давнюю историю. Более всего их осуществление стало возможным к началу XX в., когда российское общество, в котором появились институты, избираемые значительным (по сравнению с предыдущими периодами) количеством населения (земские собрания и городские думы), стало активно выступать за «увенчание здания» представительства.

Напомним, что еще задолго до этого, январе 1865 г. в Московском губернском земском собрании был поставлен вопрос о ходатайстве перед государем о созвании «общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству». Ответ Александра II, заключавшийся в рескрипте на имя министра внутренних дел, гласил: «Никому из моих подданных не предоставлено предупреждать мои непрерывные о благе России попечения и предрешать вопросы о существенных основаниях ее общих государственных учреждений». С точки зрения управляющего делами Комитета министров А.Н. Куломзина, это был ясный намек на возможность изменений, но только по инициативе самого монарха¹.

Позднее, после провала проекта конституции М.Т. Лорис-Меликова, в 1882 г. провести учреждение Всероссийского земского собора попытался министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев. В преподнесенном им императору проекте манифеста, датированном 6 мая, был указан состав собора. Он делился на две части: по

¹ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева. М., 2016. С. 213.

должности и по выбору. По должности должны были войти в него Синод и епископы Русской Православной Церкви, Государственный Совет, Сенат, министры, губернаторы, предводители дворянства, городские головы столиц и губернских городов, а также некоторых уездных (по выбору государя). Выборные в состав собора входили от купечества (по одному купцу от каждого губернского города, избранного на общем губернском купеческом съезде), от столиц (по трое горожан, избранных столичными городскими думами), от землевладельцев (по два человека из числа личных землевладельцев, избранных от уездно-землевладельческого съезда), от крестьян (из числа домохозяев, избранных окружными крестьянскими съездами от двух до семи человек от уезда, в зависимости от территории и численности уезда). Также предполагалось включить на основании особых указов, данных министру внутренних дел, включить выборных от земель казачьих войск Донского, Уральского, Оренбургского, Сибирского, Кубанского и Терского; от губерний и областей Сибирских, Туркестанских, Кавказских, прибалтийских и польских от Великого княжества Финляндского.

Согласно А.Н. Куломзину, при обсуждении проекта главный довод против был связан с тем, что число выборных доходило до 3500 человек, в силу чего правильное обсуждение предлагаемых Собору вопросов делалось невозможным. Однако, по мнению Куломзина, это был лишь повод: «Никто не ответил, что можно было пересоставить проект в том смысле, чтобы уменьшить число избранных земли! Цель Победоносцева и его присных заключалась вовсе не в том, чтобы помочь проведению благой мысли разработать, улучшить данный проект, а единственно в том, чтобы не допустить какого-либо движения вперед, чтобы помешать единению царя с народом»¹.

Любопытны и оценки Куломзина, данные участникам обсуждения проекта, в частности, своему начальнику, министру государственных имуществ М.Н. Островскому: «Островский как славянофил в душе сперва увлекся и обнимал Игнатъева, но скоро приятель его, историк Феоктистов, привез ему директивы от Каткова вместе с историческими справками о роли Соборов в нашей допетровской истории. Островский моментально поставил свои паруса по ветру и к величайшему изумлению гр. Игнатъева, на совете у государя (в рукописи воспоминаний Куломзина была также изначально затем зачеркнутая им приписка: «не предупредив даже своего патрона» – прим. авт.) выступил ярим противником проекта рубил все доводы Игнатъева»².

Народник С.М. Степняк-Кравчинский, в конце XIX в. рассуждая о возможности введения Конституции в России, констатировал: «Но в нашем отечестве не-

¹Там же. С. 338.

²Там же.

возможна ни дворянская, ни буржуазная, ни клерикальная конституция, потому что средние века не оставили в России таких элементов, которыми на Западе могли держаться дворянская и клерикальная конституции, а капитализм еще не успел закабалить народ под владычество буржуазии»¹.

В опубликованном им проекте одесского присяжного поверенного Л.А. Куперника указывались такие представительные учреждения, как Земский собор и Палата народных представителей. Земский собор при этом предполагалось сделать не постоянно действующим учреждением, а созывать его в связи с необходимостью внесения изменений в Основной Государственный Устав Российской империи и по ряду других причин на основании особого Манифеста. Представительство должно было быть пропорциональным, по одному на каждые 75 тыс. жителей. Голосование было прямым, равным и тайным. Участвовать в нем мог любой житель, внесенный в избирательные списки, причем избрать можно было любое лицо, имеющее избирательные права, в том числе и служащих государственных учреждений. Особо оговаривалось, что избрание представителей от Великого княжества Финляндского допускается лишь в том случае, если вопрос, рассматриваемый Земским собором, касался Финляндии и не относился к числу предметов, входящих в ведение ее государственных учреждений².

Палата народных представителей, согласно проекту, представляла собой постоянно действующее учреждение, ежегодно созываемое 1 октября и избираемое на пятилетний срок на основе всеобщего народного голосования, исходя из соотношения: один член палаты на 300 тыс. населения. Для Финляндии снова проектировалось ограничение: ее представители имели совещательный голос по всем вопросам, рассматриваемым в Палате, но могли участвовать в голосовании только по касающимся непосредственно Финляндии вопросам, не относящимся к числу предметов, входящих в ведение ее государственных учреждений³.

Избирательные права, согласно проекту, предоставлялись всем гражданам империи старше 25 лет, за исключением женщин, а также не принесших присягу, состоящих в монашестве или на действительной военной службе, занимающих в месте производства выборов полицейские или сопряженные с охраной порядка на выборах должности, лишенных или ограниченных в правах по суду, находящихся в заключении по приговорам суда и признанных умопомешанными или слабоумными лиц. Особо оговаривался запрет на попытки влияния на исход выборов путем таких способов, как расклеивание избирательных обращений неустановленным порядком, раздача избирателям денег, угощений и подарков, подвоз избира-

¹ Проект Русской конституции (составленный в России). Со статьей С. Степняка. Изд. 2-е. Лондон, 1895. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 10.

телей к месту голосования в экипажах, принадлежащих кандидатам или связанным с ними лицам¹.

В 1902 г. начало свое работу под председательством С.Ю. Витте Особое Сочинение о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вошедший в его состав А.Н. Куломзин вспоминал, что в перерыве в ходе заседания, на котором обсуждался вопрос об открытии местных комитетов, он заявил Витте, что «если не все местные комиссии выставят на первую очередь переход к представительному образу правления, то, во всяком случае, сделают это в более или менее открытой форме наиболее из них влиятельные, а другие окажут это в более иносказательных выражениях». При этом, с точки зрения Куломзина, вызывать подобные заявления и не давать им хода было бы «еще более опасно, чем игнорировать общеизвестное направление умов». Витте ответил, что Николай II обещал ему пойти навстречу всем выраженным желаниям, какими бы они не были².

В 1903 г. издатель «Русского дела», монархист С.Ф. Шарапов в работе «Самодержавие и самоуправление» предлагал разделить страну на 18 больших областей. Представителями из областных собраний он проектировал пополнить Государственный Совет как постоянно действующее высшее законодательное учреждение, гласно заседающее (по два представителя от Северной, Северо-Восточной, Юго-Западной, Заволжской и Новороссийской областей, по четыре от Московско-Нижегородской и Средне-Черноземной, по одному статс-секретарю от Польши и Финляндии, по одному представителю от Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и оставшихся девяти областей, избираемых сроком на три года). Отмечалось, что все законопроекты общегосударственного характера должны были получить заключение областных собраний и рассматриваться с учетом этих заключений. Что касается Земского Собора, то данный институт им рассматривался как фактическая форма референдума (чтобы «просветить волю Государя мыслями его подданных, утвердить или поколебать Государя в его решении, поддержать его и снять с него на себя историческую ответственность в случае сомнения»). Однако подчеркивалось, что Земский Собор не может «упорядочить» Россию, а является «венцом» порядка: по мнению Шарапова, если бы его роль стала сводиться к тому, чтобы давать ответы на вопросы потерявшего инициативу правительства, то последнее быстро будет скомпрометировано, что может привести к угрозе самодержавному строю³.

В несколько ином ключе рассуждал и бывший плочкий губернатор И.А. Янович. В качестве члена Совета министра внутренних дел 9 января

¹ Там же. С. 12.

² Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 790.

³ Шарапов С.Ф. Самодержавие и самоуправление. М., 1903. С. 55, 68, 69–71.

1905 г. он подал записку, в которой обосновывал необходимость расширения прав земств, в том числе и в вопросах участия в законодательной деятельности. Он считал, что именно через создание учреждения с избранными представителями монарх станет более осведомленным о нуждах народа, а сам факт появления такого учреждения был бы «актом доверия к общественным силам, который воскресил бы во всех слоях общества дух и энергию 60-х годов и опять призвал бы на легальную работу всех людей, жаждущих положить силы свои на дело общественного блага»¹.

В качестве такого учреждения он видел реформированный Государственный Совет. По его мнению, для участия в ежегодных и чрезвычайных его собраниях следовало привлечь по два выборных представителя от каждого губернского земства, всех губернских предводителей дворянства и председателей губернских земских управ, первенствующего члена Святейшего Синода и представителей духовенства других вероисповеданий².

Один из лидеров земского либерального движения Д.Н. Шипов предлагал многоступенчатую систему представительства, основанную на земском самоуправлении (мелкая земская единица – уездное земство – губернское земство – Государственный земский совет). Представители в каждую из последующих ступеней должны были избираться предыдущей³. Избирательное право для участия в выборах в гласные первой ступени (мелкой земской единицы) предлагалось предоставить плательщикам местных сборов, уплачивающих таковые в размере не менее 300 руб., а также плательщикам квартирного налога. При этом оговаривалось, что семьи, уплачивающие местные налоги, но не имеющие требуемого ценза, а также все крестьяне, могут участвовать в избирательных собраниях только через своих представителей (10 крестьянских дворов приравнивались к одной семье, имеющей 300 руб. дохода).

За организацию выборов через институты местного самоуправления выступал и бывший директор Департамента земледелия, ставший затем одним из лидеров октябристов, Н.А. Хомяков. В своем письме к членам кружка «18 февраля» он писал, что население России просто не готово к прямым выборам: «При громадности нашего Отечества, при малом развитии большинства населения, при существовании полной разобщенности так называемых образованных классов с крестьянством, при скудости нашей общественной деятельности вообще, при полном отсутствии общественного мнения, сознательная расценка людей по их

¹ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 161. Л. 2.

² Там же.

³ Проект программы государственного переустройства группы Д.Н. Шипова // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 1998. С. 167–168.

пригодности к деятельности общественной возможна лишь в тесном кругу обывателей той или иной местности»¹.

Кроме того, по мнению Хомякова, в существовавших условиях могли развиться такие нежелательные стороны избирательного процесса, как массовая агитация и подкуп избирателей: «Выборы, производимые непосредственно в Государственную Думу, породят в стране политиканство со всеми его пагубными последствиями». Именно поэтому выборы, с его точки зрения, должны были быть основаны на косвенном представительстве, а ключевым элементом в избирательном праве стать выборный ценз поместной службы².

Бывший главный редактор газеты «Россия» Г.П. Сазонов критиковал проект Д.Н. Шипова и его сторонников, отмечая, что в Государственный земский совет «мужицкий зипун и в подъезд не пустят»: «В результате сооружения этой 4-этажной башни получается безнародное представительство народа!»³. «Новое время» считало безосновательным предоставление Шиповым преимуществ «земской бюрократии» (или третьему элементу) по сравнению с крестьянами за счет расширения числа избирателей путем привлечения плательщиков квартирного налога⁴.

Негативно отзывались о проекте Шипова и народники. Так, А.В. Пешехонов обвинял его в стремлении полностью сохранить систему, основанную на якобы невозможности (по словам Шипова) осуществить введение в России тех норм, которые лежали в основе конституций западных государств: «Оставляя “исторический факт” в полной его неприкосновенности, он желает ограничить всю реформу лишь мелкими улучшениями»⁵. Кроме того, он подвергал критике и возможный состав представительного института при такой сложной многоступенчатой системе выборов (в частности, из так называемого третьего элемента избирательные права при проектируемом Шиповым цензе получили бы наиболее обеспеченные его представители, в то время как значительная часть фельдшеров, народных учителей, письмоводителей и представителей других профессий осталась бы без таковых): «Едва ли нужно даже говорить, как мало народа и народных интересов при такой массе фильтров попадет в государственный земский совет, и какой строгий отбор представителей при этой массе застав будет производиться»⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 43. Л. 63.

² Там же. Л. 63об.

³ Сазонов Г.П. Народное представительство без народа. СПб., 1905. С. 10.

⁴ Новое время. 1905. 17 апреля.

⁵ Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 4. Отд. II. С. 116–117.

⁶ Там же. С. 119.

Также многоступенчатым, как и у Шипова, был проект ранее служившего в кодификационном отделе Государственного Совета П.М. Майкова. По его замыслу, Государственный Совет являлся средоточием власти, а Государственной Думе вверялись законы. Государственный Совет состоял из членов, назначаемых императором, при этом подчеркивалось, что все министры по званию своему также являлись его членами. Государственная Дума, согласно проекту, состояла из народных представителей, избранных в собраниях по губерниям. Председатель назначался монархом из числа трех кандидатов, избранных думой из своей среды. Выборы в нее были через органы местного самоуправления. В каждой волости образовывались волостные собрания из всех землевладельцев данной волости, представителей от государства и крестьян. На этих собраниях избирались депутаты в уездные собрания, из числа которых выбирался состав губернских собраний, которые и должны были осуществить избрание депутатов в Государственную Думу¹.

Один из основателей кадетской партии, правовед Ф.Ф. Кокошкин в проектах организации представительства через выборы от губернских земств и городских дум видел то преимущество, что такая система опирается на «организованные общественные силы». Вместе с тем такая система, по его мнению, была не лишена недостатков, главнейший из которых – «такая многостепенность выборов, при которой ставятся не только затруднения, а прямо преграды для непосредственного выражения желаний и мнений населения». Фактически нужно было пройти несколько процедур избрания, причем удовлетворяя при этом требованиям к занятию звания городского или земского гласного. Подчеркивалось, что даже при изменении порядка земских выборов и создании мелкой земской единицы с применением всеобщего избирательного права только незначительная часть губернских гласных состояла бы из крестьян. Отсюда делался вывод: «Неизбежным последствием такого избирательного порядка произойдет то, что вся масса сельского и городского населения будет в действительности лишена избирательных прав». Выражалось также опасение, что такая система вызовет дополнительные проблемы на окраинах, особенно в юго-западных губерниях, большинство населения которых было из числа православных малороссов, в то время как крупное землевладение находилось в руках католиков-поляков: «Достаточно представить себе порядки выборов в народное представительство через земские собрания и городские думы в этих губерниях, чтобы понять, какое преобладание будет дано помещицкому польскому элементу, и вместе с тем понять, что что народное собрание, составленное таким по-

¹ РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 11. Л. 9–11.

рядком, не может быть признано представительством населения в точном смысле этого слова»¹.

Для Сазонова идеалом виделся Земский Собор, причем преимущественно крестьянский по составу (как составляющие 90% населения, крестьяне, по его мнению, должны были дать не менее 60% всего числа депутатов), избирающийся на степенных выборах (предполагалось по 2–3 выборщика от волости, общее число выборщиков в губернии должно было составить около 200–400 человек): «Чем больше будет депутатов-крестьян, тем менее земский собор даст почвы для парламентского словоблудия и всеобщих потасовок»².

В свою очередь, скептически относились к такому Земскому Собору в близкой к кадетам печати. Так, редактор красноярской газеты «Енисей» Е.Ф. Кудрявцев считал собор в качестве совещательного учреждения бесполезным, а выборы в него – фикцией: «При существовании бюрократического режима, при отсутствии права собраний, свободы слова и печати выборы эти, при известном административном воздействии, могут быть так искусно фальсифицированы, что в земском соборе, в конце концов, получится не голос народа, а голос земских начальников, Колупаевых-Разуваевых и “преданных помещиков”»³.

Идея Земского Собора, предложенного на земском съезде в 1904 г., критиковалась и на страницах «Гражданина», издаваемого князем В.П. Мещерским. Отмечалось, что проект, предусматривавший наделение представительной властью 1000 избранных, был предложен в условиях игнорирования интересов русского народа, поскольку участники съезда представляли «разнообразие типов и характеров», в котором русские оказались в меньшинстве. Сама же идея народного представительства не рассматривалась как заслуживающая внимания, равно как не было серьезного отношения и к авторам проекта: «Самоуправление, дарованное так неосторожно малообразованному и недисциплинированному обществу, вскружило и перепутало его понятия»⁴.

Само отношение у «Гражданина» к идее Земского Собора было неоднозначным. В статье оставшегося анонимом дворянина по этому поводу было указано следующее: «Мы слишком верим в Россию, чтобы опасаться честно избранного земского собора, но мы опасались и теперь опасаемся, как бы его знаменем не прикрылась крамола, которую мы уже видели в лице Гапона и Петрова даже под иерейскою рясой»⁵. Сами выборы он предлагал организовать по следующей схеме. На первой стадии волостной сход следовало разбить на группы выбор-

¹ ГАРФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 16. Л. 6–6об.

² Сазонов Г.П. Указ. соч. С. 63.

³ Енисей. 1905. 18 февраля.

⁴ Шкворень. Земский собор // Гражданин. 1904. № 55. С. 6.

⁵ Дворянин Божию милостью. Выборы // Гражданин. 1905. № 35. С. 5.

ных от смежных сельских обществ. Каждая группа должна была выбрать из своей среды одного кандидата, по которым затем следовало произвести закрытую баллотировку всем волостным сходом. Двое получивших наибольшее количество шаров становились бы избранниками, а еще двое по количеству шаров – кандидатами к ним. На следующей стадии выборов в уездном городе эти избранники должны были выбрать из своей среды такое же количество представителей, которое равнялось числу гласных от крестьян в уездном земском собрании. Эти избранники должны были войти в состав последнего и усилить в нем крестьянский элемент, после чего, по замыслу автора проекта, взаимное соотношение сословий в нем было бы следующим: дворяне – 40%, крестьяне – 50%, разночинцы – 10%. Измененное таким образом уездное земское собрание должно было избрать выборных по следующей формуле: количество посылаемых от уезда губернских земских гласных плюс один-два человека. При этом оговаривалось, что в числе выборных от уезда доля крестьян должна соответствовать их количеству в собрании, причем не менее половины из них должна быть избрана из числа тех, которыми собрание было «усилено» для проведения выборов. Все избранные таким образом от уездов уполномоченные составили бы губернские избирательные собрания, в состав которых также вошли бы представители (но без пассивного избирательного права) от дворянства, городов, духовенства, купеческих и мещанских обществ (оговаривалось, что дворянство, города, духовенство, купеческие и мещанские общества также будут иметь параллельные избирательные собрания для проведения своих представителей). Губернские избирательные собрания должны были избрать двух или трех человек, в зависимости от размеров губернии, один из которых должен принадлежать к числу крестьян, избранных волостными сходами для участия в уездном земском собрании на выборах. Этот порядок выборов предлагалось распространить на 30 коренных русских губерний с земскими и дворянскими учреждениями¹.

После публикации Манифеста 18 февраля 1905 г. на страницах «Гражданина» А. Бабецкий предлагал организовать выборы по территориально-сословной системе. Для этого выборы от дворян, духовенства и крестьян проектировалось провести на базе уездов, в каждом из которых следовало выбрать одного или двух кандидатов, из числа которых затем был бы избран один депутат от губернии. Предполагалось, что такая система была бы наиболее совершенной: «Представленные таким образом выборы без давления сверху и боков пройдут спокойно;

¹ Дворянин Божию милостью. Сословность и выборы (продолжение) // Гражданин. 1905. № 38. С. 4–5.

они будут справедливы, законны; избранных таким образом выборных можно будет вполне назвать “излюбленными”»¹.

Что касается выборов от других сословий, то выборы от купечества и мещан, по замыслу автора проекта, должны были проводиться в губернских городах в купеческих и мещанских собраниях, а выборы от рабочих – фабричными инспекторами в губернских городах или крупных промышленных центрах. Особо подчеркивалось, что такой сословный состав в целом соответствовал бы древним земским соборам, отличаясь от них лишь наличием инородцев и иноверцев².

Вместе с тем проекты такого рода категорически отвергались народниками. Как отмечал А.В. Пешехонов, «в наши дни чисто сословная избирательная система представляется явною нелепостью» (минимум, на который были готовы пойти в связи с этим народники – смешанная система в виде представительства от сословий и классов или от сословий и учреждений, в зависимости от того, кому – интеллигенции или рабочим – предполагались бы уступки)³. Неприемлем был такой вариант и для либералов-западников. Правовед М.А. Рейснер в изданном под редакцией видного кадета И.В. Гессена сборнике «Конституционное государство» указывал, что сословный и имущественный цензы разрушают государство, а попытка организовать представительство на их основе представляет собой «венец стремлений жадного и властолюбивого капитала», в связи с чем приходил к выводу, что лишь требование всеобщего избирательного права соответствует социальным, политическим и моральным условиям современности⁴.

Историк и социал-демократ М.Н. Покровский в целом был против отождествления идеи представительства с образом Земского собора, поскольку исторически он не был учреждением постоянным, формировался по сословному признаку (в то время как «отрицание не только сословного, а, по возможности, и всякого ценза составляет краеугольный камень всех прогрессивных политических программ») и был лишь совещательным учреждением⁵.

Уже упомянутый нами Ф.Ф. Кокошкин был против идеи представительства на сословных началах. Обосновывал он это тем, что «для новой задачи нужны и новые формы объединения, вытекающие не из сословной группировки, созданной для иных потребностей и задач». Кроме того, вопреки утверждениям за-

¹ Бабецкий А. Осуществление Высочайшего указа о выборных // Гражданин. 1905. № 25. С. 6.

² Там же.

³ Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 4. Отд. II. С. 110.

⁴ Рейснер М.А. Основные черты представительства // Конституционное государство: сборник статей. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 140–141.

⁵ Покровский М.Н. Земский собор и парламент // Конституционное государство: сборник статей. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 432.

щитников сословных порядков, сословия не объединяют однородные общественные элементы, а, напротив, «искусственно связывают такие общественные группы, которые по бытовым хозяйственным условиям имеют мало общего между собою в своих интересах и стремлениях»¹.

Не поддерживалось им и стремление обособить крестьянство путем особых правил (чтобы крестьяне избирали только крестьян): «Желание достигнуть как бы в чистом виде крестьянского представительства путем ограничения свободы выборов приведет к тому, что представители крестьянства окажутся прямыми ставленниками губернской администрации, хотя и крестьянского звания»².

Что касается принципа организации на классовой системе (подобной той, которая была частично проведена в земской избирательной системе), то он отмечал, что она не применима к общегосударственному строительству, поскольку при ней не было объективной возможности установить справедливое основание для распределения общего количества представителей между различными группами избирателей. Попытка же исходить из численности каждой из групп избирателей была бы явно неудачной, поскольку при этом отдельные классы получили бы столь подавляющее большинство, что не была бы достигнута главная цель, т.е. ограждение интересов всех классов. К тому же следовало при этом учитывать российскую специфику (крестьянство по численности в несколько раз превышало все остальные социальные классы, вместе взятые). При этом не подходил и прусский принцип (т.е. распределение представительства в соответствии с количеством принадлежащего классам имущества или в соответствии с суммой приходящихся на каждый класс налогов), потому что, с точки зрения Кокошкина, «значение каждого класса в государственной жизни не может измеряться его состоятельностью или платежеспособностью». В этом отношении Кокошкин отстаивал следующую концептуальную идею: «Система представительства интересов не только искусственна и несправедлива; она в корне противоречит самой идее современного государства». Он исходил из того, что члены представительного собрания являются избранниками всего народа в целом и должны обсуждать законы с общегосударственной точки зрения, а не с точки зрения интересов отдельных групп населения, в то время как классовая организация представительства преследует противоположную цель³.

Консервативные модели народного представительства были основаны и на иных подходах, которые не были связаны с идеей Земского Собора. Будущий член Союза русского народа граф Н.Е. Комаровский в своем проекте Положения о

¹ ГАРФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–2об.

² Там же. Л. 3об.

³ Там же. Л. 4об.–5об.

преобразовании местного и центрального управления делал упор на включение в состав Государственного Совета выборных представителей. По его замыслу, инициатива предложения законопроекта должна была принадлежать как всем начальникам отдельных ведомств, так и всем членам Государственного Совета. По обсуждении каждого законопроекта, а равно государственной сметы соединенными департаментами Совета, законопроекты подлежали окончательному рассмотрению в общем собрании, а затем направлению на Высочайшее усмотрение. В состав соединенного присутствия департаментов Государственного Совета, кроме лиц, назначенных Верховною властью, предлагалось ввести лиц, избираемых (по двое на каждую губернию) из числа членов губернских земских собраний и местных ландтагов в трех Прибалтийских губерниях. Также в соединенном присутствии должны были участвовать два члена по выбору Финляндского Сената. Состав общего же собрания Государственного Совета также предполагалось расширить, добавив к назначенным монархом членам губернских предводителей дворянства, членов, избранных, городскими думами шести городов, представителей высшего духовенства (православного, католического и лютеранского исповедания) и университетов¹.

Публицист К.Ф. Головин считал, что для России в принципе непригодно полностью выборное учреждение с законодательными функциями. Он считал, что при сохранении центральной власти оно оказалось бы не способно выполнить свое предназначение и к тому же находилось бы постоянно в состоянии конфликта с правительством. Поэтому он предлагал совместную деятельность выборных представителей с назначаемыми сановниками в рамках Государственного Совета. Согласно его проекту, следовало привлечь к обсуждению законопроектов в соединенных департаментах (в которых он видел соответствие нижним палатам европейских парламентов) с правом совещательного голоса выборных представителей от губернских земств (включая 9 западных губерний) и трех прибалтийских ландтагов (по два человека от каждой губернии) со сроком полномочий, равным сроку полномочий делегировавших их собраний. В состав же общего собрания Государственного Совета он предлагал к пожизненно назначаемым монархом членам дополнительно включать всех губернских предводителей дворянства (либо избираемых сроком на 6 лет представителей от губернских дворянских собраний), трех православных митрополитов (Санкт-Петербургского, Московского и Киевского), католического митрополита, суперинтенданта лютеранской церкви, шесть городских голов крупнейших городов (Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы, Варшавы, Киева и Риги), а также

¹ РГИА. Ф. 968. Оп. 1. Д. 39. Л. 4-5.

избираемых советами университетов почетных членов (по одному от каждого, сроком на 6 лет)¹.

В свою очередь, бывший товарищ министра финансов А.Я. Антонович в 1904 г. полагал, что в совещательном представительном учреждении нет надобности иметь представителей от всех губерний ввиду дороговизны такого проекта. Он выступал за то, чтобы несколько губерний, образующих однохарактерные районы, делегировали по одному представителю. Также он исходил из того, что к участию в законодательной деятельности не должны привлекаться инородцы: «Можно ли ожидать лучшего для отечества от перехода законодательной власти в руки разноплеменных народных представителей, сепаратизм которых получил бы силу и организацию?»².

Редактор-издатель санкт-петербургской газеты «Заря» В.В. Ярмонкин предлагал более оригинальный подход. По его мнению, следовало «окружить царя свободно избранными ходоками». Каждый из ходоков должен был представлять отдельные отрасли: земледелие (крестьяне), торговлю (купцы), культуру (дворяне), капитал (фабриканты) и труд (рабочие). Проект носил сугубо сословный характер. На первой стадии в уездах следовало избрать по одному выборщику от крестьян, купцов и дворян. В губернском городе каждая из этих категорий должна была избрать из своей среды по одному ходоку. Кроме того, фабричные и заводские территории делились на несколько округов, от каждого из которых выбирались один фабрикант и один рабочий. Срок полномочий ходоков был равен трем годам без права вторичного избрания впоследствии. Деятельность их должна была носить довольно ограниченный характер, поскольку сводилась лишь к тому, чтобы один месяц в году свободно рассказывать царю о нуждах своей местности и о «всех неправдах». Тем самым, по замыслу автора проекта, должны были обеспечиваться «общение царя со своим народом и осведомленность царя обо всем, что делается на Руси»³.

Вопрос о принципах, которые должны были лечь в основу представительства, перерастал в концептуальный спор о дальнейшем политическом будущем России. Ведущим здесь становилось отношение к всеобщему избирательному праву. «Московские ведомости» по этому поводу писали следующее: «В России в настоящее время стоят друг против друга две элементарные силы: Самодержавие и Народовластие. Борьба между ними уже началась, борьба на жизнь и на смерть. Победителем окажется тот принцип, у которого сейчас налицо имеется больше нравственной и физической силы. В конце концов Россия останется либо чисто

¹ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 144. Л. 5об.–6.

² ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 140. Л. 4об., 7.

³ Заря. 1905. 10 августа.

самодержавною, либо народовластной (все равно, будет ли монархия конституционно порабощена народу или республикански совершенно устранена)»¹.

Охранитель и апологет самодержавия, отрицавший даже славянофильскую идею Земского Собора, В.А. Грингмут, ссылаясь на французских и немецких консерваторов, критиковал демократизацию избирательного права². По мнению Грингмута, даже германский император Вильгельм II с его авторитарными притязаниями всё равно обречён быть «рабом» рейхстага, избранного всеобщим голосованием³. На примере Франции он подчеркивал, что полноценный, развитый парламентский строй предполагает отсутствие имущественного ценза и всеобщее избирательное право, т.е. максимальную демократизацию системы выборов: «Эксперимент парламентаризма в чистом, настоящем его виде только и возможен при условии всеобщей подачи голосов, так как в противном случае, как это показал опыт, все неудачи парламентаризма будут приписано именно отсутствию этого условия»⁴. Впереди у Запада консерватор видел две альтернативы: торжество парламентской олигархии либо победу выдающегося, сильного человека над демократией. Последнему варианту, однако, монархисты вовсе не должны радоваться, поскольку речь шла о диктатуре цезаристского типа: «Франция и вместе с нею вся Западная Европа, вступившая на пагубный путь демократического парламентаризма, находится действительно в безвыходном положении: парламентаризм тем именно и пагубен, что из него нормального, естественного возврата в неограниченную монархию нет»⁵.

Против всеобщего избирательного права был и К.Ф. Головин. В своей записке о необходимости проведения реформ в государственном устройстве он ссылаясь на пример западноевропейских парламентов, руководителями которых (хотя бы на время), по его мнению, всегда становились крайние партии⁶.

По мнению видного славянофила А.А. Киреева, «собственно *избрание* портит нравы народа, ибо избираемые его подкупают и перед ним подличают. <...> Конституция в конце концов ведет к материализации государства, парламентские дебаты в конце концов сводятся на денежные собрания»⁷. Публицист безусловно отвергал мысль о внедрении всеобщего избирательного права в России: «Может ли безграмотная масса помочь делу?»⁸ «Всеобщая подача го-

¹ Московские ведомости. 1905. 20 марта.

² Грингмут В.А. Наш классицизм // Русское обозрение. 1890. № 4. С. 731.

³ Spectator [Грингмут В.А.] Вильгельм II // Русское обозрение. 1890. № 5. С. 381.

⁴ Spectator [Грингмут В.А.] Третья республика // Русское обозрение. 1890. № 6. С. 833.

⁵ Там же. С. 836.

⁶ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 144. Л. 3об.

⁷ ОР РГБ. Ф. 126. К. 10. Л. 92об–93об.

⁸ ОР РГБ. Ф. 126. К. 3. Л. 19об.

лосов – ложь, гадкая ложь», – повторял Киреев¹. Он аргументировал свою позицию тем, что «всеобщие выборы – чистая лотерея», что неграмотных крестьян, не знающих кандидатов лично, будут спаивать и подкупать перед выборами, так что «громадная масса мужицких голосов попадет в руки мелкой интеллигенции»².

Уже упомянутый нами В.В. Ярмонкин на страницах «Зари» резко критиковал любую форму бессловных выборов, поскольку в этом случае места депутатов не достались бы представителям устойчивых сословно-бытовых групп, в отличие от «интеллигентов» и инородцев: «В этом случае каждый проныра, каждый пройдоха, имея личный интерес и имея для этого денежные средства, непременно, путем подкупа, проберется в депутаты с исключительной задачей порабощения, угнетения и эксплуатации всех слабых, обездоленных и несчастных»³. Против всеобщего избирательного права был и издатель «Нового времени» А.С. Суворин⁴. Вместе с тем в «Новом времени» призывали к поиску некоего «среднего пути» «между отживающим началом сословности и бессловным хаосом»⁵.

В свою очередь, многочисленны представители интеллигенции были сторонниками именно всеобщего избирательного права. В частности, соответствующая резолюция была принята на проходившем 25–28 марта 1905 г. съезде профессоров⁶.

Историк, социал-демократ Н.А. Рожков выступал за однопалатный парламент, избираемый на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Необходимость именно прямых выборов объяснялась тем, что если народные представители избраны не народом, а выборщиками, то тогда депутаты не будут зависеть от воли самого народа, поскольку он их не избирал. При этом срок полномочий депутатов предлагалось ограничить одним или двумя годами и добиваться ответственного перед парламентом правительства. Отказ от второй палаты объяснялся тем, что если она формируется узким кругом лиц, то ее деятельность не будет соответствовать интересам большинства народа, а если на тех же принципах, что и первая, то ее существование будет бессмысленным⁷.

Проект кадета Ф.Ф. Кокошкина также был основан на всеобщем избирательном праве. Сам автор последовательно аргументировал отказ от цензовой

¹ ОР РГБ. Ф. 126. К. 10. Л. 42об.

² ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 105–105об.

³ Заря. 1905. 3 февраля.

⁴ Новое время. 1905. 4 апреля.

⁵ Новое время. 1905. 6 апреля.

⁶ ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 43. Л. 37.

⁷ О всеобщем избирательном праве / под ред. приват-доцента Н.А. Рожкова. М., 1905. С. 10, 18–22, 31.

системы. Имущественный ценз им отвергался на том основании, что участие каждого гражданина в государственных расходах может быть точно определено лишь по отношению к прямым налогам, однако основой государственного бюджета служит прежде всего косвенное обложение предметов всеобщего потребления, которое затрагивает все классы населения. Критиковал он и такой подход (в том числе защищавшего его Чичерина), согласно которому имущественная обеспеченность выступала мерилom политической способности: тем самым, по мнению Кокошкина, устанавливался заведомо неверный критерий для оценки последней. В результате в самой идее народного представительства критерий имущественного ценза для предоставления избирательного права выглядел абсурдом: «С точки зрения тех доводов, которые приводятся в пользу имущественного ценза, было бы более последовательно поставить норму этого ценза выше среднего уровня крестьянского достатка, но это значило бы оставить за оградой представительства почти всю народную массу, иными словами, установить олигархию»¹.

Также, по мнению Кокошкина, в России не применим был образовательный ценз, причем даже в виде требования грамотности. Это объяснялось тем, что в таком случае избирательных прав лишилось бы значительное количество населения, и само представительство стало бы крайне неравномерным. Кроме того, от участия в выборах было бы устранено большинство крестьян. Это могло бы повлечь за собой крайне нежелательные последствия: «Наконец, в губерниях со смешанным населением русское крестьянство вследствие неграмотности было бы устранено от участия в выборах, а всем преимуществом по образовательному цензу воспользовалось бы инородческое население, еврейское и польское в юго-западных губерниях». Вывод, который делал Кокошкин, был следующим: «При полной расшатанности законности в нынешнем государственном строе нужно укрепить верховную власть на незыблемом основании, а это может дать только народное представительство, собранное всеобщим голосованием». Указания на недостатки, свойственные демократическим государствам Западной Европы, не должны быть основанием для отвергания демократических оснований для преобразований в России².

Что касается общих принципов предоставления активного избирательного права, то здесь существовал ряд дискуссионных моментов. В отношении избирательных прав женщин Кокошкин отмечал ряд практических затруднений (недоверие и противодействие значительной части населения при популярности ее в «прогрессивных слоях общества»), более чем втрое ниже процент грамотности

¹ ГАРФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 16. Л. 7об.–8.

² Там же. Л. 8об.–9.

женщин в России в целом по сравнению с мужчинами). Также участие женщин в выборах было бы крайне неравномерным: более широким в городах по сравнению с деревней и более распространенным среди христианского населения по сравнению с мусульманским. В результате такой неравномерности количественное соотношение различных групп населения на выборах оказалось бы искаженным (отдельные группы искусственно получили бы в одних местностях большинство и наоборот). В связи с этим он предлагал на первых порах ограничиться допуском женщин к участию в местном самоуправлении, отсрочив дальнейшее расширение их прав до окончательного утверждения представительного образа правления в России¹.

В отношении возрастного ценза Кокошкин находил правильным остановиться на возрасте гражданского совершеннолетия (21 год), поскольку население России при высокой рождаемости и смертности в целом моложе западноевропейского (во Франции с 25 лет, в Германии с 21 года). Кроме того, именно население в возрасте от 21 до 25 лет в России в крупных городах и промышленных центрах представляло собой преимущественно рабочих, являвшихся более активной и организованной общественной силой по сравнению с другими городскими слоями, а жители деревень этого возраста являлись наиболее грамотной частью населения².

Сами выборы, по мнению Кокошкина, должны были являться прямыми: «При двухстепенных выборах порывается та живая и непосредственная связь между избирателями и депутатами, которая делает представительство народным в истинном смысле слова». Кроме того, многоступенчатые выборы были более подвержены вмешательству: «Напротив, выборы уполномоченных по мелким участкам неизбежно будут производиться под влиянием узкоместных и личных отношений и связей; в уполномоченные могут попасть в значительном количестве деревенские кулаки, волостные писаря и тому подобные лица, относительно которых позволительно сомневаться, чтобы они могли выполнить избирательную задачу лучше, чем само население»³.

Само голосование должно было быть также равным, тайным и основанном на делении на избирательные округа. От каждого округа предполагалось избрание одного депутата. Определение размеров округов должно было производиться в соответствии со следующим принципом: «Чем меньше округ, тем легче избирательная агитация и, следовательно, тем сознательнее может быть отношение населения к выборам, тем более облегчается вся техника выборов, со-

¹ Там же. Л. 11–11об.

² Там же. Л. 11об.

³ Там же. Л. 12об.–13.

ставление избирательных списков, подача и подсчет голосов». Однако следовало также учитывать, чтобы общее количество депутатов не превышало «известного предела», который планировалось установить в 700 человек. Исходя из этого, определялось, что один депутат должен приходиться на 150–200 тыс. населения¹.

При этом Кокошкин предлагал руководствоваться рядом принципов. Во-первых, деление на округа должно было быть привязано к делению на губернии. В зависимости от численности населения, губерния должна была образовывать или самостоятельный округ, или быть разделенной на несколько округов. Во-вторых, следовало учитывать, что города представляли собой не только административные, но и «бытовые единицы, резко отличающиеся по условиям жизни населения от сельских местностей», поэтому их, при наличии требуемого количества жителей, следовало выделять в отдельные округа, а при меньшей численности – включать в состав уездов или формировать избирательные округа из городов с присоединением части уезда².

В-третьих, следовало учесть, что в некоторых местностях Архангельской губернии, Сибири, Средней Азии производство выборов по такой системе в принципе невозможно ввиду крайней редкости населения. Впрочем, Кокошкин предлагал жителям этих территорий участвовать в выборах в других местностях (так, по его мнению, для этого житель Новой Земли должен был заблаговременно приехать в Архангельск или Пинегу). Кроме того, пассивное избирательное право должно было совпадать с активным³.

Проект Кокошкина предусматривал двухпалатную систему: «Для того, чтобы предупредить борьбу между центральными и местными учреждениями, подрывающую идею государственного единства, чтобы оградить местную самостоятельность и местные интересы, нет иного пути, как установление живой и непосредственной связи между центральным и местным представительством в виде особой палаты, состоящей из выборных от губернских земских собраний (или соответствующих им учреждений) и городских дум значительнейших городов»⁴.

В такую палату, которую он называл Земской, предлагалось установить следующую систему представительства: для губерний с населением менее 1 млн. – 2 представителя (менее 500 тыс. – 1), с прибавкой по 1 представителю на каждые следующие 1 млн. Что касается городов, то он предлагал взять за образец Швецию (право представительства в верхней палате для каждого города, выде-

¹ Там же. Л. 13.

² Там же. Л. 13об.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 16об.

ленного в отдельный избирательный округ при избрании в палату народных представителей) и руководствоваться следующими нормами: при численности городов менее 200 тыс. жителей – 1, от 200 до 400 тыс. – 2, от 400 тыс. до 1 млн. – 3, свыше 1 млн. – 4. По его подсчетам, Земская палата при таких принципах формирования насчитывала бы 269 членов, из которых 165 представляли бы 50 европейских губерний, 23 – губернии Царства Польского, 22 – области Кавказа, 15 – области Сибири, 18 – среднеазиатские и степные области, 26 – 13 самых крупных городов¹.

Схожим был и проект о Государственной Думе, изложенный в проекте Основного закона Российской империи. Нижняя палата (палата народных представителей) избиралась сроком на три года, активное и пассивное избирательное право предоставлялось всем мужчинам, достигшим 21 года (за исключением лиц, состоящих на военной службе, чинов уездной и городской полиции, состоящих под опекой лиц и лишенных или ограниченных в правах по суду, а также находящихся под судом по обвинению в преступлении, которое может повлечь за собой лишение или ограничение прав)².

Производство выборов должно было осуществляться по избирательным округам, из расчета один народный представитель от округа. Округа предполагалось выделять на базе губернского деления, из расчета, что губерния численностью до 300 тыс. жителей составляет один округ (каждые последующие 200 тыс. населения в губернии формировали дополнительный округ). При этом подчеркивалось, что в округе не может проживать менее 125 тыс. человек. Отдельные округа образовывали и города свыше 125 тыс. жителей (в зависимости от числа проживающих, город также мог делиться на несколько округов). Округа должны были делиться на избирательные участки, от 25 до 500 избирателей в каждом³.

Верхнюю палату (Земскую) предполагалось избирать губернскими земскими собраниями и городскими думами городов с населением свыше 125 тыс. чел. на тот же срок, на который избираются данные учреждения. Соответственно, от губерний численностью до 500 тыс. жителей избранию подлежал один гласный, от 500 тыс. до 1 млн. – два, от 1 млн. до 2 млн. – три, от 2 млн. до 3 млн. – четыре и свыше 3 млн. – пять. К численности жителей было привязано и представительство городов: от 125 тыс. до 200 тыс. – один, от 200 тыс. до 400 тыс. – два, от 400 тыс. до 1 млн. – три, свыше 1 млн. – четыре⁴.

¹ Там же. Л. 17об.

² Проект Основного закона Российской империи // Конституционное государство: сборник статей. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 534–535.

³ Там же. С. 542–543, 545.

⁴ Там же. С. 533–534.

Двухпалатную систему поддерживал и один из организаторов «Союза освобождения» С.А. Котляревский. Он утверждал, что во второй палате нельзя априори усматривать инстанцию, задерживающую течение законодательной работы. В целом он усматривал преимущество прохождения законопроектов через два законодательных собрания, ввиду того, что такой способ гарантировал больший консенсус между различными социальными слоями государства. Кроме того, он исходил из того, что при разнообразии России в географическом и этнографическом отношении следовало бы обеспечить представительство населения в одной палате и органов местного самоуправления (земских и городских) – в другой¹.

В свою очередь, такая система критиковалась монархистами. На страницах «Зари» подчеркивалось, что проектируемые институты представительства (палата народных представителей и земская палата) «не гарантируют самого важного условия внутренней жизни – определенности политики и угрожают обширнейшему государству стихийными случайностями, которых желать может только злейший враг России»².

В целом избирательная система, которая была принята в августе 1905 г., встретила неприятие либералов. Кадет В.М. Гессен отказывал Думе в праве называться «народным представительством» ввиду сословно-цензового характера выборов и отмечал, что она не может считаться «представительством даже тех групп, которые призваны реформой к осуществлению избирательного права». Не считал он ее и органом законодательной власти, которая, по его мнению, продолжала оставаться в руках «безответственной бюрократии» ввиду ограничений права законодательной инициативы и необходимости прохождения одобренных законопроектов через Государственный Совет. В связи с этим он утверждал, что общественное мнение никогда не признает своим уполномоченным органом такую Думу, а общий вывод его был пессимистичен: «Поэтому Государственная Дума нежизнеспособна; нормальным и постоянным учреждением она не будет»³.

Г. Бутми транслировал точку зрения Союза русского народа, сводившуюся к тому, что конституция представляет собой политическую химеру, а саму конституционную идею в России активно лоббируют иудеи и масоны (посредством открытого в столице отделения Великой Всемирной Лиги, высшим учреждением которой был Верховный Совет): «Теперь великому народу предлагается принести новую жертву – поголовными “добровольными” членскими взносами уплачивать

¹ Котляревский С.А. Система двух палат // Конституционное государство: сборник статей. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 306–307, 309–310.

² Заря. 1905. 26 апреля.

³ Гессен В.М. Государственная дума // Конституционное государство: сборник статей. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 525–526.

многомиллионную ежегодную дань на установление над Святою Русью международного правительства, состоящего из лиц всех вероисповеданий, не исключая язычников и иудеев, на разделение единой России на области, которыми будут управлять по ярлыкам ставленники международного Верховного Совета, на подчинение этому самозванному Верховному Совету всей политики русского государства и его правительства»¹.

В 1907 г. в памфлете главного редактора журнала «Театр и искусство» А.Р. Кугеля «Под сенью конституции» было отмечено следующее: «Год “конституции” многому научил обывателя. Он воочию, и даже более – на собственных боках убедился, что корень вопроса не в расширении прав обывателя, но в сокращении прав начальства»². Сама конституция виделась автором трехэтажной, где первый этаж связывался с вопросом «кому выбирать?», второй – «кого выбирать?». При этом третий фактически отсутствовал: «Третий этаж конституционной надстройки: “а в случае чего, так и вовсе ничего не получите” – совершенно излишен, потому что и без того ясно, что ничего не получено»³.

В этом отношении автор сводил свою позицию к мнимости конституционализма в России. Отмечая, что российские законодатели в 1878 г. «не пожалели либерализма» для Болгарии, разработав для нее Конституцию, в нормы которой, в частности, были положены отдельные положения французского законодательства, он заключал, что в самой России сложился квазиконституционализм: «Сохранение всех штатных должностей, а по возможности и увеличение оных при одновременном вступлении России на путь “конституционных” учреждений – такова задача государственной реформации»⁴.

Социал-демократ Ю.Н. Лавринович в упрек ставил правительству обращение в фикцию избирательных прав рабочих, которым изначально были обещаны избирательные права Манифестом 17 октября 1905 г. В результате устранения от участия в выборах рабочих предприятий с численностью менее 50 человек, а также целого ряда губерний вообще (вся Сибирь и польские губернии, за исключением двух) из более 10 млн. рабочих избирательные права получили чуть более 2 млн. с крайне малыми шансами получить представительство в Думе при трехстепенной избирательной системе⁵.

Напротив, октябрист, профессор В.И. Герье считал сложившийся порядок полностью соответствующим идее конституционализма. По его мнению, ограничение законодательных функций Государственной Думы Государственным Сове-

¹ Бутми Г. Обличительные речи. Конституция и политическая свобода. СПб., 1906. С. 47.

² Под сенью конституции. СПб., 1907. С. 80.

³ Там же. С. 136.

⁴ Там же. С. 163, 167.

⁵ Лавринович Ю. Итоги российской конституции. СПб., 1907. С. 44–45.

том было необходимо, исходя из выведенного еще Ш. Монтескье постулата о том, что меньшинству необходимы гарантии против деспотизма большинства избирателей. Поэтому народовластие, по мнению Герье, нуждалось в таком органе, как Государственный Совет, формирующийся на принципах представительства не политических групп избирателей, а губерний и объединенных общими интересами групп жителей. Обращаясь к читателям, он риторически вопрошал: «Может ли народное представительство, состоящее из множества случайных партий и групп, проникнутых враждой друг к другу, не обладающее ни политическими традициями, ни опытом, никакой сдержкой, кроме партийного терроризма, может ли такое народное представительство управлять великой империей?»¹.

Таким образом, в целом, к началу работы I Государственной думы сущность дискуссий об организации народного представительства сводилась к нескольким вопросам. Во-первых, должно ли это быть народное представительство или же его следовало привязать к существовавшей системе институтов местного самоуправления. Во-вторых, должно ли быть избирательное право всеобщим или цензовым. Однако это были вопросы больше частного характера, поскольку концептуально спор велся по другой проблеме: быть ли в России парламенту и конституции, или же тот или иной формат народного представительства должен существовать как сугубо законосовещательный институт при полном или преобладающем сохранении самодержавных начал правления.

Список источников и литературы

1. Бабецкий А. Осуществление Высочайшего указа о выборных // Гражданин. 1905. № 25. С. 5–6.
2. Бутми Г. Обличительные речи. Конституция и политическая свобода. СПб., 1906. 48 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 892. Оп. 1. Д. 43.
4. ГАРФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 16.
5. ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 140.
6. ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 144.
7. ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 161.
8. Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1906. 31 с.
9. Гессен В.М. Государственная дума // Конституционное государство: сборник статей. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 460–526.
10. Грингмут В.А. Наш классицизм // Русское обозрение. 1890. № 4. С. 704–758.

¹ Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1906. С. 16–17, 29–30.

11. Дворянин Божию милостью. Выборы // Гражданин. 1905. № 35. С. 5–6.
12. Дворянин Божию милостью. Сословность и выборы (продолжение) // Гражданин. 1905. № 38. С. 3–5.
13. Енисей. 1905. 18 февраля.
14. Заря. 1905. 3 февраля.
15. Заря. 1905. 26 апреля.
16. Заря. 1905. 10 августа.
17. Котляревский С.А. Система двух палат // Конституционное государство: сборник статей. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 272–316.
18. Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева. М., 2016. 1037, [1] с.
19. Лавринович Ю. Итоги российской конституции. СПб., 1907. 88 с.
20. Московские ведомости. 1905. 20 марта.
21. Новое время. 1905. 4 апреля.
22. Новое время. 1905. 6 апреля.
23. Новое время. 1905. 17 апреля.
24. О всеобщем избирательном праве / под ред. приват-доцента Н.А. Рожкова. М., 1905. 31 с.
25. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 126. К. 3.
26. ОР РГБ. Ф. 126. К. 10.
27. ОР РГБ. Ф. 126. К. 13.
28. Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 4. Отд. II. С. 97–127.
29. Под сенью конституции. СПб., 1907. [4], 170, [1] с.
30. Покровский М.Н. Земский собор и парламент // Конституционное государство: сборник статей. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 431–459.
31. Проект Основного закона Российской империи // Конституционное государство: сборник статей. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 527–551.
32. Проект программы государственного переустройства группы Д.Н. Шипова // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 1998. С. 167–168.
33. Проект Русской конституции (составленный в России). Со статьей С. Степняка. Изд. 2-е. Лондон, 1895. 14 с.
34. Рейснер М.А. Основные черты представительства // Конституционное государство: сборник статей. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 121–178.
35. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 968. Оп. 1. Д. 39.
36. РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 11.

37. Сазонов Г.П. Народное представительство без народа. СПб., 1905. 64 с.
38. Шарапов С.Ф. Самодержавие и самоуправление. М., 1903. 83 с.
39. Шкворень. Земский собор // Гражданин. 1904. № 55. С. 5–8.
40. Spectator [Грингмут В.А.] Вильгельм II // Русское обозрение. 1890. № 5. С. 374–383.
41. Spectator [Грингмут В.А.] Третья республика // Русское обозрение. 1890. № 6. С. 830–839.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ К КОНСТИТУЦИОННОМУ СТРОЮ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ЭЛИТ

Ф.А. Селезнев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
fseleznev@mail.ru

Приведены аргументы в пользу того, что Россия в 1905–1906 гг. превратилась в конституционную монархию. Этот переход рассматривается с точки зрения теории элит. Автор оперирует терминами «правлящая элита», «субэлита», «контрэлита». Правящей элитой автор называет группу людей, являющуюся субъектом подготовки и принятия решений, связанных с управлением государством. Автор констатирует наличие конфликта между правящей элитой и Николаем II. Император стремился добиться общенационального консенсуса на основе исторических ценностей. Правящая элита не принимала этот сценарий и в 1905 г. осуществила ограничение власти монарха.

Ключевые слова: конституционная монархия, революция 1905–1907 гг., Основные законы 1906 г., Николай II, Манифест 18 февраля 1905 г., теория элит, контрэлита.

Перемены в государственном устройстве Российской империи, осуществленные в 1905–1906 гг. и зафиксированные в Основных законах Российской империи в редакции 23 апреля 1906 г., не получили однозначной оценки в обществе. Официально о введении конституции не объявлялось. Поэтому представители различных политических лагерей могли трактовать произошедшие реформы по-своему.

Не было единства в данном вопросе и среди европейских аналитиков. Ценный анализ взглядов немецких авторов начала XX в. на проблему российского конституционализма, дал А.Н. Медушевский. Он рассмотрел позицию Макса Вебера и его оппонентов на основе статьи последнего «Переход России к мнимому конституционализму». Вебер, тесно связанный с либеральной российской оппозицией, прежде всего с кадетами, считал российский конституционализм ложным, называл его тактической уступкой самодержавия. Другие немецкие исследователи не соглашались с такой оценкой, полагая, что в России уже есть «если не чисто конституционное (парламентское), то, во всяком случае, дуалистическое (парламент и монарх) государство»¹.

В этом же русле лежали идеи немецкого правоведа русского происхождения В.В. Леонтовича. Он писал: «...утверждения, будто российская конституция 23 апреля 1906 года – лже-конституция, не имеют просто никакой научной ценности, а представляют собой лишь выражение определенных политических

¹ Медушевский А.Н. Макс Вебер и российский конституционализм // Отечественная история. 1993. № 2. С. 88–89.

тенденций». Объяснял свою позицию Леонтович так: можно придерживаться мнения, что «парламентарная конституция при всех условиях предпочтительна, но нельзя, оставаясь в границах научной методологии вопроса, утверждать, что дуалистическая конституция представляет собой скрытый абсолютизм, т.е. что она является лже-конституцией»¹.

Проявившееся во взглядах Вебера восприятие в качестве «конституционного» только «парламентского» государства было характерно для русской интеллигенции начала XX в. Под конституционным она понимала такое политическое устройство, при котором правительство страны формирует крупнейшая фракция парламента. Народным избранникам принадлежит и вся полнота законодательной власти².

А.Н. Медушевский, вслед за европейскими правоведами называет эту систему «Вестминстерской», поскольку она впервые сложилась в Англии³. В свою очередь «парламентарной» (читай «полноценной») с этой точки зрения является только конституция, принятая народными представителями. Примером приверженца таких взглядов среди отечественных историков является И.В. Лукоянов. Он полагает, что субъектами происхождения конституции являются «власть и общество». Сама же конституция должна представлять собой договор между этим двумя сторонами об их правах и обязанностях. В этом случае конституция октроированная (дарованная монархом) уже таковой не считается. Следовательно, «основные законы не могли быть конституцией»⁴.

При таком подходе из числа «конституционных» придется исключить европейские монархии, вроде Королевства Нидерландов или Швеции. Естественно, современные политологи и правоведаы не разделяют подобных взглядов. Не видят они особых преимуществ и в устройстве парламентских республик, поскольку и в них сегодня, как и в президентских республиках или республиках смешанного вида, исполнительная власть играет значительную роль в законодательстве. Показателем этого тренда, как констатировал недавно А.Н. Медушевский, стало то что, «во-первых, именно правительство (а не парламент) го-

¹ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 446.

² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 14.

³ Медушевский А.Н. Парламентаризм в условиях глобализации: сохранит ли жизнеспособность классическая модель? // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 2. С. 7–8.

⁴ Лукоянов И.В. Российская империя: почему основные законы не могли быть конституцией? // Российский конституционализм: уроки истории и современность: (к 100-летию первой Конституции (Основного закона) РСФСР 1918 года и 25-летию Конституции Российской Федерации 1993 года). Материалы региональной научно-практической конференции, 14 ноября 2018 года. СПб., 2018. С. 238.

товит до 80 % законопроектов; во-вторых, именно правительство готовит проект бюджета и затем исполняет его»¹.

Поэтому современные авторы склонны понимать под парламентаризмом только форму общественного представительства, основанного на выборном начале. О полноте законодательной власти парламента и подчинении ему исполнительной власти, в качестве необходимых признаков парламентаризма, речь уже не идет². Но в таком случае у нас есть все основания считать Государственную думу царской России полноценным парламентом. И, коль скоро мы относим к «конституционным» политические системы Швеции, Нидерландов, США, Франции и Российской Федерации, в этот же ряд следует поставить и Российскую империю 1906–1917 гг.

Сегодня так поступают многие авторитетные отечественные историки и юристы. Так, К.А. Соловьев отмечает, что Основные государственные законы «могут претендовать» на то, чтобы называться конституцией³. Современный правовед К.В. Карпенко без обиняков утверждает, что редакция Основных законов 1906 г. «может быть справедливо квалифицирована как первая русская конституция, в полном смысле этого слова»⁴.

В.А. Демин полагает, что «после 1906 г. Российская империя представляла собой конституционную дуалистическую монархию, в которой законодательная власть принадлежала императору и двухпалатному парламенту, высшая исполнительная – императору и ответственным перед ним министрам, высшая судебная и контрольная – Правительствующему Сенату»⁵.

Таким образом, говоря словами С.В. Куликова, «Основные законы, став первой действующей конституцией России, оформили создание дуалистической монархии, при которой наблюдается ограничение власти монарха только в законодательстве». Сторонников этой политической системы С.В. Куликов называет «дуалистами». В его понимании они представляли собой «правое, консервативное, крыло правительственного либерализма». Их оппонентов – «левое, радикальное, крыло, правительственного либерализма» – тех, кто вы-

¹ Медушевский А.Н. Парламентаризм в условиях глобализации: сохранит ли жизнеспособность классическая модель? С. 13.

² Парламентаризм: история, теория, технология / под ред. Р.А. Романова. СПб., 2022. С. 5, 7, 179, 182.

³ Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в 1906–1917 гг. М., 2019. С. 20.

⁴ Карпенко К.Ф. Реформы 1905–1906 гг. и обновленное самодержавие // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 1. С. 74.

⁵ Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 83.

ступал «за введение парламентаризма» в узком смысле (подчинение исполнительной власти парламенту), историк именуется «парламентаристами»¹.

Монография С.В. Куликова сыграла важную роль в отечественной историографии эпохи Николая II. Она является одним из самых цитируемых научных трудов, посвященных данному периоду. В центре внимания исследования Куликова – роль высшей царской бюрократии времён Первой мировой войны «в предыстории падения старого порядка». Особый интерес к книге вызывает то обстоятельство, что поставленная автором проблема «рассматривается сквозь призму элитистской парадигмы».

Эта методика в данном случае может дать очень хорошие результаты. Ведь такие понятия, как «власть», «общество», «народ», которыми нередко оперируют историки, носят слишком абстрактный характер. За ними трудно разглядеть конкретно-историческое содержание. В то время как теория элит позволяет адекватно выделять социальные объединения, действительно являвшиеся субъектами исторического процесса.

Отталкиваясь от классических трудов основоположников теории элит (Г. Моска и В. Парето), С.В. Куликов создал собственную оригинальную концепцию, в рамках которой описал российскую «бюрократическую элиту». По Куликову, её составляли «чиновники, занимавшие высшие должности, т.е. должности первых четырех классов»: назначенные члены Государственного совета, министры, их товарищи (заместители), сенаторы, директора департаментов и т.д. Подразделениями правящей элиты предреволюционного периода, наряду с бюрократической элитой, являлись также элиты придворные (царь и императорская фамилия), военная (Ставка Верховного главнокомандующего), политическая (Дума и Государственный совет) и общественная (Земский и Городской союзы и военно-промышленные комитеты)².

Подобные построения, как нам представляется, лежат в русле структурно-функционального (статусного) подхода к теории элит. В его основе лежит принцип «не человек красит место, а место – человека». Иначе говоря, индивид, занявший определенное положение, автоматически включается в состав элиты. Причем безотносительно тех личных качеств и ресурсов, которыми он обладает.

С этой точки зрения к политической элите может быть, например, отнесён любой депутат I и II Государственной думы, хотя обе существовали всего два-три месяца. Причем некоторые из народных избранников за указанное время даже не успели добраться до Санкт-Петербурга. Конечно, включив их в состав правящей элиты, мы совершили бы ошибку. Представляется, поэтому, что для

¹ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). С. 14, 17.

² Там же. С. 9–10.

изучения революционной эпохи 1905–1907 гг. структурный подход не самый удобный научный инструмент.

Структурный подход имеет ещё одно уязвимое место. Как справедливо замечает Г.К. Ашин, при нём «часто игнорируются весьма влиятельные лица, оказывающие косвенное воздействие на людей, наделенных официальными властными полномочиями»¹. Следует признать, что политические возможности этих «влиятельных лиц» иногда бывают гораздо шире, чем у многих из тех, кто формально занимает важные позиции в институтах власти. Но, в рамках политологических исследований, определение этих «влиятельных лиц», нередко находящихся вне фокуса общественного внимания, не представляется возможным – для этого нет достаточной информации.

В гораздо более выгодном положении находятся историки. Имеющиеся в их распоряжении источники личного происхождения позволяют выявить скрытые от современников связи внутри элиты. Поэтому историк может, руководствуясь принципом «не место красит человека, а человек место» и включать в правящую элиту не только обладателей высоких статусов, но и лиц, влияющих на них. Ярким примером в данном случае является Д.Ф. Трепов. Занимаемая им должность дворцового коменданта не выглядит столь важной, чтобы вводить её в элитную номенклатуру. Но опубликованная переписка Д.Ф. Трепова с императором позволяет считать этого дворцового коменданта влиятельным членом правящей элиты².

Предлагаемый нами подход к изучению элиты освобождает исследователя от необходимости разделять её на «придворную», «бюрократическую», «политическую», «военную» и «общественную». Для нас главный признак принадлежности человека к правящей элите, независимо от того являлся ли он министром или военным – его возможность влиять на принятие политических решений. Исходя из этого, мы, взяв за основу определение, предложенное О.В. Гаман-Голутвиной, назвали бы правящей элитой группу людей, являющуюся субъектом подготовки и принятия решений, связанных с управлением государством³.

Если мы положим этот принцип в основу стратификации общества, то верхней стратой (люди, имеющие максимальный доступ к политической власти) как раз и будет правящая элита. Она принимает важнейшие решения, касающиеся всего общества. Субэлита – это второй уровень в политической стратификации общества. Здесь сосредоточены политики, допущенные элитой к участию в обсуждении управленческих решений, но не всех и не в полном объёме. Их при-

¹ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М., 2010. С. 258.

² Глебова И.И. Задача государства – «создание твердо сплоченной консервативной партии порядка» (из официальной переписки Николая II и Д.Ф. Трепова) // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 180–197.

³ Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 97–103.

мерами могут быть гласные земских собраний и городских дум. Третья страта – общественно активные люди, не имеющие возможности влиять на принятие политических решений. Четвертая страта – люди, не испытывающие тяги к властвованию и лишенные интереса к политике.

Как известно, основоположник теорий социальной стратификации П.А. Сорокин показал, что между стратами существуют «отверстия», «лестницы» и «лифты», по которым индивиды перемещаются вверх или вниз из одного слоя в другой. Одним из таких лифтов в индустриальном обществе является парламент. Благодаря нему, верхние страты общества могут пополняться политически активными людьми. Психологическими качествами, способствующими попаданию человека в верхние страты, являются желание властвовать и обладание соответствующей харизмой.

Проблемам обновления элит особое внимание уделял В. Парето. Важным звеном его теории является идея о том, что элита подвержена старению. Молодая элита легко втягивает в себя активные элементы из низших слоев. Этим она усиливает свою мощь. Такой элите внутри общества трудно противостоять.

На следующем этапе доступ в элиту активных элементов затрудняется. Здесь-то, согласно Парето, и начинает складываться контрэлита. Это социально активные люди, желающие участвовать в управлении обществом. Однако они лишены этой возможности из-за непроницаемости правящей элиты. По мере её замыкания в себе и дряхления, отторгнутые от власти носители политической энергии начинают консолидироваться и становятся «контрэлитой». Когда правящая элита впадает в старческое состояние, контрэлита свергает власть прежней элиты и устанавливает свое господство¹.

Принадлежность к контрэлите определяется приверженностью политического активиста к определенному идеологическому проекту, основанному на тотальном отрицании ценностей правящей элиты. В случае с революцией 1905–1907 гг. этот проект – социализм. Соответственно, формирование контрэлиты в Российской империи следует отнести к 1870-м гг. Тогда социализм народнического толка становится идейным знаменем оппозиционной интеллигенции – социальной ипостаси российской контрэлиты того времени. Участники народнического движения или их идейные наследники стояли у истоков крупнейших партий, составлявших в ходе революции 1905–1907 гг. политическую основу контрэлиты (эсеров, социал-демократов, кадетов)².

¹ Кислицын С.А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. М., 2017. С. 42, 44–45.

² Селезнев Ф.А. Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 22–34.

Правда, если эсеров, большевиков и меньшевиков можно целиком относить к контрэлите, то у кадетов это правомерно лишь по отношению к левому крылу (доминировавшему в провинциальных организациях партии Народной Свободы). Да и левые кадеты находились на периферии контрэлиты. Её пассионарное ядро составляла РСДРП – в 1905–1907 гг. партия двадцатилетних во главе с тридцатилетними лидерами. Несколько старше были эсеры. У кадетов же в 1905–1907 гг. преобладала сверстническая группа сорокалетних. Солидный возраст, наличие семьи, профессии, достаточно высокого статуса в рамках существовавшей социально-политической системы обуславливали их политическую осторожность и заставляли отдавать предпочтение легальным, парламентским методам борьбы¹. А это не позволяло кадетам занять высокое положение внутри контрэлиты, где доминировали «профессиональные революционеры», порвавшие с системой.

В ходе революции 1905–1907 гг. – первой схватки между элитой и контрэлитой – возник российский парламент – Государственная Дума. И.К. Кирьянов считает, что так в России появилась «парламентская субэлита»².

В целом мы согласны с тем, что депутатов Государственной думы Российской империи можно отнести к субэлите, т.е. к числу политиков, допущенных элитой к участию в обсуждении части управленческих решений. Но только в том случае, если речь идет о III и IV Государственной думе. Однако это не касается левого большинства I и II Государственной думы. Его члены (включая и кадетов) отвергли возможность участия в «органической» (законодательной) деятельности. Они не хотели обсуждать проекты законов, т.е. действовать согласно нормам, установленным действовавшей элитой. Поэтому они не могут быть признаны субэлитой. Они олицетворяли собой контрэлиту.

Контрэлита никогда не будет сотрудничать с элитой. Это наглядно показал пример I и II Государственной думы, когда для депутатов, представлявших левое парламентское большинство, Таврический дворец являлся лишь местом агитации против ненавистного царского режима, а принятие министерских портфелей оказалось неприемлемым даже для умеренных кадетов.

А вот взаимодействие представителей правящей элиты с контрэлитой возможно. Конечно, только в исключительном случае. Какое? Прежде чем ответить на этот вопрос отметим, что правящая элита в нашей концепции представляет собой совокупность властных группировок разного происхождения.

¹ Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001. С. 33–34.

² Кирьянов И.К. Перводумцы: рождение парламентской субэлиты в позднеимперской России // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 266.

Само понятие «властная группировка» ввели М. Хазин и С. Щеглов. В их понимании это люди, связанные между собой неформальными отношениями личной преданности. Для их характеристики Хазин и Щеглов используют понятия «сюзерен» и «вассал». Сюзерен использует добровольно предоставляемые ресурсы вассала. В обмен на это сюзерен поддерживает и защищает вассала. Чем больше у сюзерена вассалов, тем сильнее властная группировка, которую он возглавляет. При этом действует принцип «вассал моего вассала не мой вассал». Иначе говоря, вассал может иметь собственного вассала и соответственно являться сюзереном, но в другой властной группировке. От посторонних существование властных группировок скрыто, поскольку они не формализованы: властная группировка – это не постоянно действующая официально зарегистрированная организация. К тому же обмен ресурсами и услугами внутри властной группировки, также как и личные контакты вассала и сюзерена могут иметь разную степень интенсивности и, иногда, вообще замирать¹.

Добавим, что правящая элита – это такая совокупность властных группировок, которая, на основе консенсуса, контролирует распределение государственных ресурсов и определяют формального лидера – правителя. В случае нарушения внутриэлитного консенсуса часть элиты может устроить «Фронду».

Мы, в данном случае, используем не второе, переносное, значение это слова (мягкая оппозиция чему-нибудь), от которого отталкивался С.А. Кислицын, описывая в рамках своей элитологической концепции отношения с властью М.А. Шолохова². Нас интересует реальное движение, существовавшее во Франции XVII в., названное «Фрондой». Как известно, тогда аристократы в своём противостоянии с Анной Австрийской и кардиналом Мазарини взяли в союзники горожан и Испанию. Таким образом, следуя исторической аналогии, мы понимаем под фрондой взаимодействие части элиты с внеэлитными политиками и внешними силами.

Подобная ситуация сложилась в России накануне Февральской революции 1917 г. Тогда «мостом», который соединил контрэлиту с фрондёрами из элиты стали конституционные демократы³. Нечто подобное имело место в 1905 г., когда, после долгого периода соблюдения внутриэлитного консенсуса, он был нарушен.

Камнем преткновения в 1905–1906 гг. стал вопрос об отношениях правителя и элиты. Отметим, что в любом обществе, именно правитель формально явля-

¹ Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. М., 2018. С. 612–617.

² Кислицын С.А. Указ. соч. С. 19, 301–402.

³ Селезнев Ф.А. Революция 1917 г. в свете современных теорий // Российская история. 2018. № 1. С. 174–175.

ется источником власти. Только он (пусть даже от имени избравшего его народа) наделяет членов элиты властными полномочиями и другими ресурсами. Поэтому все члены элиты зависимы от правителя и, как и прочие члены общества, обязаны подчиняться ему.

Как известно, Макс Вебер выделял три вида оправданий подчинения правителю. Это рациональное оправдание (право властвовать представлено правителю законом); оправдание традицией (правитель получил власть в силу обычая) и оправдание харизмой (правитель властвует в силу своих особых личных качеств – героизма, мудрости и т.п.). Тип отношений правителя с элитой в рамках аграрного (традиционного) общества можно вслед за М. Вебером назвать патримониализмом. Особенность патримониализма – личностный характер служебных отношений. При переходе к индустриальному обществу личная служба государю превращается в безличную службу государству. Патримониальное чиновничество трансформируется в рациональную бюрократию современного типа.

Уже к концу XVIII в. российский чиновник, по оценке Б.Н. Миронова, по многим признакам приблизился к нарисованному М. Вебером образу рационального бюрократа¹. Процесс складывания рациональной бюрократии продолжился в царствование Александра I. Этому способствовали: отделение придворной службы от гражданской, введение образовательного ценза при замещении государственных должностей, увеличение их числа в связи с созданием министерств, установление четкой системы чиновпроизводства. Возникла устойчивая иерархия профессиональных управленцев².

В связи с этим традиционный тип оправдания власти монарха должен был смениться рациональным. Но этого не произошло. Новый стиль отношений монарха и элиты так и не был выработан. Роберт Уортман, описывая конец эпохи Николая I, отмечает, что высшая элита «все более скептически относилась к дворцовым презентациям»³. Эта ситуация достигла апогея при Николае II, который «открыто выказывал предпочтение культурным формам Московской Руси – в искусстве, одежде и обряде»⁴.

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 2. С. 162–167.

² Шепелёв Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 74–84.

³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. С. 533.

⁴ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. С. 506.

Его любимым историческим героем был царь Алексей Михайлович. Подобно ему, Николай II публично демонстрировал свою религиозность¹. Но если в XVII в. такой сценарий поведения монарха был ожидаемым и одобряемым подданными, включая и правящие верхи, то в конце XIX в. подобное поведение царя шло вразрез с настроениями элиты. К этому времени в дворянско-интеллигентской среде прочно укоренились конституционные идеи. Большинство представителей образованного общества, отказывая царской власти в её сакральном предназначении, хотело выстроить отношения с ней на рациональной, договорной основе. Поэтому очень сильный всплеск негативных эмоций в обществе вызвала речь только что вступившего на престол Николая II, произнесенная им 17 января 1895 г. перед депутациями дворянства, земств и городов, приехавшими на царскую свадьбу, о незыблемости самодержавия и бессмысленности мечтаний об участии представителей земства «в делах внутреннего управления». С.Л. Фирсов, систематизировавший отклики на эту речь, пишет о том, что она была воспринята в обществе как вызов. При этом самому монарху давались уничижительные характеристики. В толках, гулявших по Санкт-Петербургу, фигурировали детали, свидетельствовавшие о том, что к молодому императору относятся с насмешливым пренебрежением. Выражение «бессмысленные мечтания», по общему мнению, было либо результатом оговорки, ставшей следствием волнения, или было использовано по совету великого князя Сергея Александровича, а изначально «мечтания» предполагалось определить, как «беспочвенные». Всех позабавило, что царь, чтобы не сбиться, сверялся с текстом, скрытым в шапке².

Отчуждение между Николаем II и европеизированной верхушкой народа («образованное общество») нарастало и дальше, поскольку, вопреки её настроениям, молодой монарх стремился реализовать свой сценарий власти, который условно можно описать как «единение царя-богомольца с простым народом».

В его рамках император стремился добиться общенационального консенсуса на основе принятия исторических ценностей и традиций. Самой яркой попыткой Николая II включить правящую элиту в свой сценарий стал костюмированный бал в Зимнем дворце 11 и 13 февраля 1903 г., приуроченный к 290-летию династии Романовых. Тогда все присутствовавшие, включая царя и царицу, были одеты в костюмы XVII в. В перспективе, видимо, намечалась реформа придворных чинов и одеяний в этом духе: «носились с грандиозной мыслью об

¹ Юдин Е.Е. Публичные демонстрации царской набожности (1900–1903 гг.) и реакция придворных кругов // Преподаватель. XXI век. 2018. № 2–2. С. 244.

² Фирсов С.Л. Николай II: пленник самодержавия. 2-е изд., перераб. М., 2017. С. 104–107.

уничтожении современных мундиров с заменой их боярскими костюмами московской эпохи»¹.

Правда, С.В. Куликов полагает, что проведение костюмированного бала 11 февраля стало следствием едва ли не «случайного стечения обстоятельств»: в разговоре за завтраком у императорской четы художник П.В. Жуковский стал утверждать, что Петр I уничтожил всё русское, в частности бороды и костюмы, и тогда царица Александра Федоровна пожелала увидеть национальные одеяния на балу в Зимнем дворце². Представляется, однако, что это предложение императрица сделала, зная о предпочтениях своего супруга, подыгрывая им. Точно также она поддержала и канонизацию Серафима Саровского в 1903 г., поскольку император проявил в этом деле горячее личное участие. Да и П.В. Жуковский, конечно, не стал бы в присутствии царя нападать на Петра Великого, если бы не знал об отрицательном отношении Николая II к своему предку-реформатору. Царь его не скрывал. В том же 1903 г. он говорил о Петре I А.А. Мосолову: «Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западною культурою и попирание всех чисто русских обычаев»³.

Приведем ещё одно высказывание государя, записанное А.А. Мосоловым: «Русский язык так богат, – сказал царь, – что позволяет во всех случаях заменить иностранное выражение русским. Ни одно слово неславянского выражения не должно было бы уродовать нашего языка»⁴.

Исходя из перечисленных фактов мы, казалось бы, вслед за Ф.А. Гайдой можем сделать вывод о том, что идейно-политические взгляды Николая II были консервативными⁵. Иная точка зрения у В.А. Демина: он доказывает, что на разных исторических этапах политическая установка Николая II менялись. До 1905 г. Николай II «был последовательным сторонником неограниченной монархии». Но «уже в начале 1905 г. император изменил свою позицию». В 1906 г. он поддержал закрепление перехода к конституционной монархии и надеялся на компромисс с I Думой через создание коалиционного правительства с участием представителей крупнейшей парламентской фракции конституционных демократов. И только когда кадеты отказались как от коалиции, так и от уступок, государь согласился на роспуск I Думы. После этого отношение Николая II к Государственной думе стало отрицательным. II Думу он изначально-

¹ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 84.

² Куликов С.В. Был ли консерватором Николай II? Политические взгляды последнего самодержца и его политический ритуал // Вопросы истории. 2020. № 11 (2). С. 16–17.

³ Мосолов А.А. Указ. соч. С. 81.

⁴ Там же. С. 83

⁵ Гаيدا Ф.А. Николай II как конституционный монарх // Монарх и монархия. К 150-летию со дня рождения Николая II и 100-летию убийства царской семьи / отв. ред. А.В. Анашкин. М., 2019. С. 383.

но воспринимал сугубо негативно и «был готов к решительным действиям против неё»¹.

Ещё более сложную картину рисует С.В. Куликов. Для него последний русский самодержец был не только реформатором, с чем, конечно, можно согласиться, учитывая значительное число кардинальных преобразований, проведённых в царствование Николая II, но и убежденный либерал (консервативный либерал)². По мнению историка, этот император на протяжении всего периода правления придерживался либеральных воззрений, но не афишировал их: «Николай II, являясь либералом, рядился в тогу консерватора, на практике проводя либеральные реформы, в области ритуала обеспечивал им консервативный аккомпанемент»³.

Рассмотрим аргументы Сергея Викторовича. Все они убедительны, опираются на глубокий и точный анализ источников, в том числе малоизвестных и редко привлекаемых историками. С.В. Куликов показывает, как складывались политические взгляды будущего монарха. С точки зрения историка их формировали педагоги, придерживавшиеся либеральных воззрений (генерал Г.Г. Данилович, англичанин К.О. Хис, Н.Х. Бунге). Особую роль среди них играл генерал Г.Г. Данилович, входивший в своё время кружок К.Д. Кавелина, вместе с братьями Милютиными и Ю.Ф. Самариним⁴.

Отметим, однако, что никто из членов кружка не был сторонником конституции западного типа с ограничением власти монарха. Более того, в биографии Кавелина за периодом западничества последовал славянофильский этап, а затем настало время пропаганды консервативных идей. Что касается Ю.Ф. Самарина, то он был одним из главных столпов славянофильства.

Отличительным признаком славянофильской идеологии являлись критическое отношение к Петру I и доброжелательный интерес к культуре допетровской Руси. Именно указанные черты мы видим у Николая II.

Важной частью учения славянофилов являлась его политическая составляющая. Её сердцевиной являлось отношение к самодержавию. Ю.Ф. Самарин считал попытку ограничения самодержавия на современном ему этапе «безумием», поскольку это означало бы переход власти в руки «немногих». В перспективе, по мере гражданского созревания народного большинства,

¹ Демин В.А. Николай II и Государственная дума // Монарх и монархия. К 150-летию со дня рождения Николая II и 100-летию убиения царской семьи / отв. ред. А.В. Анашкин. М., 2019. С. 278–287.

² Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45–60.

³ Куликов С.В. Был ли консерватором Николай II? Политические взгляды последнего самодержца и его политический ритуал. С. 22.

⁴ Там же. С. 8.

самодержавие могло быть дополнено Земским собором¹. Но Николай II не созвал Земский собор, а ограничил собственную власть Государственной думой (постояннодействующей законодательной палатой европейского типа). Почему?

Этот вопрос специально исследовал И.В. Лукоянов. Он рассмотрел отношение Николая II к вопросу о созыве Земского собора на протяжении 1905 г. Как показал историк, у идеи возрождения земских соборов имелись приверженцы, обладавшие возможностью влиять на царя. Это отставной чиновник А.А. Клопов, ведший многолетнюю переписку с Николаем II, редактор «Нового времени» А.С. Суворин (император регулярно читал эту газету) и консервативный публицист А.А. Киреев. В период от 9 января 1905 до 18 февраля 1905 г. Клопов и Суворин активизировали своё воздействие на императора. 18 января 1905 г. А.А. Клопову удалось получить аудиенцию у Николая II. А.С. Суворин опубликовал в «Новом времени» ряд статей с обоснованием идеи созыва Собора. И.В. Лукоянов полагает, что у Клопова и Суворина были высокие покровители: Клопов являлся креатурой великого князя Александра Михайловича, за спиной Суворина мог стоять С.Ю. Витте². Последнее, впрочем, маловероятно. Витте в декабре 1904 – феврале 1905 г. последовательно выступал противником народного представительства. Сторонниками Земского собора в январе 1905 г. были И.Л. Воронцов-Дашков, Д.М. Сольский, В.Н. Коковцов³.

Наиболее активно от лица группы либеральных министров в январе–феврале 1905 г. выступал министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов. 17 января 1905 г. он заявил о необходимости создания объединенного правительства и созыва народных представителей⁴. Оба эти предложения вели к ограничению самодержавия и были нежелательны для царя. На первом из них настаивал также С.Ю. Витте, возымевший надежду стать премьер-министром⁵. За второе предложение ратовала влиятельная группа сановников, к которой принадлежал сам Ермолов.

Разноречивые советы обрушивались на Николая II со всех сторон. В этой ситуации он счел необходимым отреагировать на происходящие в стране события изданием манифеста, проект которого набросал лично. 3 февраля 1905 г.

¹ Тесля А.А. Славянофильство в его развитии: опыт реконструкции исторической логики // Вопросы истории консерватизма. Альманах. 2015. № 1. С. 167–168.

² Лукоянов И.В. 1905 год и Земский собор // Тетради по консерватизму. 2018. № 4. С. 159–160.

³ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 66.

⁴ Куликов С.В. Сергей Юльевич Витте. Статьи для биографической энциклопедии. СПб., 2022. С. 196.

⁵ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 67.

император собрал для обсуждения своевременности и содержания указанного акта совет министров¹.

Царь открыл его заседание довольно продолжительной речью. Её записал управляющий делами Комитета и Совета министров Э.Ю. Нольде. Благодаря нему в распоряжении историков имеется источник, позволяющий выявить особенности политических взглядов Николая II в 1905 г. Они, судя по рассматриваемому тексту, носили явно антилиберальный, вернее антизападнический, славянофильский характер. «Часть общества [заинтересована] в насильствен[ной] пересадке чуждых нам констит[уционных] и парламентар[ных] форм», – посетовал государь. Далее он дал ёмкое определение конституции: «Юрид[ический] договор между нар[одом] и правит[ельством]». Исторически подобный порядок вырос из договорных форм феодализма. Но в России, – подчеркнул царь, – «не было феодализма, всегда было единение и доверие»². Поэтому нужно принять «меры к успокоению», ибо они «ведут к развитию русских исконных на[чал]». Что же это за начала? Если говорить о системе выборов, то это «выборы по сословиям». Николай II сам перечислил желательные сословные курии: дворяне, купцы (причем монарх особо подчеркнул, что это именно купцы, а не «негоцианты» вообще), мещане и крестьяне вместе. Сословные группы не должны были соединяться в общем постоянно действующем органе. В этой связи монарх употребил острое словцо собственного изобретения, подчеркнул: «арена парламентарияндии адвокатов д[олжна] быть устранена». Сословные выборные, по мысли царя должны были собираться раздельно на определенный срок, нужный для решения конкретной задачи: «Крест[ьяне] и дворяне – [для] пересмотра земс[кого] пол[ожения]»; «Горожане для пересмотра город[ского] полож[ения]»³. Необходимость созыва постоянно действующей представительной палаты или Земского собора вызвали у императора сомнения: «Предс[тавительства] не понимаю. Земс[кий] собор никто не понимает. Для каждого закона значит [нужен его созыв?]»⁴

Большинство участников заседания с подачи великого князя Александра Михайловича (заявившего «Акт необходим теперь») высказалось за немедленное издание царского обращения. Причем не в форме манифеста, а (как предложили Д.М. Сольский и великий князь Александр Михайлович) в виде рескрипта министру внутренних дел (А.Г. Булыгину). Вот как зафиксировал итоги обсуждения сам царь: «С 11 час.[ов] до часу у меня был Совет министров.

¹ Заседания совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде / подг. Р.Ш. Ганелин // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 296.

² Там же. С. 297.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 299.

Обсуждался вопрос о своевременности манифеста по поводу войны, смуты и созыва местных выборных представителей. Решили заменить рескриптом на имя М.В.Д.»¹.

В этом рескрипте должно было содержаться царское поручение Булыгину: передать благодарность императора всем дворянским собраниям, поздравившим Его Величество с рождением наследника (Алексея); сообщить им, что государя заботит вопрос о «внутреннем нестроении» и он наметил преобразования; к участию в этом деле царь призовет дворянство и другие сословия, но прежде надо покончить, «сообразно достоинству России» с внешней войной².

Таким образом, созыв народных представителей по мысли царя был возможен только после окончания войны и на сословной основе. Но, на заседании совета министров 11 февраля выяснилось, что все министры против сословного характера представительства. Они также опять возражали против издания царского манифеста по обсуждаемому вопросу, предпочитая ему рескрипт³.

Отсюда можно сделать вывод о том, что монарх вновь вернулся к идее манифеста. На изменение его настроения, очевидно, повлияли произошедшие после 3 февраля события: 4 февраля 1905 г. эсер Каляев убил московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, 7 февраля студенты Петербургского университета на сходке под пение революционных песен разорвали царский портрет. Всё это происходило на фоне развернувшегося в Манчжурии грандиозного сражения под Мукденом.

В сложившихся условиях петербургский генерал-губернатор Д.Ф. Трепов, который со второй половины января 1905 г. стал самым близким советником императора, убедил Николая II в том, что уступки образованному обществу бесполезны. По инициативе Трепова был подготовлен царский Указ Сенату, возвещавший о способе прямого общения монарха с народом⁴. В этом документе государь выражал желание «облегчить нашим верноподданным возможность непосредственно быть нами услышанным». Для этого министрам поручалось рассмотрение всех поступающих на царское имя предложений от частных лиц и учреждений по вопросам «государственного благоустройства». По существу, этим указом каждому даровалось право подавать политические петиции. С другой стороны, указ делал неактуальным созыв народного представительства, – в том числе и в форме Земского собора. Депутаты от населения отныне были не

¹ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2: 1905–1918. Ч. 1: 1905–1913. М., 2013. С. 19.

² Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 90.

³ Заседания совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде. С. 301–304.

⁴ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1970. С. 57, 60.

нужны. Ведь царь теперь *непосредственно* мог получить совет от любого из своих подданных. Император, увлеченный этой идеей, был настроен очень решительно. Принимая симбирского губернского предводителя В.Н. Поливанова, он сказал: «Ничего, даже вроде Собора, я не дам»¹.

Одновременно с указом, Николай II намеревался (вопреки советам Трепова²) 18 февраля выпустить свой манифест. Вопрос об авторстве этого документа до сих пор не решён. Согласно сведениям, имеющимся в воспоминаниях земского деятеля А.А. Савельева, «15 февраля в Царском Селе был князь Мещерский и пробыл у царя очень долго, в это время и был составлен текст Манифеста 18 февраля»³. Источник данной информации А.А. Савельев не сообщает.

В основном тексте воспоминаний С.Ю. Витте говорится, что манифест был «написан и составлен К.П. Победоносцевым». Из другого варианта мемуаров мы узнаём: «манифест этот был посылаем накануне Победоносцеву, который ответил, что манифест так хорошо составлен, что он не может изменить ни одного слова». Далее Витте добавляет, что «манифест был передан государю императрицей, а императрице Александре Федоровне доставлен полковником от котлет князем Путятиным»⁴.

М.С. Путятин, штаб-офицер для поручений при управлении Гофмаршальской части, действительно имел шутовское прозвище «полковник от котлет». Он пользовался большим доверием царской четы. Однако он не являлся автором Манифеста 18 февраля⁵. «А кто писал, – резюмировал Витте – так мне и осталось неизвестным, вероятно, один из столпов черносотенцев»⁶.

Ю.Б. Соловьев, опираясь на дневниковые записи Л.А. Тихомирова, в свою очередь черпавшего сведения у В.А. Грингмута, приписывал появление Манифеста 18 февраля «придворной партии», находившейся под покровительством императрицы Марии Фёдоровны (М.С. Путятин, П.П. Гессе, В.Б. Фредерикс, Н.М. Павлов, А.А. Палтов, Е.В. Богданович, Б.В. Никольский)⁷.

Однако вдовствующую императрицу нельзя назвать сторонницей черносотенцев, учитывая, тот факт, что она и ранее, и позже поддерживала министров либерального направления (П.Д. Святополк-Мирский, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин). По нашему мнению, Манифест 18 февраля в полной степени отвечал

¹ Савельев А.А. Земство и власть. Из истории местного самоуправления в России. Арзамас, 1995. С. 131.

² Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 150.

³ Савельев А.А. Указ. соч. С. 131.

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 376.

⁵ Куликов С.В. Сергей Юльевич Витте. Статьи для биографической энциклопедии. С. 456, 457.

⁶ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 376.

⁷ Соловьев Ю.Б. Указ. соч. С. 147.

взглядам самого Николая II и им самим был написан. Во всяком случае, мы точно знаем, что его проект император лично «набрасывал» накануне заседания совета министров 3 февраля¹. Возможно черновик документа действительно просматривался К.П. Победоносцевым и В.П. Мещерским, но первый в него ничего не добавил, а весомость вклада второго, даже если он был, трудно определить.

В целом Манифест являлся детищем Николая II. Работу над ним царь завершил вечером 17 февраля. Это следует из записи, сделанной государем в этот день в дневнике: «Долго занимался. Господи, благослови обнародование завтра моего манифеста»².

Полное название этого акта: «О призыве властей и населения к содействию Самодержавной Власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней». Манифест открывался с обозначения целей войны: она велась «за честь и достоинство России и за господство на водах Тихого океана». Это господство, пояснялось в документе, необходимо «для мирного преуспевания не только нашего, но и иных христианских народов». Однако, в то время как «доблестнейшие сыны России» с беззаветной храбростью сражаются, «в самом Отечестве нашем поднялась Смута на радость врагам нашим и к великой сердечной Нашей скорби». Злоумышленники, указывалось в манифесте, стремятся разорвать «естественную связь с прошлым» и «учредить новое управление страной на началах, Отечеству нашему несвойственных».

Здесь явно просматривается приверженность автора текста консервативной идеологии. Охранительный настрой автора слышится и в его нападении о том, что молитвами Церкви, «под стягом Самодержавной Царской власти и в неразрывном единении с Нею, Земля Русская не раз переживала великие войны и смуты, всегда выходя из бед и затруднений с новой силою несокрушимой». Отметим также, что в завершении манифеста выражалась надежда на укрепление «истинного Самодержавия».

Важно указать ещё на одну мысль манифеста, явно принадлежавшую Николаю II, и чрезвычайно важную для него. Речь идет о недовольстве царя деятельностью органов власти. В Манифесте он напоминает «Правительственным Учреждениям и властям всех ведомств и степеней» о долге службы и велениях присяги и призывает их к «усугублению бдительности по охране закона, порядка и безопасности»³.

¹ Заседания совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде. С. 296.

² Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2: 1905–1918. Ч. 1: 1905–1913. С. 21.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1905. № 30. Ст. 244.

18 февраля, открывая заседание совета министров, царь именно на этом сделал акцент, объявив: «Манифест вынужден». «5 месяцев [проходили] сборища, несмотря на напоминания» [об их недопустимости], – сетовал Николай II, охарактеризовав ситуацию как беспросветную («Мрак»): «Печать распускалась все более и более. Анархия в правит[ельстве] и государстве»; «Власти проявления не видел». Из записи речи императора можно понять, что он хотел несколько раз выступить с «торж[ественным] объявлением народу, как он смотрит «на главные события», но по вине бывшего министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского этого сделать не удалось¹.

И, поскольку, «прав[ительственные] власти не желают или не могут проявить закономерную деятельность», – выражал едва прикрытое возмущение царь, бросая обвинение элите, – «мне придется расхлебывать». При этом Николай II собирался опереться на «выборных доверенных людей», рассматривая это как шаг по мобилизации сторонников самодержавия («Проснулись бы беззаветно предан[ые] к той работе, которая на каждого по закону возложена»). Они, надеясь царь, помогут ему и разделят с ним «трудные заботы». Механизм призыва выборных «довер[енных]» людей для участия в подготов[ке] законодательных работ император предлагал определить «в скором будущем» при обсуждении двух проектов соответствующего рескрипта.

Таким образом, если на заседаниях 3 и 11 февраля рескрипт Булыгину рассматривался как либеральная альтернатива царскому манифесту, то теперь по замыслу Николая II рескрипт должен был вытекать из установок Манифеста 18 февраля: в нём император рекомендовал «подбодрить смущенных, мягко о бездействии высказать»; «напомнить о вековых устоях и преданиях»². Подчеркнём, что издание рескрипта Булыгину намечалось после некоторой паузы: общество должно было проникнуться установками Манифеста 18 февраля.

План Николая II вызвал неприятие министров. Как было показано выше, с 3 февраля они последовательно выступали против издания Манифеста, а желали рескрипта с указанием на конкретные уступки. Узнав о Манифесте и Указе Сенату из газет, министры были ошеломлены. Оба документа, изданные без их ведома, свидетельствовали о намерении монарха произвести ротацию элиты, отодвинув старые верхи, которые «не желают или не могут проявить закономерную деятельность».

Император недаром готовил оба акта в тайне: он предвидел сопротивление сановников. И не ошибся. В воспоминаниях Витте есть определенное указание на то, что вечером 17 февраля министр юстиции С.С. Манухин по формальным

¹ Ганелин Р.Ш. Петербургский университет и правительственная политика (Из истории студенческого движения) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989. С. 125.

² Там же. С. 125–126.

причинам чинил препоны публикации манифеста, и документ был напечатан в Сенатской типографии лишь после личного вмешательства царя («последовало указание, что государь император приказал опубликовать»)¹.

На заседании 18 февраля министры сплоченной группой выступили против монарха. Их цель состояла в том, чтобы рескрипт не откладывался, а был издан немедленно (дабы смазать впечатление от манифеста). Когда был сделан перерыв для завтрака, министры договорились об общей позиции. Царь, однако, держался на своём. По сведениям С.Д. Протопопова, переданным в воспоминаниях А.А. Савельева, после отъезда министров у царя остались великий князь Александр Михайлович и А.С. Ермолов. Два часа они убеждали Николая II в необходимости тотчас издать рескрипт, который смягчил бы впечатление Манифеста. И в итоге добились своего². Рескрипт Булыгину был подписан в тот же день 18 февраля 1905 г.

Если мы рассмотрим события 18 февраля с точки зрения теории элит, то увидим, что Николай II, несмотря на статус абсолютного монарха, не имел достаточных ресурсов, чтобы навязать свою волю правящей верхушке. В январе–феврале 1905 г. мы практически не видим властной группировки, где он бы являлся сюзереном. Его оппоненты напротив были сплочены. При этом ключевой фигурой властной группировки выступавшей за ограничение власти императора являлся великий князь Александр Михайлович. Д.Ф. Трепов, которого император приблизил в январе, уже в феврале начал действовать в интересах этой группировки.

В дальнейшем Д.Ф. Трепов находился на солидарных с ней позициях и немало сделал для перехода России к конституционному строю через издание Манифеста 17 октября и Основных законов Российской империи в редакции 23 апреля 1906 г.³.

Список источников и литературы

1. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М., 2010. 600 с.
2. Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. 640 с.
3. Гайда Ф.А. Николай II как конституционный монарх // Монарх и монархия. К 150-летию со дня рождения Николая II и 100-летию убиения царской семьи / отв. ред. А.В. Анашкин. М., 2019. С. 381–391.

¹ Вите С.Ю. Указ. соч. С. 376.

² Савельев А.А. Указ. соч. С. 131–132.

³ Куликов С.В. Сергей Витте и Манифест 17 октября 1905 г.: к вопросу о том, кто был отцом «русской конституции» // Россия и мир в конце XIX – первой половине XX века: Сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2017. С. 478–490.

4. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 97–103.
5. Ганелин Р.Ш. Петербургский университет и правительственная политика (Из истории студенческого движения) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989. С. 112–135.
6. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. 224 с.
7. Глебова И.И. Задача государства – «создание твердо сплоченной консервативной партии порядка» (из официальной переписки Николая II и Д.Ф. Трепова) // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 180–197.
8. Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. 216 с.
9. Демин В.А. Николай II и Государственная дума // Монарх и монархия. К 150-летию со дня рождения Николая II и 100-летию убиения царской семьи / отв. ред. А.В. Анашкин. М., 2019. С. 277–294.
10. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2: 1905–1918. Ч. 1: 1905–1913. М., 2013. 824 с.
11. Заседания совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде / подг. Р.Ш. Ганелин // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 291–305.
12. Карпенко К.Ф. Реформы 1905–1906 гг. и обновленное самодержавие // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 1. С. 73–81.
13. Кирьянов И.К. Перводумцы: рождение парламентской субэлиты в поздней имперской России // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г.: Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 265–273.
14. Кислицын С.А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. М., 2017. 512 с.
15. Куликов С.В. Был ли консерватором Николай II? Политические взгляды последнего самодержца и его политический ритуал // Вопросы истории. 2020. № 11 (2). С. 4–28.
16. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. 472 с.

17. Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45–60.
18. Куликов С.В. Сергей Витте и Манифест 17 октября 1905 г.: к вопросу о том, кто был отцом «русской конституции» // Россия и мир в конце XIX – первой половине XX века: Сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2017. С. 478–490.
19. Куликов С.В. Сергей Юльевич Витте. Статьи для биографической энциклопедии. СПб., 2022. 668 с.
20. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. 550 с.
21. Лукоянов И.В. 1905 год и Земский собор // Тетради по консерватизму. 2018. № 4. С. 156–166.
22. Лукоянов И.В. Российская империя: почему основные законы не могли быть конституцией? // Российский конституционализм: уроки истории и современность: (к 100-летию первой Конституции (Основного закона) РСФСР 1918 года и 25-летию Конституции Российской Федерации 1993 года): Материалы региональной научно-практической конференции, 14 ноября 2018 года. СПб., 2018. С. 238–250.
23. Медушевский А.Н. Макс Вебер и российский конституционализм // Отечественная история. 1993. № 2. С. 79–94.
24. Медушевский А.Н. Парламентаризм в условиях глобализации: сохранит ли жизнеспособность классическая модель? // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 2. С. 7–20.
25. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 2. 568 с.
26. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. 264 с.
27. Парламентаризм: история, теория, технология / под ред. Р.А. Романова. СПб., 2022. 202 с.
28. Савельев А.А. Земство и власть. Из истории местного самоуправления в России. Арзамас, 1995. 384 с.
29. Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001. 314 с.
30. Селезнев Ф.А. Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 22–34.

31. Селезнев Ф.А. Революция 1917 г. в свете современных теорий // Российская история. 2018. № 1. С. 172–180.
32. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1905. № 30. Ст. 244.
33. Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в 1906–1917 гг. М., 2019. 352 с.
34. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. 256 с.
35. Тесля А.А. Славянофильство в его развитии: опыт реконструкции исторической логики // Вопросы истории консерватизма. Альманах. 2015. № 1. С. 160–173.
36. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. 608 с.
37. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. 796 с.
38. Фирсов С.Л. Николай II: пленник самодержавия. 2-е изд., перераб. М., 2017. 562 с.
39. Хазин М., Шеглов С. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. М., 2018. 624 с.
40. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1970. 448 с.
41. Шепелёв Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. 461 с.
42. Юдин Е.Е. Публичные демонстрации царской набожности (1900–1903 гг.) и реакция придворных кругов // Преподаватель. XXI век. 2018. № 2–2. С. 243–259.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЭЛИТА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СТРУКТУРА И БАЗОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

А.В. Евдокимов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
Artemius2014@yandex.ru

Исследование посвящено изучению парламентской элиты Нижегородской области. Показаны определение, структура и базовые теоретические проблемы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Теоретико-методологической основой работы является историческая элитология как новая междисциплинарная область социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: историческая элитология, парламентская элита Нижегородской области, контрэлита, региональная элита, муниципальная элита, Государственная Дума, Совет Федерации.

В последние десятилетия в отечественной науке все более распространенным становится изучение широкого круга проблем, связанных с деятельностью элит. В дореволюционный и советский периоды в нашей стране эти исследования по разным причинам были неактуальны.

Однако с распадом СССР интерес ученых и общества к элитологической тематике значительно вырос. Стало появляться достаточно много работ по российским элитам с применением концепций как классиков элитологии, так и современных западных и российских исследователей.

Особое место в данных работах занимает исследование процесса выборов и формирования парламентаризма на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Деятельность депутатов Государственной Думы РФ, членов Совета Федерации РФ, а также депутатов региональных законодательных органов власти и представительных органов местного самоуправления становится все чаще объектом научного изучения на стыке исторической и политической наук.

В этом отношении необходимо отметить, что изучение политической элиты Нижегородской области и одной из ее составляющих – парламентской элиты начиная с 1991 г. и по настоящее время является крайне актуальным для понимания генезиса и тенденций дальнейшего развития многих современных социально-политических процессов в нашем регионе и в России.

Приведем краткий обзор основных работ историков и политологов, посвященных изучаемой проблематике. Пожалуй, здесь стоит начать с исследований по политическим элитам Нижегородского края начала XX в. Нам представляет-

ся, что сам термин «парламентская элита» впервые предложили петербургские исследователи А.Б. Николаев и О.А. Поливанов в статье «Парламентская элита России в 1912–1917 гг.», которая была опубликована в 1994 г. в сборнике «Из глубины времен»¹. Причем авторы относили к парламентской элите не всех депутатов, на примере IV созыва Государственной Думы они определили их численность – «165 человек или 40% от состава IV Государственной думы»². Данное положение представляется нам дискуссионным, однако А.Б. Николаев и О.А. Поливанов внесли важный вклад в исследование парламентской элиты России.

Политические элиты Нижегородской губернии, а затем уже Нижегородской области не раз становились объектом изучения исследователей. Деятельность партии кадетов в Нижегородском крае в 1905–1917 гг. тщательно изучил Ф.А. Селезнев³. Исследование советской элиты и контрэлиты на материалах Нижегородского края провели В.П. Сапон и Д.В. Кураков.

Работы В.П. Сапона посвящены взаимодействию элиты и масс в ходе Февральской революции 1917 г.⁴, а также процессу формирования региональной советской элиты в Нижегородском крае в период Гражданской войны⁵. В своих статьях Д.В. Кураков сосредоточил внимание на проблемах формирования новой политической элиты, а именно советской, в Нижегородской губернии весной 1917 г.⁶, а также на вопросах финансового положения советской политической элиты Нижегородской губернии в период с февраля по октябрь 1917 г.⁷ и

¹ Николаев А.Б., Поливанов О.А. Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 57–66.

² Там же. С. 59.

³ Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001. 314 с.

⁴ Сапон В.П. Февраль 1917 г. в Нижнем Новгороде: массы и элита // Революция и современность: Материалы научно-практической конференции 3 марта 2017 г. / отв. ред. А.Г. Аннин, Р.В. Евстафьев. Владимир, 2017. С. 104–107.

⁵ Сапон В.П. Формирование региональной советской элиты в 1918–1921 гг.: «новые слои партии» против «засидевшихся, оторвавшихся от масс работников» (по материалам Нижегородской губернии // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: Сб. науч. тр. / под ред. О.В. Горбачева и Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2018. С. 193–204.

⁶ Кураков Д.В. Некоторые аспекты формирования новой политической элиты российской провинции (на материалах Нижегородской губернии) // Человек и общество в условиях войн и революций: Материалы II Всероссийской научной конференции (15 декабря 2015 г., Самара, СамГТУ). Вып. 2 / Под ред. Е.Ю. Семенович; ред. кол.: А.Б. Бирюкова, А.В. Богачев. Самара, 2015. С. 165–168; Кураков Д.В. Советская политическая элита и пути ее формирования весной 1917 г. (на материалах Нижегородской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (41). С. 13–23.

⁷ Кураков Д.В. Финансовое положение советской политической элиты Нижегородской губернии с февраля по октябрь 1917 г. // История: факты и символы. 2016. № 4. С. 105–114.

процессе формирования оппозиционного движения советской контрэлиты весной и летом 1917 г.¹

Во второй половине 1990-х и в начале 2000-х гг. при активном участии В.И. Белоуса вышло несколько справочных изданий, посвященных различным составляющим нижегородской элиты в XX веке. Они содержали краткие биографические справки о представителях политической, экономической и интеллектуальной элит Нижегородской области с 1917 и до конца 1990-х гг.². Хотя там приведено относительно немного данных о представителях парламентской элиты, тем не менее, эти справочные издания внесли огромный вклад в развитие нижегородской элитологии.

Также в исследовательской литературе нашли отражение проблемы региональных и муниципальных элит. Среди общетеоретических работ по данной тематике можно отметить следующих авторов. Исследование М.А. Казакова посвящено процессу становления региональных политических элит в современной России³. Е.А. Мозгунова подробно изучила особенности становления и развития избирательной системы Российской Федерации в контексте происшедшей эволюции норм электорального законодательства⁴. А.В. Зимин и О.С. Юдина затронули крайне актуальный вопрос – деятельность парламентской элиты Совета Федерации Федерального Собрания РФ в условиях новейших вызовов⁵. Также А.В. Зимин ставит крайне важную и актуальную проблему – изучение парламентской элиты региона (на примере Тамбовской области) как объект и предмет политологического исследования⁶. И.А. Ветренко и И.К.

¹ Кураков Д.В. Оппозиционное движение советской контрэлиты весной – летом 1917 г. в Нижегородской губернии // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XV Междунар. науч. конф., Иваново, 23–24 марта 2016 г.: в 2 ч. Иваново, 2016. Ч. 2. С. 464–470.

² Политическая элита Нижегородской области, 1917–1995: научно-справочное издание. Нижний Новгород, 1995; Промыленно-хозяйственная элита Нижегородской области, 1917–1996: Науч.-справ. изд. Н. Новгород, 1996; Интеллектуальная элита Нижегородской области. 1918–1998. Научно-справочное издание. Н. Новгород, 1998; Нижегородская элита – XX век. Региональный энциклопедический биографический словарь. Н. Новгород, 2001.

³ Казаков М.А. Процесс становления региональных политических элит России. Нижний Новгород, 2010.

⁴ Мозгунова Е.А. Становление и развитие избирательной системы Российской Федерации в контексте эволюции норм электорального законодательства: Автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Нижний Новгород, 2006.

⁵ Зимин А.В., Юдина О.С. Парламентская элита Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в условиях новейших вызовов // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 269–277.

⁶ Зимин А.В. Парламентская элита Тамбовской области как объект и предмет политологического исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 34–41.

Жуков изучили основные тенденции в системе рекрутирования региональной политической элиты¹. Не менее важным представляется исследование А.Г. Булатова, посвященное изучению механизмов и принципов рекрутирования представителей региональных элит в качестве кадрового резерва для федеральных органов государственной власти².

Муниципальные или местные элиты изучены в меньшей степени. Среди работ, посвященных различным аспектам формирования и деятельности муниципальных элит, можно отметить следующих авторов. В статье В.П. Мохова приведены определение, структура и численность местной политической элиты в России³. Н.А. Григорьев и И.А. Шарин показали специфику муниципальной политической элиты в системе российской власти⁴. С.Н. Шкель в своей статье затронул проблему изучения политических установок муниципальных элит в современной России на примере муниципалитетов в Пермском крае⁵. В исследовании Е.А. Заможных муниципальная элита изучена в рамках системы местного самоуправления в современной России⁶.

Немного работ затрагивают проблематику региональных и муниципальных элит в Нижнем Новгороде и Нижегородской области. Можно сказать, что данная тематика является недостаточно изученной. Тем не менее, необходимо отметить следующих исследователей. Особенности трансформации региональной элиты в 1990-е гг. и в первую половину 2000-х гг. на примере Нижегородской области хорошо показал А.В. Дахин⁷.

В центре внимания А.С. Макарычева находился нижегородский вариант политико-правовых проблем во взаимоотношениях федеральной, региональной и

¹ Ветренко И.А., Жуков И.К. Региональная политическая элита: основные тенденции в системе рекрутирования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 3. С. 62–73.

² Булатов А.Г. Региональные элиты как кадровый резерв для федеральных органов государственной власти: механизмы и принципы рекрутирования // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8, № 5 (35). С. 93–96.

³ Мохов В.П. Местная политическая элита в России: понятие, структура, численность // PolitBook. 2012. № 4. С. 19–33.

⁴ Григорьев Н.А., Шарин И.А. Муниципальная политическая элита в системе российской власти // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2021. № 2 (22). С. 54–58.

⁵ Шкель С.Н. Политические установки муниципальных элит в современной России (на примере муниципалитетов Пермского края) // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 119–134.

⁶ Заможных Е.А. Муниципальная элита в системе местного самоуправления в современной России: Автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02. Ставрополь, 2009.

⁷ Дахин А.В. Трансформации региональных элит (на примере Нижегородской области) // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 108–119; Дахин А.В. Трансформации административно-политической элиты и становление структуры политической конкуренции в регионе в 1991–2005 гг. // Регионоведение. 2012. № 1 (78). С. 20–32.

муниципальной властей¹. Ю.С. Полякова немного вышла за рамки Нижегородской области и изучила устройство политических элит Приволжского федерального округа и модели их взаимодействия с центром².

Особенности проведения первых постсоветских выборов в Государственную Думу РФ в Нижегородской области в 1993 г. нашли отражение в статье Я.С. Занозиной, В.М. Плиткиной и А.А. Фоменкова³. В работе А.В. Крыловой, В.В. Мишина, О.С. Рыбкиной, А.А. Фоменкова и В.М. Яскевича показаны особенности выборных кампаний в Законодательное собрание Нижегородской области и Городскую Думу Нижнего Новгорода⁴.

В статье С.В. Борисова, А.В. Дахина и А.С. Макарычева проанализированы ход и итоги выборов мэра Нижнего Новгорода в 2002 г.⁵ В работе Т.А. Зориной, А.А. Фоменкова и Ю.В. Шаровой исследованы особенности выборной кампании в Городскую Думу Нижнего Новгорода в 2000 г.⁶ В статье Е.А. Пахомовой и А.А. Фоменкова проанализированы ход и итоги выборов в Городскую Думу Нижнего Новгорода в 1996 г.⁷ В работе М.С. Лубяного, А.А. Фоменкова и О.А. Шутовой исследована роль политических партий и других значимых политических акторов в контексте избрания главы Нижнего Новгорода в 2017 г.⁸

¹ Макарычев А.С. Политико-правовые проблемы взаимоотношений федеральной, региональной и муниципальной властей: нижегородский вариант // Регион в составе Федерации: политика, экономика, право. Н. Новгород, 1998. С. 242–252.

² Полякова Ю.С. Политические элиты Приволжского федерального округа: позиционирование во власти на региональном уровне и основные модели взаимодействия с центром: Автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Нижний Новгород, 2009.

³ Занозина Я.С., Плиткина В.М., Фоменков А.А. Первый опыт участия в постсоветских парламентских выборах в Нижегородской области: страницы политической истории // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 2. С. 37–41.

⁴ Крылова А.В., Мишин В.В., Рыбкина О.С., Фоменков А.А., Яскевич В.М. Выборные кампании в Законодательное собрание Нижегородской области и Городскую думу Нижнего Новгорода // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2015. № 2 (109). С. 283–287.

⁵ Борисов С.В., Дахин А.В., Макарычев А.С. Без победителя: выборы мэра Нижнего Новгорода // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 83–94.

⁶ Зорина Т.А., Фоменков А.А., Шарова Ю.В. Страницы региональной политической истории: особенности выборной кампании в Городскую думу города Нижнего Новгорода в 2000 году // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: Материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. О.Б. Истомина. Иркутск, 2021. С. 274–281.

⁷ Пахомова Е.А., Фоменков А.А. Страницы новейшей политической истории Нижнего Новгорода: выборы в Городскую думу второго созыва // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994), Михаил Андрианович Садаков (1916–1993): Материалы II Всероссийской с международным участием научной конференции; Ижевск, 13 апреля 2021 г. / отв. ред. и сост. В.В. Пузанов, Д.В. Репников. Ижевск, 2021. С. 413–417.

⁸ Лубяной М.С., Фоменков А.А., Шутова О.А. Избрание главы Нижнего Новгорода в 2017 году: к вопросу о партийной системе региона и иных значимых политических акторах // Государственная региональная политика в сфере местного самоуправления: Сборник научных трудов межрегиональной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2021. С. 99–101.

Отдельно стоит сказать о монографии «Нижегородцы и Государственная Дума: история и современность»¹, написанной нами совместно с Ф.А. Селезневым и А.А. Сорокиным. В ней на примерах Российской империи начала XX века и постсоветской России показаны особенности проведения выборов в Государственную Думу в нашем регионе, законотворческая деятельность нижегородских депутатов и их дальнейшая судьба после окончания депутатских полномочий.

Однако до сих пор многие проблемы и аспекты деятельности депутатов и парламентских структур разного уровня в составе политической элиты Нижегородской области остаются малоизученными либо совсем неизвестными для ученых и общества. В этом отношении работа А.В. Зимина о парламентской элите Тамбовской области², а также наше исследование об основных направлениях исследований в рамках исторической элитологии³ показали, что для обозначения изучаемого объекта необходимо ввести в научный оборот новый термин – парламентская элита Нижегородской области.

Определение и структура парламентской элиты Нижегородской области

На наш взгляд, парламентская элита Нижегородской области – это депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации от Нижегородской области, депутаты Законодательного Собрания Нижегородской области, а также депутаты Городской Думы Нижнего Новгорода и других представительных органов местного самоуправления, которые участвуют в подготовке и принятии управленческих решений и обладают легитимностью на муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

В ее структуре можно выделить три элемента – федеральный (депутаты ГД и сенаторы), региональный (депутаты областного парламента) и муниципальный (депутаты представительных органов местного самоуправления). Каждый из элементов имеет свою специфику и базовые теоретические проблемы изучения, о чем более подробно будет сказано далее.

¹ Селезнёв Ф.А., Евдокимов, А.В., Сорокин, А.А. Нижегородцы и Государственная Дума: история и современность: монография. М., 2021.

² Зимин А.В. Парламентская элита Тамбовской области как объект и предмет политологического исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 34–41.

³ Евдокимов А.В. Историческая элитология: проблемы историографии и теории // Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели (научная монография) / Е.В. Агарин, Э.В. Баркова, А.В. Богомолов, А.В. Грехов, А.А. Давыдов и др. / Под общ. ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. М., 2019. С. 184–200.

Основные понятия при изучении парламентской элиты Нижегородской области

Основные понятия при изучении парламентской элиты Нижегородской области сформулированы в рамках исторической элитологии. Так как терминологический аппарат данного научного направления еще формируется, то при необходимости в дальнейшем формулировки основных понятий будут корректироваться.

Теперь дадим рабочие определения базовых понятий исторической элитологии применительно к изучению парламентской элиты Нижегородской области: элита, парламентская элита Нижегородской области, контрэлита, антиэлита, субэлита, региональная элита, муниципальная элита, межэлитное взаимодействие, элитный консенсус, ротация элит, межэлитный конфликт, раскол элиты.

Элита – это группа лиц, участвующих в подготовке и принятии управленческих решений в той или иной сфере жизнедеятельности общества и обладающих легитимностью.

Парламентская элита Нижегородской области – это депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации от Нижегородской области, депутаты Законодательного Собрания Нижегородской области, а также депутаты Городской Думы Нижнего Новгорода и других представительных органов местного самоуправления, которые участвуют в подготовке и принятии управленческих решений и обладают легитимностью на муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

Контрэлита – это политически активная группа лиц, целью которой является получение власти путем борьбы с правящей элитой при сохранении существующей политической системы.

Антиэлита – это группа лиц, настроенных радикально по отношению к правящей элите и ставящая целью разрушение существующей политической системы.

Субэлита – это составной элемент элиты. Субэлиты существуют на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Региональная элита – это группа лиц, участвующих в подготовке и принятии управленческих решений в той или иной сфере жизнедеятельности региона и обладающих легитимностью.

Муниципальная элита – это группа лиц, участвующих в подготовке и принятии управленческих решений в той или иной сфере жизнедеятельности муниципалитета и обладающих легитимностью.

Межэлитное взаимодействие – это официальные и неофициальные контакты представителей различных элитных групп или субэлит с целью обсуждения и решения наиболее важных вопросов своей деятельности.

Элитный консенсус – это негласно принятое решение различных элитных групп или субэлит по проводимой политике или решению какого-либо вопроса.

Ротация элит – это частичное или полное обновление элит путем назначения или избрания новых лиц, может быть вертикальной (повышение или понижение в иерархии) или горизонтальной (смена сферы деятельности при сохранении положения в иерархии).

Межэлитный конфликт – это резкое обострение противоречий между элитными группами или субэлитами, которое приводит к борьбе за контроль над ресурсами и влиянием на принимаемые решения.

Раскол элиты – это состояние жесткой конфронтации между элитными группами или субэлитами, которое возникает в результате нерешенности межэлитных конфликтов и невозможности достижения элитного консенсуса.

Цель, задачи, объект и предмет изучения парламентской элиты Нижегородской области

Цель – комплексное изучение закономерностей формирования, обновления и конкретно-исторической деятельности представителей парламентской элиты Нижегородской области в 1991–2021 гг. на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Исходя из цели нам представляется важным решение следующих задач:

1) Сформулировать на основе исторической элитологии теоретико-методологические основы для изучения парламентской элиты Нижегородской области;

2) Показать закономерности формирования парламентской элиты Нижегородской области в 1991–1994 гг.;

3) Обосновать роль института выборов в качестве механизма формирования и обновления парламентской элиты Нижегородской области на разных уровнях;

4) Выявить персональный состав, социально-демографические и социально-профессиональные характеристики представителей парламентской элиты Нижегородской области;

5) Показать специфику бассейна рекрутирования и развития карьерных траекторий представителей парламентской элиты Нижегородской области в изучаемый период;

б) Проанализировать деятельность представителей парламентской элиты Нижегородской области на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Объектом исследования выступает парламентская элита Нижегородской области как историческая и социально-политическая система. Предметом исследования является изучение источников рекрутирования, социально-профессиональных, образовательных, мировоззренческих и других характеристик представителей данной элиты, основных закономерностей ее формирования и обновления.

Методы и классификация источников в рамках изучения парламентской элиты Нижегородской области

Теоретико-методологической основой исследования парламентской элиты Нижегородской области, безусловно, является теория элит, а точнее историческая элитология¹. Здесь только нужно сделать небольшую корректировку в том, что это междисциплинарное научное направление на стыке истории, политологии, а также социальной и политической философии.

В зарубежной и отечественной элитологии биографический метод является одним из основных при изучении правящих элит. К примеру, Н.Ю. Лапина в работе о современной французской политической элите подчеркивает, что «наибольшее распространение во французской элитологии получил биографический метод», в основе которого лежит «изучение социальных источников рекрутирования и карьерных траекторий представителей элитных групп», что позволяет «проследить сдвиги в составе элитного корпуса на продолжительных временных отрезках»².

А.В. Шентякова раскрыла суть применения биографического метода в изучении элит. По мнению исследователя, он включает «способы измерения и оценки историй жизни, рассказанных или сообщенных свидетелем о жизни с точки зрения самих индивидов». В рамках данного метода «часто используют и другие виды данных: данные опросов, протоколы наблюдений, гражданские акты, семейно-исторические документы и т. д.», другими словами «исследователь конструирует биографию из множества источников»³. А.В. Шентякова спра-

¹ Подробнее см.: Евдокимов А.В. Историческая элитология: проблемы историографии и теории. С. 184–200.

² Лапина Н.Ю. Политическая элита современной Франции // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 107.

³ Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 51.

ведливо отмечает, что «биография считается результатом субъективных решений, но эти решения, в определенной степени, зависят от социально-структурных условий, возрастных когорт и исторических событий»¹.

Группа исследователей из Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН в Санкт-Петербурге в 2020 г. провела масштабное исследование бассейна рекрутирования и карьеры региональной политической элиты в современной России. На наш взгляд, данные авторы очень хорошо показали источники информации для сбора биографических данных в рамках изучения элит. Речь в данном случае идет о данных, собранных из открытых источников, к которым относятся «официальные веб-страницы региональных законодательных органов, федеральные и региональные онлайн-справочники («Замполит», «Виперсон.ру», «Руспех», «Российская энциклопедия кандидатов», «ЛФ-Выборы»), интервью и новостные публикации в СМИ», также авторы отмечают, что «значимым источником информации в ряде случаев стали публичные страницы парламентариев в социальных сетях»².

Есть у данного метода и некоторые ограничения и сложности в применении. Н.В. Колесник подчеркивает, что «в процессе воспроизводства биографии элитной группы исследователь сталкивается по меньшей мере с несколькими разновидностями биографий субъекта исследования». Так, «в одном случае автором биографии выступает представитель элитного сообщества, и в эту биографию способны проникать «случайные» факты из его жизни, которые могут искажаться либо осознанно умалчиваться», тогда как «второй тип биографий воссоздается непосредственно исследователем элитного сообщества из различных источников и может иметь прямое и/или косвенное отношение к предмету исследования»³.

Говоря о сложностях эмпирического анализа властных групп, А.В. Шентякова выявляет важную особенность методологии изучения элит: «Элитные группы характеризуются как закрытые и труднодоступные для изучения, что существенно ограничивает возможности применения количественных методов», поэтому «чаще всего для изучения закрытых групп используются качественные методы, такие как метод глубинных не стандартизованных интервью, наблюдение, анализ биографических данных»⁴.

¹ Там же.

² Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 80–81.

³ Колесник Н.В. Биографический метод в изучении элиты // (Авто)биография как объект социологического анализа: Материалы X чтений памяти В.Б. Голофаства, 3–5 апреля 2018 г. / Под ред. О.Б. Божкова. СПб., 2018. С. 136.

⁴ Шентякова А.В. Указ. соч. С. 51.

Кроме того, важное значение имеет применение системного подхода. Ведь парламентскую элиту Нижегородской области можно представить как систему, т.е. «совокупность взаимосвязанных компонентов, отношения (связи) между которыми порождают системное качество»¹.

Помимо использования общенаучных методов, в изучении парламентской элиты Нижегородской области необходимо использовать ряд политологических методов и подходов (исторический, сравнительный, ценностный, нормативно-институциональный и психологический).

Что касается источников по изучению парламентской элиты Нижегородской области, то их можно разделить на неопубликованные и опубликованные. К первым относятся документы, относящиеся к проведенным в изучаемый период выборам на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, хранящиеся преимущественно в Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области.

Ко второй группе относятся многочисленные опубликованные источники: 1) документы парламентских структур Нижегородской области и Российской Федерации, других государственных органов, а также документы представительных органов местного самоуправления; 2) документы политических партий и общественных движений; 3) материалы периодической печати. Многие из этих источников размещены в электронном виде в сети Интернет.

Базовые теоретические проблемы при изучении федерального уровня парламентской элиты Нижегородской области

Говоря о федеральном уровне в рамках изучения парламентской элиты Нижегородской области необходимо указать следующие базовые теоретические проблемы. Во-первых, это выявление персонального состава депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации от Нижегородской области. Во-вторых, это анализ их социально-демографических и социально-профессиональных характеристик, в том числе сравнительный анализ в динамике в течение всего периода с 1993 по 2021 гг. В-третьих, это определение источников и критериев их рекрутирования в парламентскую элиту на федеральном уровне.

В-четвертых, это анализ законотворческой деятельности обозначенных представителей парламентской элиты на федеральном уровне. В-пятых, это определение типа карьеры и анализ карьерных траекторий депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации от Нижегородской области. Сюда же можно отнести влияние законодательного опыта на дальнейшую карьерную

¹ Современная политическая наука: Методология: научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2020. С. 219.

траекторию того или иного представителя парламентской элиты Нижегородской области в законодательной или в исполнительной власти Российской Федерации или конкретного региона либо сохранение статуса на федеральном уровне. В-шестых, это выявление психологических особенностей обозначенных представителей элиты и реконструкция их мировоззренческой основы и ценностных ориентаций.

Базовые теоретические проблемы при изучении регионального уровня парламентской элиты Нижегородской области

Говоря о региональном уровне в рамках изучения парламентской элиты Нижегородской области необходимо указать следующие базовые теоретические проблемы. Во-первых, это выявление персонального состава депутатов Законодательного Собрания Нижегородской области. Во-вторых, это анализ их социально-демографических и социально-профессиональных характеристик, в том числе сравнительный анализ в динамике в течение всего периода с 1994 по 2021 гг. В-третьих, это определение источников и критериев их рекрутирования в парламентскую элиту на региональном уровне.

В-четвертых, это анализ законотворческой деятельности обозначенных представителей парламентской элиты на региональном уровне. В-пятых, это определение типа карьеры и анализ карьерных траекторий депутатов Законодательного Собрания Нижегородской области. Сюда же можно отнести влияние законодательного опыта на дальнейшую карьерную траекторию того или иного представителя парламентской элиты Нижегородской области. Насколько от этого опыта зависело перемещение депутата на федеральный уровень или в исполнительную власть Российской Федерации или конкретного региона либо сохранение статуса на региональном уровне. В-шестых, это выявление психологических особенностей обозначенных представителей элиты и реконструкция их мировоззренческой основы и ценностных ориентаций.

Базовые теоретические проблемы при изучении муниципального уровня парламентской элиты Нижегородской области

Говоря о муниципальном уровне в рамках изучения парламентской элиты Нижегородской области необходимо указать следующие базовые теоретические проблемы. Во-первых, это выявление персонального состава депутатов Городской Думы Нижнего Новгорода и других представительных органов местного самоуправления в Нижегородской области. Во-вторых, это анализ их социально-демографических и социально-профессиональных характеристик, в

том числе сравнительный анализ в динамике в течение всего периода с 1994 по 2021 гг. В-третьих, это определение источников и критериев их рекрутирования в парламентскую элиту на муниципальном уровне.

В-четвертых, это анализ законотворческой деятельности обозначенных представителей парламентской элиты на муниципальном уровне. В-пятых, это определение типа карьеры и анализ карьерных траекторий депутатов Городской Думы Нижнего Новгорода и других представительных органов местного самоуправления в Нижегородской области. Также сюда же можно отнести влияние законодательного опыта на дальнейшую карьерную траекторию того или иного представителя парламентской элиты Нижегородской области. Насколько от этого опыта зависело перемещение депутата на региональный или федеральный уровень или в исполнительную власть РФ, конкретного региона либо сохранение статуса на муниципальном уровне. В-шестых, это выявление психологических особенностей обозначенных представителей элиты и реконструкция их мировоззренческой основы и ценностных ориентаций.

Теоретическая и практическая значимость изучения парламентской элиты Нижегородской области

Теоретическая значимость результатов изучения парламентской элиты Нижегородской области состоит в обосновании и развитии нового междисциплинарного научного направления – исторической элитологии, которое значительно обогатит фундаментальную науку и предоставит исследователям и обществу большой массив научных знаний по изучаемой проблематике. Также результаты исследования могут быть внедрены в учебный процесс в высших учебных заведениях в рамках общих и специальных курсов по всем направлениям подготовки студентов всех форм обучения в рамках изучения исторических, политологических и других социально-гуманитарных дисциплин, в том числе в курсе «Основы российской государственности».

Практическая значимость результатов изучения парламентской элиты Нижегородской области состоит в том, что они могут быть использованы в экспертно-аналитической деятельности при подготовке практических рекомендаций по решению широкого круга социально-политических проблем современного российского общества, а также в работе органов государственной власти Российской Федерации, Нижегородской области, органов местного самоуправления, политических партий и общественных организаций.

В заключении необходимо отметить, что анализ парламентской элиты Нижегородской области представляет интерес с точки зрения изучения института выборов как механизма формирования и обновления федеральной, региональ-

ной и муниципальной элиты Российской Федерации. Приведенный нами обзор исследовательской литературы по изучаемой тематике показал отсутствие комплексного исследования закономерностей формирования, обновления и конкретно-исторической деятельности представителей парламентской элиты Нижегородской области в 1991–2021 гг. на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В рамках исторической элитологии и политической науки нами предложен новый термин, дано его авторское определение, показаны объект, предмет, цель и задачи изучения, сформулированы теоретико-методологические основы, а также базовые теоретические проблемы и основные направления наших дальнейших исследований парламентской элиты Нижегородской области.

Список источников и литературы

1. Борисов С.В., Дахин А.В., Макарычев А.С. Без победителя: выборы мэра Нижнего Новгорода // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 83–94.
2. Булатов А.Г. Региональные элиты как кадровый резерв для федеральных органов государственной власти: механизмы и принципы рекрутирования // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8, № 5(35). С. 93–96.
3. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 76–122.
4. Ветренко И.А., Жуков И.К. Региональная политическая элита: основные тенденции в системе рекрутирования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 3. С. 62–73.
5. Григорьев Н.А., Шарин И.А. Муниципальная политическая элита в системе российской власти // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2021. № 2 (22). С. 54–58.
6. Дахин А.В. Трансформации административно-политической элиты и становление структуры политической конкуренции в регионе в 1991–2005 гг. // Регионология. 2012. № 1 (78). С. 20–32.
7. Дахин А.В. Трансформации региональных элит (на примере Нижегородской области) // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 108–119.
8. Евдокимов А.В. Историческая элитология: проблемы историографии и теории // Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели (научная монография) / Е.В. Агарин, Э.В. Баркова, А.В. Богомо-

лов, А.В. Грехов, А.А. Давыдов и др. / Под общей редакцией А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. М., 2019. С. 184–200.

9. Заможных Е.А. Муниципальная элита в системе местного самоуправления в современной России: Автореферат дис. ...кандидата политических наук: 23.00.02. Ставрополь, 2009. 22 с.

10. Занозина Я.С., Плиткина В.М., Фоменков А.А. Первый опыт участия в постсоветских парламентских выборах в Нижегородской области: страницы политической истории // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 2. С. 37–41.

11. Зимин А.В., Юдина О.С. Парламентская элита Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в условиях новейших вызовов // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 269–277.

12. Зимин А.В. Парламентская элита Тамбовской области как объект и предмет политологического исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 34–41.

13. Зорина Т.А., Фоменков А.А., Шарова Ю.В. Страницы региональной политической истории: особенности выборной кампании в Городскую думу города Нижнего Новгорода в 2000 году // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: Материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. О.Б. Истомина. Иркутск, 2021. С. 274–281.

14. Интеллектуальная элита Нижегородской области. 1918–1998. Научно-справочное издание. Н. Новгород, 1998. 356 с.

15. Казаков М.А. Процесс становления региональных политических элит России. Нижний Новгород, 2010. 147 с.

16. Колесник Н.В. Биографический метод в изучении элиты // (Авто)биография как объект социологического анализа: Материалы X чтений памяти В.Б. Голофаства, 3–5 апреля 2018 г. / Под ред. О.Б. Божкова. СПб., 2018. С. 135–145.

17. Крылова А.В., Мишин В.В., Рыбкина О.С., Фоменков А.А., Яскевич В.М. Выборные кампании в Законодательное собрание Нижегородской области и Городскую думу Нижнего Новгорода // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2015. № 2 (109). С. 283–287.

18. Кураков Д.В. Некоторые аспекты формирования новой политической элиты российской провинции (на материалах Нижегородской губернии) // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всероссийской научной конференции (15 декабря 2015 г., Самара, СамГТУ). Вып. 2 / Под ред. Е.Ю. Семеновой; ред. кол.: А.Б. Бирюкова, А.В. Богачев. Самара, 2015. С. 165–168.

19. Кураков Д.В. Оппозиционное движение советской контрэлиты весной – летом 1917 г. в Нижегородской губернии // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XV Междунар. науч. конф., Иваново, 23–24 марта 2016 г.: в 2 ч. Иваново, 2016. Ч. 2. С. 464–470.
20. Кураков Д.В. Советская политическая элита и пути ее формирования весной 1917 г. (на материалах Нижегородской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (41). С. 13–23.
21. Кураков Д.В. Финансовое положение советской политической элиты Нижегородской губернии с февраля по октябрь 1917 г. // История: факты и символы. 2016. № 4. С. 105–114.
22. Лапина Н.Ю. Политическая элита современной Франции // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 105–126.
23. Лубяной М.С., Фоменков А.А., Шутова О.А. Избрание главы Нижнего Новгорода в 2017 году: к вопросу о партийной системе региона и иных значимых политических акторах // Государственная региональная политика в сфере местного самоуправления: Сборник научных трудов межрегиональной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2021. С. 99–101.
24. Макарычев А.С. Политико-правовые проблемы взаимоотношений федеральной, региональной и муниципальной властей: нижегородский вариант // Регион в составе Федерации: политика, экономика, право. Н. Новгород, 1998. С. 242–252.
25. Мозгунова Е.А. Становление и развитие избирательной системы Российской Федерации в контексте эволюции норм электорального законодательства: Автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Нижний Новгород, 2006. 30 с.
26. Мохов В.П. Местная политическая элита в России: понятие, структура, численность // PolitBook. 2012. № 4. С. 19–33.
27. Нижегородская элита – XX век. Региональный энциклопедический биографический словарь. Н. Новгород, 2001. 308 с.
28. Николаев А.Б., Поливанов О.А. Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 57–66.
29. Пахомова Е.А., Фоменков А.А. Страницы новейшей политической истории Нижнего Новгорода: выборы в Городскую думу второго созыва // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994), Михаил Андрианович Садаков (1916–1993): Материалы II Всероссийской с международным участием научной конференции; Ижевск, 13 апреля 2021 г. / отв. ред. и сост. В.В. Пузанов, Д.В. Репников. Ижевск, 2021. С. 413–417.

30. Политическая элита Нижегородской области, 1917–1995: научно-справочное издание. Нижний Новгород, 1995. 76 с.
31. Полякова Ю.С. Политические элиты Приволжского федерального округа: позиционирование во власти на региональном уровне и основные модели взаимодействия с центром: Автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Нижний Новгород, 2009. 27 с.
32. Промышленно-хозяйственная элита Нижегородской области, 1917–1996: Науч.-справ. изд. Н. Новгород, 1996. 254 с.
33. Сапон В.П. Февраль 1917 г. в Нижнем Новгороде: массы и элита // Революция и современность: Материалы научно-практической конференции 3 марта 2017 г. / отв. ред. А.Г. Аннин, Р.В. Евстафьев. Владимир, 2017. С. 104–107.
34. Сапон В.П. Формирование региональной советской элиты в 1918–1921 гг.: «новые слои партии» против «засидевшихся, оторвавшихся от масс работников» (по материалам Нижегородской губернии // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: Сб. науч. тр. / под ред. О.В. Горбачева и Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2018. С. 193–204.
35. Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001. 314 с.
36. Селезнёв Ф.А., Евдокимов А.В., Сорокин А.А. Нижегородцы и Государственная Дума: история и современность: монография. М., 2021. 256 с.
37. Современная политическая наука: Методология: научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2020. 776 с.
38. Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 46–56.
39. Шкель С.Н. Политические установки муниципальных элит в современной России (на примере муниципалитетов Пермского края) // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 119–134.

ОБНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ 2» В СВЕТЕ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КАРЛА ШМИТТА

В.А. Берендеев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
weiss-tiger@yandex.ru

В настоящем исследовании рассмотрены поправки в Конституцию РФ, принятых по итогам общероссийского голосования в 2020 г., представлено в контексте наиболее актуальных для России составляющих научного наследия немецкого политического мыслителя и юриста Карла Шмитта. В частности, в их число входят шмиттовские политическая теология, учение о суверенитете и суверене, политическая интерпретация феноменов «друга» и «врага», классическое понимание «прав народа», концепция «большого пространства», а также теория «чистой конституции». Как видится, именно эти философско-политические и государственно-правовые идеи К. Шмитта получили наиболее развернутое практическое выражение в соответствующих статьях обновленного Основного закона России.

Ключевые слова: поправки в Конституцию РФ, «чистая конституция», государственный суверенитет, суверен, децизионизм, «друг» и «враг», «права народа», «большое пространство», «политическая теология», шмиттианство.

Начавшееся на Западе в период Нового времени «победное шествие» буржуазного конституционализма прямо вытекало из необходимости практической реализации ключевых составляющих самой либеральной идеологии. Однако при всей демократизации общественно-политического строя в наиболее «развитых» странах мира, так называемое «цивилизационное человечество», столкнулось, тем не менее, и с проблемой «диктатуры нового типа». Ее суть заключается в том, что являясь «невидимым», подобное господство, в то же время, всегда содействует разрушению традиционных социально-политических и иных основ бытования тех социумов, в которых оно, так или иначе, проявилось. В свою очередь, воплощение в жизнь провозглашенных в буржуазных конституциях лозунгов о «свободе, равенстве и братстве», а также «правах и свободах человека и гражданина» показало, что они, в большей степени, являются юридической фикцией. Необходимо заметить, что последняя получила серьезнейшее развитие после распространения в либеральных политико-правовых учениях идей позитивизма, который в нынешнее время продолжает получать развитие в социально-гуманитарном знании, являясь, как правило, основой и для осмысления феномена конституции как базового закона государства.

Достаточно очевидно, что эти и подобные им юридические особенности присущи Основным законам всех современных либеральных демократий, по-

сколькx «правлящие круги» Западного мира стремятся максимально ограничить национальный суверенитет всех стран, в той или иной степени подконтрольных англосаксонскому сообществу. Поэтому вполне закономерно, что указанные силы, стремясь провести интернационализацию конституционного права во всем мире, даже пытаются противодействовать присущей современной Российской Федерации тенденции по его, условно говоря, «национализации». Так, например, «коллективный Запад», объявив России в 2014 г. «холодную войну 2», считает неприемлемыми любые попытки вносить государственнические поправки в законы РФ¹. Именно в этой связи Совет Европы, по сути, потребовал осуществить разделение внешнего суверенитета нашей страны, вменяя ей в вину то, что российский Президент В.В. Путин в декабре 2015 г. подписал закон, дающий право Конституционному суду РФ объявлять неконституционными решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ)².

Следует подчеркнуть, что, в соответствии с установлениями классического международного права, подобные требования евро-атлантических структур к российской демократии не имеют (и никогда не имели) под собой никаких действительно значимых юридических оснований. Тем более что обновление правовых основ системы российской государственности в первоначальной редакции Основного закона РФ 1993 г. было отражено именно в либеральном ключе³. Более того, этот своеобразный «статус-кво» сохранялся более двадцати лет, даже несмотря на то, что, в ходе практической реализации ключевых положений Конституции РФ, стала достаточно очевидной ее неоднозначность по целому ряду важных для нормального функционирования российского общества моментов. Так, в частности, возобладание либерального видения конституционного строительства в России привело к очевидному ослаблению, как внутренней, так и внешней составляющих суверенитета страны, а также к нивелированию, в ходе осуществления в РФ приоритетов внутренней политики образца 1990-х гг., ряда ключевых гарантий для абсолютного большинства россиян.

Поэтому представляется вполне закономерным, что, в условиях усиления в середине 2010-х гг. ряда – как внутренних, так и внешних – «вызовов» нацио-

¹ См., например: Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201512150010.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

² Совет Европы призвал Россию изменить закон о Конституционном суде. 11.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/498122> (дата обращения: 05.10.2023).

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://konstitucija.ru/1993/1/> (дата обращения: 05.10.2023).

нальной безопасности РФ, возникла насущная необходимость в упрочении суверенитета нашей страны во всех его проявлениях. Таким образом, как уже отмечалось, поворотным моментом здесь стала начавшаяся в 2014 г. «холодная война 2», в условиях которой в российском правовом поле и начало закрепляться вышеуказанное верховенство законов РФ над международным правом. Более того, по предложению Президента РФ, в 2020 г. в Конституцию нашей страны были внесены изменения, связанные, в первую очередь, с укреплением позиций Российского государства во всех ключевых областях его функционирования¹. Важно заметить, что указанные президентские поправки в Основной закон России были, в свою очередь, согласованы в полном соответствии с принципами классической демократии и одобрены гражданами нашей страны на всенародном голосовании. Это не может не свидетельствовать об ожидании россиянами внесения целого ряда государственных изменений в Конституцию РФ, принятие которых назрело, как минимум, сразу после начала «холодной войны 2».

Вполне очевидно, что при обновлении Основного закона РФ тогда активно использовалась не только собственно российская консервативная правовая идеология, но и соответствующая традиция зарубежной континентальной Европы. В свою очередь, не будет преувеличением сказать, что последнее направление политико-правовой мысли максимально цельно представлено в научном наследии известного философа и юриста-международника Карла Шмитта (1888–1985) – крупнейшего представителя классического немецкого консерватизма в XX в.

Предваряя анализ рассмотрения К. Шмиттом нюансов теории суверенитета и осмысления им феномена конституции, следует остановиться на его «политико-теологической» концепции, а также принципиально важном – в данном контексте – понимании самой категории «политическое».

Здесь, в первую очередь, необходимо отметить тот факт, что столь глубокий научный интерес к шмиттовской «политической теологии» вызван, в частности, тем, что именно Карл Шмитт в современной России оказался самым популярным в стране политическим теологом. Так, на рубеже XX–XXI вв. в российском интеллектуальном пространстве он был обозначен не только как знаковый «политический философ и теоретик права», но и как мыслитель, соответствующей концепцией которого отечественные «ветские социологи и философы заполнили своеобразную нишу, начав определять, что называть в России политической

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutionrf.ru/constitutionrf.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

теологией¹. Как думается, такое внимание к данной проблематике достаточно убедительно объясняется тем, что оригинальная шмиттовская политическая теология – это проект критики модерна и секуляризации, суть которого не только в обнаружении теологических корней современных политических понятий, но и в возвращении к «подлинному» пониманию политического, которое должно соотноситься с «правильной» метафизикой. Кроме того, здесь не мог не вызвать соответствующую заинтересованность и вывод К. Шмитта о том, что отрицание базовых положений классического христианского богословия, свойственное современному западному человеку, в конечном итоге разрушает весь социальный порядок, что можно видеть на примере последствий деятельности «многочисленных сект, еретиков, романтиков и анархистов»².

В целом, представляется, что особую актуальность шмиттовскому прочтению «политической теологии» придает наличие в ней принципиального для ортодоксального христианского теолога тезиса о воплощении образа «провиденциального врага» традиционного человечества и «решающем сражении» Добра и Зла. По мнению К. Шмитта, указанный мистический персонаж наиболее опасен именно в «неполитическом» или даже «антиполитическом» облачении, так как именно он обладает «невидимой», «анонимной», «замаскированной» властью. Многие рядовые граждане различных стран мира, находящиеся под впечатлением от того, что якобы наступила долгожданная «эпоха безопасности», здесь склонны полагать, что вездесущее планетарное правительство будет надежно защищать их интересы во всех сферах жизни общества, и не могут даже допустить мысли о том, что «провидение» теперь изготавливается как некое учреждение³. С точки зрения Шмитта, это порождено, в первую очередь, противоречиями «между материализмом и духовностью», свойственными для «механистического интеллекта Запада», который уже давно утратил «свою душу»⁴. Поэтому современное Западное сообщество характеризует именно «неполитическое мировоззрение», в котором присутствуют культура, цивилизация, экономика, мораль, право, искусство, развлечение, но, одновременно, отказано в праве существования политике и государству. Этот «несерьезный мир буржуа» не предполагает, по определению, наличие высо-

¹ Шишков А. Почему в теологии Карла Шмитта нет Бога? 17.03.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/pochemu-v-teologii-karla-shmitta-net-boga/> (дата обращения: 05.10.2023).

² Там же.

³ Коринец Ю.Ю. Карл Шмитт об антихристе // Коринец Ю.Ю. Некоторые идеи Карла Шмитта. 15.05.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zlev.ru/index.php?article=872&номер=17&p=article> (дата обращения 05.10.2023).

⁴ Бенуа А., де. Артур Меллер ван ден Брук. Биография консерватора / Пер. с фр. А. Игнатъева. 27.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/270210140128.xhtml> (дата обращения 05.10.2023).

ких идеалов, ради которых человек мог бы пожертвовать своей жизнью. В свою очередь, индивид, который принимает такие правила социального существования, не только утрачивает способность ставить вопрос об истине, но и прекращает свое бытие в качестве человека. Таким образом, по мысли К. Шмитта, утверждение морального и теологического неизбежно приводит и к укоренению политического, а наличие «решающего выбора между Богом и сатаной в области теологического “соответствует” неизбежность различения друга и врага в политической сфере»¹.

Таким образом, восстановление объективности в понимании мира политического стало для Карла Шмитта задачей особой важности, поскольку именно с указанной сферой этот мыслитель связывал суть общественного бытия человечества. Так, «специфически политическое различие», по шмиттовскому мнению, всегда выражается в четком выявлении ведущих борьбу на взаимное уничтожение «друга» (“amicus”) и «врага» (“hostis”)². Причем Шмитт здесь подчеркивал, что политический враг отнюдь не обязательно должен быть морально зол, эстетически безобразен, или же являться хозяйственным конкурентом, поскольку он – «именно иной, чужой, а для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое»³. В свою очередь, важнейшим условием обеспечения политического единства всегда является способность той или иной социальной группы определить и исключить «внутреннего врага»⁴. К. Шмитт здесь также уточнял, что «враг» – «есть только публичный враг», некая борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такому же политическому объединению⁵. Революционность указанных соображений, как думается, исчерпывающим образом была охарактеризована соответствующим высказыванием прошедшего «Великую войну» философа-солдата Эрнста Юнгера (1895–1998). Именно последний заметил, что его другу – Карлу Шмитту – «удалось особое изобретение в области военной техники: мина, которая взрывается бесшумно» и производит «разрушение» еще до того момента, когда произошедшее становится «общеизвестным фактом»⁶.

Вполне закономерно, что государство в шмиттовской концепции выступает как главенствующее, основополагающее политическое единство⁷. Данное про-

¹ Коринец Ю.Ю. Карл Шмитт об антихристе.

² Шмитт К. Понятие политического (Текст 1932 г.) // Шмитт К. Понятие политического: Сборник / Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб., 2016. С. 301.

³ Там же. С. 302.

⁴ Там же. С. 321–322.

⁵ Там же. С. 304.

⁶ Кристоферсен А. О переписке Эрнста Юнгера и Карла Шмитта. Ч. 2 / Пер. с нем. А. Игнатьева. 18.01.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://rossia3.ru/politics/foreign/perepiska> (дата обращения 05.10.2023).

⁷ Шмитт К. Понятие политического. С. 321–322.

чтение феномена главного политического института объясняется безусловным преобладанием последнего перед хозяйственными, профсоюзными и иными общественными объединениями, что делает по отношению к нему второстепенными все виды внутригосударственного разделения¹. Важно подчеркнуть, что обладая правом объявления и ведения войны («*jus belli*»), именно государство выступает в роли субъекта, имеющего исключительное право решать, является ли имеющее место противоречие «политическим» и кто может считаться «другом», а кто – «врагом»².

Необходимо заметить, что политическая сфера, с точки зрения К. Шмитта, действительно уникальна и не может регулироваться стандартным образом³. Поэтому применительно к политико-правовой области он выступал как убежденный децизионист – сторонник определяющей роли «решения» («*Dezision*»), не приемлющий в политической жизни характерных для либералов нормативистских установок, в соответствии с которыми государство, возникшее по итогам общественного договора, не может выходить за пределы полномочий, предоставленных ему гражданским обществом⁴. В эпохальном труде «Политическая теология», поясняя свое общее учение о государстве, К. Шмитт, в частности, подчеркнул: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»⁵. Этот единый носитель власти в шмиттовской концепции стоит над законом, что играет особую роль в случае серьезной внутренней или внешней угрозы, когда не ограниченные существующими правовыми нормами действия указанного властителя как раз и делают возможным нормальное функционирование правопорядка.

Разумеется, что Карл Шмитт, проводя анализ понятия «суверенитет», не мог не опираться на достижения своих предшественников. Так, он в качестве примера взаимосвязи понятий суверенитета и чрезвычайного положения приводил учение об абсолютной и непрерывной власти государства французского политического мыслителя Жана Бодена (1530–1596)⁶. В целом, К. Шмитт не увидел особой новизны большинства тезисов последнего, однако вывел в качестве решающего в рассуждениях Ж. Бодена то, что «рассмотрение отношений между государем и сословными представителями он сводит к простому или-или,

¹ Там же. С. 315–319.

² Там же. С. 321–322, 326–329.

³ Там же. С. 305–312.

⁴ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете (Текст 1922 г.) // Шмитт К. Политическая теология: Сборник / Переводы с нем., заключит. статья и составление А.Ф. Филиппова. М., 2000. С. 15–18.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же. С. 9, 18–20.

именно благодаря тому, что указывает на случай крайней необходимости»¹. Таким образом, Боден вполне справедливо был обозначен Шмиттом как «сновоположник современного учения о государстве, поскольку именно он понял суверенитет как «неделимое единство» и окончательно прояснил вопрос о власти в государстве, актуализируя элемент решения в понятии суверенитета². В качестве же примера истинно «децизионистского» типа «юридической научности» К. Шмитт привел позицию английского классика государствоведения Томаса Гоббса (1588–1679)³. Шмитт в этой связи подчеркнул объективность гоббсова толкования суверенитета, поскольку именно оно увязало децизионизм с персонализмом и отклонило все попытки заменить конкретный государственный суверенитет абстрактно действующим порядком⁴.

Далее, обращаясь к осмыслению К. Шмиттом проблемы государственного суверенитета применительно к международным отношениям, следует остановиться на соответствующих положениях его геополитической теории. В ней международное право К. Шмитт рассматривал с позиции «прав народов» («*jus gentium*») и четко увязывал персонально характеризующий то или иное этнополитическое объединение некий конкретный порядок с его принадлежностью к народу и государству. Шмитт здесь также уточнял, что «подчиненный понятию народа международно-правовой принцип порядка является правом народов на самоопределение»⁵.

Весьма примечательным моментом в шмиттовском геополитическом учении является использование «историко-политического» понятия «большое пространство» («*Grossraum*»), в котором отражается изменение представлений о пространстве Земли и его размерах в рамках сегодняшнего всемирно-политического развития. Поясняя идею «большого пространства», Шмитт призывал видеть в нем «прежде всего связанное пространство достижения», над которым властвует «рейх» – то или иное полностью суверенное национальное государство, характеризующееся «правовым порядком на основе уважения каждой народности» в своем составе. Понятие «рейха» обязательным образом включает в себя ведущие и несущие силы («*Machte*»), политическая идея которых «излучается в определенном большом пространстве», применительно к которому принципиально исключены интервенции чуждых ему сил⁶. Непреходящая актуальность последнего

¹ Там же. С. 18.

² Там же. С. 18–19.

³ Там же. С. 10, 53–56.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил; к понятию рейха в международном праве (Текст 1941 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/101/101_67.htm (дата обращения 05.10.2023).

⁶ Там же.

шмиттовского тезиса подтверждается достаточным количеством примеров того, как ведущие державы Западного мира, следующие захватническому закону геополитического бытия – «номосу» Моря, своими агрессивными действиями вносили в международные отношения серьезнейший дисбаланс сил, приводивший даже к мировым войнам¹. Сегодня этими геополитическими фигурами, типично морскими в правовом отношении и в разборе пространственного аспекта, по-прежнему избирается «свободный путь для абсолютной вражды, которая займется делом уничтожения», пафосно провозглашаемым либеральными идеологами войной с «последним врагом человечества вообще»². В целях предотвращения разрастания подобного рода конфликтов, К. Шмитт как раз и предложил практическую реализацию вышеупомянутой идеи «большого пространства»³. Именно для этого, с его точки зрения, и должно быть осуществлено «разделение Земли на многие большие пространства, наполненные своими историческими, хозяйственными и культурными субстанциями»⁴.

Однако в условиях нынешнего агрессивного продвижения коллективным Западом идеи постмодернистского неокapитализма, а также начала практики по его построению, традиционалистски ориентированным странам становится все сложнее отстаивать свои суверенитет и территориальную целостность. Это связано, в частности, и с тем, что на Западе в эпоху постмодерна концепция прав народа была постепенно заменена на юридический конструкт «права человека», абсолютно не привязанный к социальному, национальному и религиозному в их классическом понимании. Поэтому уже приходится говорить о том, что появилась универсальная концепция прав человека – жителя планеты Земля и универсальная технологическая система общения, которые являются предпосылками к возможному формированию единой геоментальности человечества⁵. Однако соответствующая мировая практика уже достаточно наглядно продемонстрировала, что данное, безусловно деструктивное, прочтение идеи «прав человека» может лишь усиливать противоречия, существующие сегодня в об-

¹ Шмитт К. Земля и Море (Текст 1981 г.) // Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum* / Под ред. Д. Кузницына; пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца. СПб., 2008. С. 573–639.

² Шмитт К. Теория партизана (Текст 1962 г.) / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М., 2007. С. 37, 143, 140.

³ Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил; к понятию рейха в международном праве (Текст 1941 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/101/101_67.htm (дата обращения 05.10.2023).

⁴ Шмитт К. Последняя глобальная линия (Текст 1943 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/poslednyaya-globalnaya-liniya> (дата обращения 05.10.2023).

⁵ Андрианова Т.В. Геополитика и культура: Аналитический обзор. 2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-i-kultura-analiticheskiy-obzor/viewer> (дата обращения: 05.10.2023).

ласти международных отношений. Более того, сложившаяся здесь ситуация приводит к развязыванию все новых вооруженных конфликтов, которые, в конечном счете, могут спровоцировать даже начало новой глобальной войны.

Итак, в свете всего вышесказанного, представляется совершенно необходимым обращение, как к пониманию Карлом Шмиттом либерального прочтения феномена Основного закона, так и к его указаниям на важность практической реализации идеи так называемой «чистой конституции»¹.

Принципиальное значение здесь приобретает весьма обстоятельное рассмотрение указанных вопросов, присутствующее в ранних шмиттовских работах, время появления которых совпадает с периодом существования Веймарской республики. Как известно, именно тогда им были написаны такие труды, как «Политический романтизм» (1919–1925), «Диктатура» (1921), «Политическая теология» (1922), «Римский католицизм и политическая форма» (1923), «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» (1923), «Понятие политического» (1927–1932), «Учение о конституции» (1928), «Государственная этика и плюралистическое государство» (1930), «Гарант конституции» (1931), «Легальность и легитимность» (1932).

Как представляется, особую убедительность шмиттовской политико-конституционной теории придает не только четкая историцистская позиция ее автора, но и характерный для него практически ориентированный «классический» консерватизм. В частности, отечественный исследователь О.В. Кильдюшов в этой связи отметил, что Шмитт не рассматривал право как некую закрытую и автономную систему, справедливо указывая на его связь с политической ситуацией и ставя вопрос о самих основах права и его исторической эволюции². Кроме того, известно, что К. Шмитт попытался решить весьма непростую задачу по спасению Германского государства от характерной для современной ему континентальной Европы «изменчивой романтизации чуждых форм»³. Очевидно, что именно здесь и находятся истоки его резкой критики, условно говоря, веймарской «неопределенности» и последующей поддержки им авторитарной «решительности». Все это и привело Шмитта к тому, что можно оценить как трагический выбор между либерализмом и диктатурой, направленный против

¹ Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) (Текст 1928 г.) // Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2010. С. 37.

² Кильдюшов О.В. Читая Шмитта // Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2010. С. 18.

³ Шмитт К. Политический романтизм (Текст 1925 г.) / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца, под ред. Б.М. Скуратова, послесловие А.Ф. Филиппова. М., 2015. С. 25.

духа времени и предопределивший неуместность и неуспешность его политических действий в стратегическом плане¹.

Следует заметить, что до середины 1930-х гг. К. Шмитту, благодаря его неприятию веймарского либерализма, сопутствовал карьерный успех. Так, он получил должность прусского государственного советника, возглавил имперскую секцию преподавателей права в высшей школе, а также был назначен главным редактором журнала «Немецкое право». Однако этот взлет был весьма недолгим и закончился после того, как Шмитт стал неугоден ряду нацистских властителей Германии в связи с его «юдофильским политическим католицизмом»². Достаточно очевидно, что под последним богоборчески настроенные новые правители страны понимали именно шмиттовский христианский консерватизм, который для интеллектуальной элиты Третьего рейха считался недопустимым ни при каких обстоятельствах.

В свою очередь, факт продолжения преследований Карла Шмитта в послевоенный период может вызывать удивление лишь на первый взгляд. Исчерпывающе проясняет данную ситуацию сама специфика притеснений этого ученого после падения гитлеровской Германии. Так, Шмитт был дважды интернирован англо-американскими оккупационными властями, на него обрушилось демонстративное публичное негодование ведущих западных общественных деятелей, а шмиттовской университетской карьере был обеспечен полный крах³. Примечательно, что со стороны Советской военной администрации в Германии (СВАГ) К. Шмитту не было предъявлено никаких обвинений. Его биографы здесь приводят лишь известный своей анекдотичностью разговор этого мыслителя с майором из СВАГ, в котором последний упрекнул Шмитта в том, что он, «немецкий интеллигент», все-таки смог пойти на сотрудничество с нацистами⁴. Однако серьезность этой встречи заключалась в том, что вышеупомянутый советский офицер не мог не иметь отношения к военной контрразведке «СМЕРШ». Как известно, на подконтрольной СССР территории Германии перед данной спецслужбой была поставлена задача по розыску и аресту нацист-

¹ Сапрыкин Д. Карл Шмитт: философ-радикал. Трагический выбор между либерализмом и диктатурой. 17.08.2000 [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/politics/grammar/20000817_saprykin-pr.html (дата обращения: 05.10.2023).

² Михайловский А.В. Биографический пазл: Райнхард Меринг о «взлете и падении» Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 3. С. 75.

³ Филиппов А.Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология: Сборник / Переводы с нем., заключит. статья и составление А.Ф. Филиппова. М., 2000. С. 270–271.

⁴ Там же. С. 259–260.

ского руководства и всех подобных преступников, подлежащих задержанию¹. Поэтому сотрудники «СМЕРШ» обязательно арестовали бы Шмитта, если бы он действительно был причастен к злодеяниям властей Третьего рейха.

Из всего вышесказанного следует, что «старый» консерватор Карл Шмитт был именно ученым, а не глашатаем и, тем более, крупным функционером нацистского режима, как его пытались представить мировой общественности англосаксонские идеологи, никогда не забывающие о базирующейся на христианской «политической теологии» шмиттовской критике теории и практики либеральной демократии. Впрочем, время и здравый смысл смогли оправдать идеи К. Шмитта. Глубина его выводов вполне закономерно привела к тому, что сегодня шмиттианские аргументы с одинаковым успехом используются как правыми, так и левыми политическими мыслителями и теоретиками государственного права в Европе и за ее пределами².

Таким образом, если исходить из особенностей рассмотренной выше «политической теологии» Карла Шмитта, то становится достаточно очевидной его приверженность христианской ортодоксии, пусть и существующей, формально, в рамках «старого» католицизма. Именно отсюда и следует непреходящая ценность шмиттовских социально-политических и правовых взглядов, которые представляются диаметрально противоположными содержанию доктрины современного либерализма, преисполненной, как явно богоборческой «светскости», так и тщательно скрываемой антигуманности. Поэтому политико-конституционные воззрения К. Шмитта вполне допустимо рассматривать как едва ли не единственную в XX в. серьезную попытку защитить все более нивелирующиеся в данной области идеалы классического гуманизма, без которых невозможно и объективное рассмотрение феномена Основного закона, и соответствующее правоприменение.

Как известно, в плане рассмотрения политико-конституционных идей К. Шмитта наиболее значимым является его вышеупомянутое «Учение о конституции»³. Достаточно очевидно, что последнее было написано не только применительно к познанию феномена Основного закона как такового, но и

¹ Александр Зданович: взятие Берлина стало вершиной боевой работы СМЕРШ. Интервью РИА «Новости» научного сотрудника НИИ военной истории Академии Генерального штаба Вооруженных сил России, генерал-лейтенанта ФСБ в отставке А.А. Здановича. 19.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200419/1570239610.html> (дата обращения: 05.10.2023).

² Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 159.

³ Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) (Текст 1928 г.). С. 33–236.

должно было создать основу для переосмысления принятой в Германии в 1919 г. так называемой «Веймарской конституции»¹.

Как уже отмечалось, шмиттовская политико-правовая концепция в первую очередь интересна тем, что уделяет особое внимание разъяснению понятия «суверенитет», которое, в свою очередь, является ключевым в рамках любой конституции. Именно поэтому шмиттовские труды уже с начала 1920-х гг. были наполнены критикой в адрес теории «чистого права», пропагандируемой нормативистски настроенными мыслителями. Так, Карл Шмитт в этом плане крайне скептически оценивал концепцию видного австрийского юриста Ганса Кельзена (1881–1973). С одной стороны, Шмитт нашел в его учении в чем-то родственный своим взглядам момент, упоминая в этом качестве кельзеновское указание на методическое родство теологии и юриспруденции. Однако, с другой стороны, К. Шмитт, по сути, обвинил своего коллегу в создании пусть и достаточно стройной, но на деле безжизненной политико-правовой концепции, акцентируя внимание на том факте, что Кельзен разрешает проблему понятия суверенитета тем, что отрицает его². Вполне очевидно, что либеральные политические идеологи и правоведы, создавая так называемые «демократические» конституции, не могли, по определению, согласиться с приведенными Шмиттом совершенно бесспорными абсолютистскими доводами Гоббса. Напротив, подобные мыслители постоянно апеллировали к либеральному прочтению идеи народного суверенитета, подчеркивали, по словам К. Шмитта, что любая государственная власть должна быть ограничена, игнорировали конкретно существующий политический суверенитет, либо затуманивали его абстракциями типа «суверенитета справедливости и разума» или завязанного на принципах правового государства «суверенитета конституции»³.

Другим характеризующим современную конституцию моментом является то, что Карл Шмитт назвал принципом политического формирования⁴. Последний лежит в основе любого государства и подразумевает, во-первых, наличие здесь принципа тождества⁵. Под этим подразумевается тождество «присутствующего народа с самим собой как политическим единством», что следует из собственного политического сознания и национальной воли данного народа и

¹ Конституция Германского рейха от 11 августа 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=ru&object=translation (дата обращения: 05.10.2023).

² Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете (Текст 1922 г.). С. 63, 37.

³ Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) (Текст 1928 г.). С. 34, 40.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же.

его способности различать друга и врага¹. Во-вторых, как подчеркивал Шмитт, данный принцип выражается в репрезентации, без которой не существует никакого государства и благодаря которой политическое единство отображается через правительство². Кроме того, он обратил внимание на то, что в основе репрезентации политического единства всегда лежит политический принцип монархии³. Однако либеральная демократия основана в этом плане на тождестве, а свойственное ей гипертрофирование последнего, в отличие от относительной безопасности абсолютизации представительства, означает не что иное, как распад политического единства⁴. Соответственно, в данном смысле либерализм и демократия впадают в противоречие, которое проявляется здесь в своем основополагающем значении в качестве противоречия принципов буржуазного правового государства со следствиями принципа политической формы⁵.

Наконец, особенно важным в политико-конституционной концепции Карла Шмитта видится вывод о том, что конституция современного буржуазного правового государства всегда является смешанной конституцией, поскольку важнейшую роль здесь играет не форма государства, а собственно «конституционный момент»⁶. Поэтому положительным прочтением идеи конституции для этого немецкого ученого стал абсолютизм образца XVI в., реализовавшийся на практике действительно гуманный «идеал чистой», или другими словами – «несмешанной», конституции⁷.

В этой связи следует подчеркнуть, что, по мнению К. Шмитта, столь критикуемая предшествующими либералам тираноборцами «абсолютная монархия в действительности никогда не была... абсолютным абсолютизмом», поскольку «оставались нетронутыми многочисленные традиционные правовые и социальные формы», а «власть короля ограничивалась божественным и естественным правом»⁸. На практике же все области человеческой жизни были «без остатка» поставлены под контроль правителей, по мнению Шмитта, лишь с установлением в 1793 г. якобинской диктатуры, посредством власти которой экономически растущая буржуазия решила обеспечить максимальную защиту своим интересам. Более того, цинизм этого, условно говоря, «либерального абсолютизма» заключается именно в том, что здесь, по шмиттовским словам, «насилие и

¹ Там же. С. 56.

² Там же. С. 44, 56–57.

³ Там же. С. 156.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 195.

⁶ Там же. С. 33–34.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Шмитт К. Абсолютизм (Текст 1926 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=52&article=3191> (дата обращения: 05.10.2023).

эксплуатация осуществляются от имени свободы», а само государство превращается «в вооруженного слугу общества», который обязан защищать свободную игру хозяйственных и социальных сил, а также поддерживать «неконтролируемую власть сильнейших»¹.

Как думается, именно в этой связи Шмитт и призывал к переосмыслению Веймарской конституции на основе представляющего немецкий народ властителя – истинного «суверена». Тем более что это позволяли сделать положения знаменитой ст. 48 германского Основного закона, закрепившей чрезвычайные полномочия рейхспрезидента. Так, последнему позволялось, в случае крайней необходимости, получить диктаторские полномочия, чтобы принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка посредством применения вооруженной силы². Действительно, в 1930 г., по причине нарастания в Германии кризисных явлений, на базе данной статьи было введено, взамен парламентского правления, опиравшееся на волю главы государства правление рейхспрезидента. В этой связи следует заметить, что, по некоторым оценкам, Карл Шмитт, как многоопытный теоретик права и последовательный сторонник авторитарного президентского режима, не только разрабатывал юридическую аргументацию этого акта, но и участвовал в составлении хитроумных политических комбинаций ближайшего президентского окружения³. Однако вполне очевидно и то, что Шмитт руководствовался в своих действиях, в первую очередь, именно долгом гражданина, обеспокоенного судьбой своей страны: Германия в данный период остро нуждалась в сильной власти, могущей остановить не только углубляющийся экономический кризис, но и стремительно прогрессирующую духовную деградацию ее коренного населения. В условиях нарастающей угрозы окончательного падения всех и всяческих авторитетов, выбор в пользу личной, принимающей решение диктатуры был для Карла Шмитта «последним выбором», поскольку после тотальной диктатуры он не ждал уже ничего⁴. Поэтому в 1932 г. он обратил внимание общественности на опасным образом актуализирующуюся модель легальной революции, которой и воспользовались рвущиеся к власти нацисты: «партия входит через дверь легальности, чтобы тут же закрыть эту дверь за собой»⁵. Как известно,

¹ Там же.

² Конституция Германского рейха от 11 августа 1919 г.

³ Сулимов К. К вопросу о негативном опыте конституционализма. Политико-конституционные воззрения К. Шмитта. 11.12.2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/politics/20011211-sul.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁴ Сапрыкин Д. Карл Шмитт: философ-радикал. Трагический выбор между либерализмом и диктатурой.

⁵ Шмитт К. Легальность и легитимность (Послесловие к изданию 1958 г.) // Шмитт К. Понятие политического: Сборник / Пер. с нем., под ред. А.Ф. Филиппова. СПб., 2016. С. 270.

приход к власти НСДАП ознаменовал для Германии начало общенациональной катастрофы. Оно выразилось, в частности, в разгроме нацистами движения традиционалистски настроенных «революционных консерваторов», на которое К. Шмитт возлагал немалые надежды по возрождению страны. Более того, «старая» немецкая аристократия, поддержкой которой он пытался заручиться, приняла правила игры, навязанные ей гитлеровской диктатурой, и отказалась спасти страну от нацистской угрозы.

Принято считать, что современная эпоха сделала достоянием прошлого любые проявления авторитаризма в Основных законах стран «свободного мира», породив множество проникнутых «духом» юридического позитивизма так называемых «демократических» конституций. В значительной степени, именно таким документом и стала – в своей первоначальной редакции – утвержденная в 1993 г. Конституция Российской Федерации¹. К сожалению, в плане ранее рассмотренного феномена «чистой конституции», новый Основной закон России стал адаптированным для нашей страны вариантом «смешанной конституции», характерной для либеральных демократий. Кроме того, применительно к обеспечению «прав народа», этот документ являлся гораздо менее убедительным, по сравнению, например, с последней редакцией принятой в 1978 г. Конституции РСФСР².

Следует подчеркнуть, что Основной закон РФ 1993 г., с одной стороны, действительно предоставил нашей стране возможность развиваться по демократическому пути, однако, с другой стороны, он недопустимо интернационализировал, как внешнюю, так и внутреннюю политику России и, тем самым, резко сузил ее суверенитет³. Здесь необходимо пояснить, что под «интернационализацией» в указанном случае подразумевается вынужденное (или даже – намеренное) отступление органов государственной власти РФ от политической линии, направленной на защиту ключевых приоритетов национальной безопасности страны. Данная ситуация, в частности, может быть охарактеризована главенством международного права при реализации, как внешней, так внутренней политики РФ, а также особой ролью во всех сферах жизни российского общества элитных групп, ориентированных на ведущие евро-атлантические структуры, посредством которых «коллективный Запад» осуществляет императивы своего глобального лидерства.

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

² Конституция РСФСР в редакции от 10 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1292/> (дата обращения: 05.10.2023).

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

Вполне закономерно, что, после начала «холодной войны 2», долгий и весьма непростой процесс, условно говоря, «национализации» важнейших положений российской Конституции стал уже необратимым. Достаточно очевидно, что он, в частности, опирался и на соответствующие юридические традиции зарубежной континентальной Европы, которые были достаточно успешно адаптированы применительно к современным российским реалиям. Речь здесь идет, в первую очередь, именно о вышеуказанном шмиттовском понимании всеобъемлющего суверенитета национального государства, который ни при каких обстоятельствах не может подменяться, например, неким абстрактным суверенитетом, свойственным, как для «духа», так и «буквы» Основных законов современных либеральных демократий.

Именно на этой базе в обновленной Конституции РФ и был реализован ряд идей, так или иначе вытекающих из философского и политико-правового наследия Карла Шмитта. Среди таковых следует отметить наличие традиционалистской «политической теологии», призванной, в первую очередь, сделать «священным» российское гражданское общество, которое стало рассматриваться с монопатриотической позиции, не допускающей наличия в нем «вражеского» элемента. В свою очередь, с политической дихотомией «друг – враг» связано и четкое обозначение государствообразующего народа России. Кроме того, в Основном законе РФ стала подчеркиваться не только идея классического суверена, но и появилось актуальное видение условий, необходимых для формирования «дружественности» российских элит. Особое внимание в Конституции РФ стало уделяться рассматриваемым в контексте учения о «правах народа» вопросам укрепления государственного суверенитета и защиты территориальной целостности РФ, а также охране ее природных богатств. Наконец, российский Основной закон теперь включает в себя и актуальное понимание необходимости реализации «прав народа», что подразумевает, в частности, присутствие здесь пунктов о важности обеспечения права россиян на все ключевые социальные гарантии, сохранения духовности, защиты традиционных ценностей и культуры всех народов РФ.

Итак, обращаясь к анализу собственно поправок, внесенных по итогам всенародного голосования в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., необходимо остановиться на соответствующей конкретике, тем или иным образом связанной с классическим шмиттианством. В этой связи представляется особенно важным то, что из пунктов упомянутых ниже статей Основного закона РФ можно вывести положение, принципиально значимое для конституирования основ обновляющейся российской государственности. Речь здесь идет о формировании в нашей стране особой политико-культурной общности, которую

вполне допустимо именовать «Русско-российской цивилизацией». Как думается, именно такой «цивилизационной формуле» и будут оптимальным образом соответствовать наиболее актуальные для России политико-теологические, правовые и геополитические идеи К. Шмитта.

Так, во-первых, следует подчеркнуть, что в ст. 67.1 Основного закона РФ представлена его «политико-теологическая» составляющая, которая демонстрирует глубокую духовную преемственность в развитии Российского государства, возвеличивает память предков, передавших россиянам идеалы и веру в Бога, освящая, таким образом, исторически сложившееся государственное единство с тысячелетней историей. В России провозглашается священной и память защитников Отечества, а также не допускается любое умаление значения подвига народа при его защите¹.

В свою очередь, в ст. 68 под государствообразующей этнической общностью нашей страны подразумеваются входящие в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации русские, что подразумевает их особую ответственность в деле обеспечения единства всех народов России². Вполне закономерно, что в этой конституционной статье также отмечается, что государственным языком нашей страны на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, однако при этом РФ гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, а также создание условий для его изучения и развития³.

Кроме того, в свете вышесказанного следует уточнить, что, несмотря на по-прежнему не утратившее своей актуальности провозглашение России светским государством, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ст. 14 Конституции РФ), государствообразующий народ нашей страны не может рассматриваться в отрыве от своих духовных традиций и религиозных предпочтений⁴. Таким образом, исходя из соответствующих положений обновленного Основного закона РФ, институт, поддерживающий духовность русского народа и служащий выражением его конфессионального выбора – Православная церковь – следует считать ключевым актором этноконфессионального диалога в России. Разумеется, при этом необходимо подчеркнуть, что последний подразумевает конструктивное участие в подобном обмене мнениями представителей всех традиционных религий народов нашей страны.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Во-вторых, в свете рассмотрения занимающей особое место в шмиттовской политико-правовой концепции проблемы суверенитета, следует отнестись с особым вниманием к принципиальной роли, которую имеет в Российской Федерации Президент, а также к его серьезнейшим полномочиям, изложенным в ст. 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89 и 90 действующей Конституции РФ¹. Именно он, как глава государства, в соответствии со ст. 80 обновленного Основного закона, не только определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, но и принимает меры по охране суверенитета России, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти². Кроме того, как гласит ст. 87 действующей Конституции РФ, Президент, являясь Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил, в случае агрессии против Российской Федерации или ее непосредственной угрозы вводит на территории страны или в отдельных ее местностях военное положение³. Однако необходимо заметить, что прямое сравнение, например, с чрезвычайными полномочиями германского рейхспрезидента, полученными им по Веймарской конституцией 1919 г., представляется здесь некорректным. Это объясняется тем, что веймарский суверен был призван защищать основы буржуазного бытия тогдашней Германии, духовно-нравственные идеалы большинства населения которой коренным образом отличалась от соответствующих приоритетов, представленных в обновленной в 2020 г. Конституции РФ. Так, если порожденный «эпохой Веймара» Основной германский закон характеризовался, по сути, абсолютизацией буржуазного «духа» и дальнейшей секуляризацией некогда традиционалистского общественного сознания немецкой нации, то новая редакция Конституции РФ четко демонстрирует линию на закрепление в ней традиционных духовно-нравственных ориентиров, всегда свойственных абсолютному большинству россиян. Именно поэтому глава Российского государства сейчас и выступает, в первую очередь, как гарант реализации основных направлений внутренней и внешней политики нашей страны в жесткой привязке к исконно отечественным духовно-нравственным идеалам и традициям.

В-третьих, необходимо подчеркнуть, что, для максимальной практической реализации на отечественной почве вышерассмотренной классической интерпретации идеи суверенитета и содействия защите всей совокупности прав народов РФ, в ст. 77, 78, 81, 95, 97, 103, 110, 119 и 129 обновленной российской

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

Конституции подчеркивается важность «монопатриотизации» высшего чиновничества нашей страны. Как представляется, данное требование следует связывать с закономерно усилившейся в годы «холодной войны 2» борьбой России против «либерального абсолютизма», насаждаемого по всему миру евроатлантическими структурами. Данная «национализация элит», в первую очередь, выражается в том, что ко всем находящимся на ключевых должностях российским официальным лицам – Президенту, депутатам Государственной Думы Федерального Собрания, сенаторам, членам Правительства, судьям различных судов и прокурорам – предъявляются жесткие требования по их гражданскому статусу и строго очерчиваются рамки их экономической деятельности. Так, указанные должностные лица, как и все федеральные чиновники в нашей стране, должны быть гражданами РФ, постоянно проживать в России, не иметь гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, позволяющего проживать на территории иностранного государства, не иметь счетов (вкладов) в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ и не в них хранить ценности¹. В этой связи следует заметить, что, после начала в 2022 г. Специальной военной операции России на территории бывшей Украинской ССР, тенденция по «национализации элит» вполне закономерно укрепилась и действительно привела к уменьшению количества «граждан мира» среди российского чиновничества, что, в свою очередь, не может не облегчать решение задачи по укреплению суверенитета нашей страны во всех его проявлениях.

В-четвертых, применительно к собственно укреплению и государственного и территориального суверенитета России следует, в первую очередь, отметить уточнения, присутствующие в конституционных ст. 67, 67.1, 69, 79.1 и 125². В частности, в ст. 67 Конституции РФ наша страна провозглашается правопреемницей Союза ССР на своей территории, его правопродолжательницей в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов СССР за пределами территории России³. Важно подчеркнуть, что РФ рассматривает межгосударственные отношения в современном мире именно с позиции классического международного права, из соответствующих положений которого прямо следует и вышерассмотренная геополитическая идея прав народов К. Шмитта. Так, в ст. 79.1 Основного закона России подчеркивается, что она принимает меры по поддержа-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

нию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, а также недопущению вмешательства во внутренние дела государства¹. Причем российская Конституция не только обеспечивает защиту прав всех этнических общностей, входящих в многонациональный союз равноправных народов РФ, но и, как отдельно отмечается в ст. 69, гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и заключенными ей международными договорами².

В этой связи необходимо отметить, что в ст. 125 уточняется, что Конституционный Суд РФ разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров России в их истолковании, противоречащем ее Основному закону, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на нашу страну, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка РФ³. Данное положение российской Конституции прямо свидетельствует о выведении законодательства нашей страны из-под юрисдикции международного права в тех случаях, когда положения последнего, находясь в явном противоречии с ее национальными интересами, не могут согласоваться с установлениями Основного закона РФ.

Вполне очевидно, что для реализации прав народа Российской Федерации жизненно необходима постоянная защита территории нашей страны, на большую часть которой, начиная со времени распада СССР, достаточно откровенно претендуют ведущие мировые «центры силы». Именно поэтому соответствующие статьи Конституции России в ее варианте 1993 г. были дополнены в 2020 г. особыми требованиями по обеспечению полной неприкосновенности территории РФ и сбережению ее природных богатств.

В частности, в соответствии со ст. 67 российской Конституции, наша страна последовательно обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности и решительно не допускает любые действия, направленные на отчуждение любой части территории РФ, равно как и призывы к подобным посягательствам. Следует подчеркнуть, что указанная конституционная статья достаточно четко коррелирует со шмиттовским геополитическим учением о «большом пространстве», поскольку в ней указывается, что Россия обладает

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в своей исключительной экономической зоне в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права¹. Здесь также необходимо упомянуть и весьма многозначительный п. 1 ст. 67, гласящий, что на территории нашей страны могут быть созданы некие федеральные территории, для которых понадобится организация публичной власти². Как представляется, именно он создает необходимую правовую основу не только, например, для укрупнения (либо – разукрупнения) некоторых российских регионов, но и для дальнейшего расширения «большого пространства» РФ в ходе ее нынешнего противоборства с «коллективным Западом».

В свою очередь, в ст. 9 российской Конституции подчеркивается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в РФ как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории³. Именно поэтому, по ст. 114 обновленного российского Основного закона, Правительству РФ поручено, помимо прочего, осуществлять меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным⁴. Достаточно очевидно, что всемерная защита природной среды территорий, на которых проживают народы России, сегодня особенно важна, поскольку любые серьезные ее повреждения (и тем более – разрушение) будут способствовать геополитической победе над нашей страной ведущих держав Западного сообщества и хищническому «освоению» ими российских природных богатств.

В-пятых, необходимо заметить, что последовательная практическая реализации идеи «прав народа» обязательным образом связана с обеспечением права россиян на социальные гарантии, защитой их традиционных духовно-нравственных ценностей и культуры, а также осуществлением иных соответствующих приоритетов современной внутренней политики России.

Так, в конституционной ст. 114 отмечается, что Правительство нашей страны в этой связи призвано обеспечить проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддерж-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды¹.

В свою очередь, в соответствии со ст. 72 действующей российской Конституции, федеральный центр и субъекты РФ совместными усилиями обеспечивают не только осуществление всего спектра классических прав и свобод человека и гражданина, а также прав национальных меньшинств, но и имеют в совместном ведении:

- общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики;

- координацию вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью, а также социальную защиту, включая социальное обеспечение;

- защиту семьи, материнства, отцовства и детства, института брака как союза мужчины и женщины, создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях;

- защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей².

Достаточно очевидно, что практическое осуществление всех этих пунктов не только позволит россиянам реализовать всю совокупность классических «прав народа», но и, безусловно, послужит делу укрепления суверенитета РФ во всех его проявлениях. Кроме того, особую роль здесь будет играть внимание официальных властей нашей страны к проблемам молодых граждан России, которые в современной геополитической ситуации стали одним из основных объектов деструктивного воздействия спецслужб враждебных РФ держав.

Поэтому вполне закономерно, что в ст. 67.1 Конституции РФ важнейшим приоритетом государственной политики России провозглашаются именно дети, для которых государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Причем государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения³. Данные императивы молодежной политики достаточно наглядно демонстрирует стрем-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

ление руководства РФ укрепить, условно говоря, «ювенальную составляющую» государственного суверенитета нашей страны, максимально реализовав классические права и защитив социально значимые интересы молодых россиян. Поэтому особые усилия должны здесь прилагаться к решению вопросов социализации и патриотического воспитания молодых граждан РФ, а также предоставления последним всех возможностей для их гармонического развития, которое должно проходить, в первую очередь, в рамках формирующейся «Русско-русской цивилизации».

Таким образом, ныне действующую Конституцию РФ следует, в целом, оценивать как мощный правовой фундамент для дальнейшего совершенствования российского законодательства в направлении полной реализации «прав народа» нашего государства. Как видится, в первую очередь это должно осуществляться в сфере защиты национальных интересов страны в таких ее областях, как отстаивание государственной целостности и суверенитета России, постоянное поддержание в ней гражданского консенсуса, обеспечение россиянам всех ключевых социальных гарантий, защита традиционных духовно-нравственных ценностей и сбережение культуры коренного населения РФ. Представляется, что сегодня Основной закон нашей страны не только необходимыми образом скорректирован в ключе идеологии русского «охранительства», но и включает в себя традиционалистскую политико-теологическую составляющую, свойственную для консервативного конституционализма зарубежной континентальной Европы.

В этой связи можно констатировать, что, в условиях «холодной войны 2», Россия, приняв в свою Конституцию вышерассмотренные поправки, серьезно укрепила правовую базу для своей защиты от целого ряда, как внешних, так и внутренних угроз, опасность которых «коллективный Запад» и его «агенты влияния» внутри нашей страны пытались довести до критического уровня. Это, в частности, выразилось в попытках развязывания в нашей стране внутреннего вооруженного конфликта, который вполне мог повлечь за собой и военное вторжение на территорию РФ со стороны ряда иностранных держав. Достаточно очевидно, что «ответом» на данный «вызов» и стало обращение патриотически настроенных российских элит к лучшим образцам мировой политико-конституционной мысли, среди которых особое место занимает научное наследие немецкого философа и юриста Карла Шмитта.

Как известно, именно К. Шмитт выступил как наиболее последовательный противник так называемой «смешанной конституции» – современной псевдодемократической вариации Основного закона. Так, в соответствии с его выводами, последняя всегда базировалась на «нормативизме», либеральной «поли-

тической теологии» и «политическом романтизме», фактически отрицающих «народность» как основу учения о политике и праве, а также всячески препятствовала реализации «прав народа» в основных сферах жизнедеятельности государства. Именно поэтому, в противовес либеральным политико-правовым концепциям, в работах Шмитта особое место занимает направленная против юридического позитивизма теория децизионизма, которая базируется на идее политического «решения», превалирующего над правовой нормой в исключительных обстоятельствах. Кроме того, в политико-правовой концепции К. Шмитта присутствует указание на необходимость создания действительно гуманного Основного закона, опирающегося на ортодоксально-христианскую «политическую теологию», лишённого откровенно чуждых для данной страны «политико-романтических» влияний и базирующегося на теории «чистой конституции». Вполне очевидно, что такое «решение» может быть принято лишь истинным властителем – тем самым шмиттовским «сувереном», который может себе позволить изменить конституционную норму, если этого требует защита ключевых приоритетов национальной безопасности конкретного государства.

В свою очередь, в нынешнее время в качестве оптимального примера, выражаясь словами К. Шмитта, «чистой конституции» может быть представлен обновленный в 2020 г. Основной закон Российской Федерации. Как видится, именно в нем содержатся все ключевые политико-теологические и политико-правовые моменты, свойственные шмиттовскому научному наследию. Так, закрепленные в Конституции РФ основы традиционной духовности россиян вполне соответствуют тому «политико-теологическому» идеалу, который Шмитт, в свое время, обозначил для всех приверженцев религиозной классики в современной мире. Данная установка неразрывно связана с четким пониманием шмиттовского тезиса о политической «дружественности», которая теперь опирается на особую государственническую роль русских, гарантирующих защиту прав всех коренных народов нашей страны. Кроме того, в Конституции РФ Президент выведен истинным сувереном, который, опираясь на свободные от «вражеской» составляющей национальные элиты, является действительным главой государства, оберегающим нашу страну от покушений на ее независимость и пресекающим любые попытки нарушить внутреннее спокойствие России. Именно такой ее властитель сегодня призван не только представлять русско-российскую нацию, но и последовательно защищать всю совокупность прав входящих в ее состав народов, исходя при этом из приоритета законодательства РФ над международным правом.

Таким образом, только отраженное во всех вышерассмотренных статьях Конституции РФ общественное согласие – действительный «союз власти и

нации» – может стать залогом укрепления в нашей стране традиции подлинного народовластия, полное построение которого позволит обезопасить ее от англосаксонского «либерального абсолютизма» и иных подобных угроз Российской государственности, могущих актуализироваться в самой ближайшей перспективе. В любом случае, упор здесь должен быть сделан на последовательное отстаивание «прав народа», под которыми в РФ сегодня подразумеваются именно права русско-российской нации как гармоничного союза всех этнических общностей нашей страны, как некогда заложивших ее основу и вошедших в состав Руси / России со своими землями, так и народов, желающих присоединиться к ней в будущем.

Список источников и литературы

1. Александр Зданович: взятие Берлина стало вершиной боевой работы СМЕРШ. Интервью РИА «Новости» научного сотрудника НИИ военной истории Академии Генерального штаба Вооруженных сил России, генерал-лейтенанта ФСБ в отставке А.А. Здановича. 19.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200419/1570239610.html> (дата обращения: 05.10.2023).

2. Андрианова Т.В. Геополитика и культура: Аналитический обзор. 2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-i-kultura-analiticheskiy-obzor/viewer> (дата обращения: 05.10.2023).

3. Бенуа А., де. Артур Меллер ван ден Брук. Биография консерватора / Пер. с фр. А. Игнатьева. 27.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/270210140128.xhtml> (дата обращения 05.10.2023).

4. Кильдюшов О.В. Читая Шмитта // Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2010. С. 7–32.

5. Конституция Германского рейха от 11 августа 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=ru&object=translation (дата обращения: 05.10.2023).

6. Конституция РСФСР в редакции от 10 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1292/> (дата обращения: 05.10.2023).

7. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://konstitucija.ru/1993/1/> (дата обращения: 05.10.2023).

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования

01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutionrf.ru/constitutionrf.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

9. Коринец Ю.Ю. Карл Шмитт об антихристе // Коринец Ю.Ю. Некоторые идеи Карла Шмитта. 15.05.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zlev.ru/index.php?article=872&nomer=17&p=article> (дата обращения 05.10.2023).

10. Кристоферсен А. О переписке Эрнста Юнгера и Карла Шмитта. Ч. 2 / Пер. с нем. А. Игнатьева. 18.01.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://rossia3.ru/politics/foreign/perepiska> (дата обращения 05.10.2023).

11. Михайловский А.В. Биографический пазл: Райнхард Меринг о «взлете и падении» Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 3. С. 71–75.

12. Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 158–171.

13. Сапрыкин Д. Карл Шмитт: философ-радикал. Трагический выбор между либерализмом и диктатурой. 17.08.2000 [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/politics/grammar/20000817_saprykin-pr.html (дата обращения: 05.10.2023).

14. Совет Европы призвал Россию изменить закон о Конституционном суде. 11.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/498122> (05.10.2023).

15. Сулимов К. К вопросу о негативном опыте конституционализма. Политико-конституционные воззрения К. Шмитта. 11.12.2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/politics/20011211-sul.html> (дата обращения: 05.10.2023).

16. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201512150010.pdf> (05.10.2023).

17. Филиппов А.Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология: Сборник / Переводы с нем., заключит. статья и составление А.Ф. Филиппова. М., 2000. С. 259–314.

18. Шишков А. Почему в теологии Карла Шмитта нет Бога? 17.03.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/pochemu-v-teologii-karla-shmitta-net-boga/> (дата обращения: 05.10.2023).

19. Шмитт К. Абсолютизм (Текст 1926 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=52&article=3191> (дата обращения: 05.10.2023).

20. Шмитт К. Земля и Море (Текст 1981 г.) // Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum* / Под ред. Д. Кузницына; пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца. СПб., 2008. 670 с.

21. Шмитт К. Легальность и легитимность (Послесловие к изданию 1958 г.) // Шмитт К. Понятие политического: Сборник / Пер. с нем., под ред. А.Ф. Филиппова. СПб., 2016. С. 270–279.

22. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете (Текст 1922 г.) // Шмитт К. Политическая теология: Сборник / Переводы с нем., заключит. статья и составление А.Ф. Филиппова. М., 2000. С. 7–98.

23. Шмитт К. Политический романтизм (Текст 1925 г.) / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца, под ред. Б.М. Скуратова, послесловие А.Ф. Филиппова. М., 2015. 460 с.

24. Шмитт К. Понятие политического (Текст 1932 г.) // Шмитт К. Понятие политического: Сборник / Пер. с нем., под ред. А.Ф. Филиппова. СПб., 2016. С. 293–356.

25. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил; к понятию рейха в международном праве (Текст 1941 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/101/101_67.htm (дата обращения: 20.01.2024).

26. Шмитт К. Последняя глобальная линия (Текст 1943 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/poslednyaya-globalnaya-liniya> (дата обращения: 05.10.2023).

27. Шмитт К. Теория партизана (Текст 1962 г.) / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М., 2007. 301 с.

28. Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) (Текст 1928 г.) // Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2010. С. 33–236.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИНТЕГРАЦИОННЫМ ПРОЕКТАМ НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А.Г. Браницкий, Р.В. Бугров, Д.В. Леушкин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
abranitskiy@yandex.ru

В исследовании рассматриваются особенности конституционного подхода к проекту региональной интеграции на примере Европейского Союза. Идея федерации европейских государств рассматривается как политическая система, основанная на соглашении, форма которого может быть выражена в конституции либо федеральном договоре. Цель данной статьи рассмотреть теоретические и практические аспекты применения концепции федерализма для понимания процесса и конечной цели европейской интеграции. Федерализм и конституционализм приняты для целей данной статьи как взаимозаменяемые понятия.

Ключевые слова: Европейский Союз, региональная интеграция, конституционализм, федерализм.

Объединение Европы преследует две фундаментальные цели: предотвращение внутренних конфликтов в рамках союза, и усиление влияния консолидированной Европы на глобальном уровне. При этом, по нашему мнению, европейская интеграция постепенно идет по пути федерализации. В подтверждение обратимся к словам одного из отцов-основателей европейского объединения Жанн Монне, который в своих мемуарах убеждает нас, что из «ограниченных достижений, которые создадут солидарность *de facto*, постепенно возникнет федерация», которая станет «кульминацией, существующей политической и экономической реальности, опробованной временем»¹. Более того в первоначальном варианте Маастрихтского договора 1992 г., объявлявшем о создании Европейского Союза», цель создания «федеральной Европы» была прописана как задача интеграции. В утверждённой версии договора слова «федеральной Европы» были заменены на «более близкий союз».

Обратимся к некоторым концептуальным основам, являющимся теоретическим фундаментом процесса интеграции. В первую очередь остановимся чуть подробнее на понятии «федерация» и «федерализм». Слово «федерация» имеет латинское происхождение *foedus*, которое означает «соглашение», «договор». Таким образом, мы можем уточнить, что с политической точки зрения федерация – это вид союза, объединения, которое создано для достижения общих целей (общего блага), и основано на согласии, выраженном через юридически обязывающий договор (конституцию).

¹ Monnet J. *Memiors*. NY, 1978. P. 367.

Существует несколько подходов к определению того, что из себя представляет федерализм. В некоторых делают акцент на системе правительства, в других на методе разделения власти, в-третьих, на верховенстве права. По мнению одного из исследователей федерализма следует сосредоточиться не на определении формы федерального устройства, а выделить основной принцип, который будет отражать суть федерализма. В основе федерализма лежит принцип, который представляет собой юридическое правило, в соответствии с которым суверенитет законодательно (конституционно) разделен между двумя разграниченными уровнями власти¹. «Интеграция, по федерализму, требует создания двух уровней правительства – разделенных, но работающих скоординировано – правительство, стоящее над целым (федеральный уровень) и правительство, регулирующее части (государственный уровень)»².

Конституция должна быть главным арбитром в отношениях между народами, то есть быть выше национального правительства. Процесс изменения конституции может быть осуществлен только в порядке, предусматривающем консенсус. В качестве гаранта конституции должен выступать независимый конституционный или верховный суд³.

Политическое объединение, созданное федерацией, по мнению А. Этциони, должно обладать тремя важными признаками: эффективный контроль за средствами насилия; наличие центра принятия решений, влияние которого распространяется на всё сообщество и этот центр должен являться доминирующим фактором политической идентификации для большинства граждан⁴.

Особенностью европейского взгляда на федерализм является сохранение особого типа отношений между различными уровнями политической иерархии – в создании «союза без стремления к единению»⁵. Таким образом, федеральное государство – это политическое сооружение, призванное примирить суверенитет и единство посредством федерального принципа. В целом, федерализм предполагает, что возможно создание гармонично функционирующей системы, включающей в себя автономные образования и работающих для общих целей институтов.

С точки зрения сторонников, федеральный подход к интеграции имеет два существенных преимущества. Первое, это законодательное балансирование

¹ Wheare K. Federal Government. 4th ed. Oxford, 1963. P. 2.

² Taylor P. International Organization in the Modern World: The Regional and the Global Process. L., 1993. P. 90.

³ Bogdanor V. Federalism and the Nature of the EU // Nicolaidis K., Weatherill S. (eds). Whose Europe? National Models and the Constitution of the EU. Oxford, 2003. P. 49.

⁴ Etzioni A. Political Unification: a Comparative Study of Leaders and Forces. N.Y., 1965. P. 4.

⁵ Dicey A. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. L., 1982 (reprint). P. 143.

властных полномочий, позволяющее защитить систему от узурпации власти какой-либо одной политической группировкой. Второе, федерация может быть более адаптивна, а значит устойчива к внешним вызовам¹.

Примечательно, что федерализм не ставит целью анализ конкретной формы политического устройства. Более того, вряд ли существует государство, форма управления которого могла бы стать моделью для Европейского Союза, кроме этого, форма федерального управления находится в постоянном развитии.

Несмотря на то, что идея федерального устройства выглядит достаточно просто, в практическом плане применить принципы федерализма оказалось не так легко, так как сама теория не предлагала четкого описания процесса построения федерального государства, например, в рамках ЕС. В то же время федерализм предполагает, что государство-подобное образование, как форма федерального устройства, является единственно возможным вариантом организации власти. Тем самым, федерализм предлагает создание наднационального образования, которое будет призвано выполнять роль нового центра, вокруг которого будет формироваться лояльность входящих в него членов.

Следующей особенностью федерализма является то, что среди сторонников данной концепции интеграции нет полного согласия о методе создания Европейского (федерального) Союза. В настоящее время доминирует подход, согласно которому политическая федерализация должна стать естественным итогом тех функциональных преобразований, которые и были основным драйвером, поддерживающим интеграционные процессы вот уже семьдесят лет. Таким образом федерализм должен постепенно доказывать свою эффективность и общество должно само созреть для того, чтобы проголосовать за те преобразования, которые приведут к созданию федерации – данный подход зачастую называют «методом Монне»². С другой стороны, процесс функционального «вовлечения» участников в процесс интеграции имеет существенные недостатки. Важнейшим из них, по мнению А. Спинелли, является неспособность экономической кооперации, даже в самой высокой степени, решить проблему политической власти на общеевропейском уровне. С точки зрения сторонников Спинелли, федерация должна быть создана единым конституционным актом, и такая система может быть сформирована только путем прямых конституционных преобразований, а не методами традиционной дипломатии или постепен-

¹ Ibid. P. 157.

² Rosamond B. Theories of European integration. Palgrave Macmillan, 2000. P. 35.

ным «переливанием» иначе объединенная Европа останется лишь немного большим чем общий рынок¹.

Современный неофедерализм стремится разрешить данные противоречия. Признавая, что нынешний Европейский союз – это в первую очередь наследие «метода Монне», сторонники федерализации пытаются обосновать необходимость дальнейшего развития общеевропейских институтов. Некоторые представители неофедерализма указывают на то, что федерализм может создавать институты, а не только воспроизводить существующие институциональные формы². В качестве резюме согласимся с мнением многих сторонников федерализма, что федеральный принцип остается лучшим рациональным решением институциональных и идеологических проблем, стоящих перед Европейским Союзом. И необходимо отметить, что в практическом плане идеи федерализма оказывают существенное влияние на процессы интеграции.

По мнению некоторых наблюдателей, особенно тех, кто придерживается более правых взглядов, Европейский союз уже достаточно близко подошел к тому, чтобы стать федерацией. Можно обоснованно предполагать, что именно опасения потерять суверенитет и единство национального государства стали одной из главных причин выхода Соединенного Королевства из состава ЕС.

За время своего существования Европейский союз прошел достаточно большой путь, и в настоящее время институциональная структура наднациональной составляющей объединения внешне напоминает центральное правительство. Институционально ЕС представлен всеми атрибутами современного государства с традиционным разделением властей: Президентом, Парламентом, Комиссией и Судом. Особенностью в данном случае является доминирование национальных игроков в институциональной системе. Государства-члены практически контролируют ключевые наднациональные институты, либо через сложную систему принятия решений, либо через дублирование институтов (например, комиссия и совет министров). В тоже время, несмотря на значительный дисбаланс между наднациональными и государственными институтами в пользу последних, необходимо отметить определенные процессы в пользу укрепления общеевропейских институтов. Например, в Договоре о ЕС был закреплён принцип субсидиарности, который излагается следующим образом: «В тех областях, которые не подпадают под его исключительную компетенцию, Сообщество действует в соответствии с принципом субсидиарности, если и поскольку цели предполагаемого действия не могут быть достигнуты в достаточ-

¹ Burgess M. *Federalism and European Union: the Building of Europe, 1950–2000*. Routledge, 2000. P. 58.

² Forsyth M. *Federalism and Confederalism* // Brown C. (ed). *Political Restructuring in Europe: Ethical Perspectives*. Routledge. 1993. P. 52.

ной мере государствами-членами и поэтому, в силу масштабов и результатов предполагаемого действия, могут быть более успешно достигнуты Сообществом»¹. Другими словами, этот принцип можно трактовать как потенциал для расширения полномочий наднациональных институтов, особенно Комиссии, на практически неограниченное количество вопросов. Кризисные явления, вызванные пандемией covid-19 и обострением ситуации на Украине создали не только риски для европейской солидарности, но и дали исторический шанс наднациональным институтам (в первую очередь Комиссии) проявить себя как эффективных менеджеров для общеевропейских проблем.

Отдельно следует рассмотреть процесс конституционализации правового поля в Европейском союзе. Несмотря на то, что в ЕС отсутствует единый документ под названием Конституция (договор, учреждающий Конституцию для Европы, проект которого был подписан в октябре 2004 г., так и не вступил в силу), существующие договора, учреждающие ЕС, уже признавались Европейским Судом как имеющие статус конституционных². С практической точки зрения это означает, что система основополагающих соглашений, изначально налагавших обязательства только на государства-члены, развилась в систему юридически обязывающих норм для всех без исключения субъектов ЕС и может представлять из себя полноценный конституционный правовой порядок³. В практическом плане это означает верховенство общеевропейского права над национальным законодательством стран-членов. Более того, нормы европейского права подлежат обязательному включению в национальные правовые нормы. Другими аспектами конституционализации является закрепление норм, ограничивающих суверенитет правительств государств-членов. К таковым нормам относят гарантию базовых прав гражданина, судебный надзор и контроль в виде конституционного суда.

В этих направлениях Суд Европейского союза проявил должную активность и закрепил за собой верховенство. Например, если еще в 1959 г. Суд ЕС утверждал, что он не компетентен в делах о правах человека, то уже в 1969 г. подтвердил, что в его обязанности входит контроль над приведением права ЕС в соответствии с правами человека, а в 1989 г. объявил о своем праве проверять соответствие национального законодательства на предмет нарушения этих прав⁴.

¹ Article 3b Treaty on European Union. Maastricht, 7 February 1992.

² Judgment of the Court of 23 April 1986. Parti écologiste «Les Verts» v European Parliament. Case 294/83. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61983CJ0294> (дата обращения 06.11.2023)

³ Bartolini S. *Restructuring Europe. Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*, Oxford, 2005. P. 161.

⁴ Bartolini S. *Op. cit.* P. 163.

Созыв новой межправительственной конференции для внесения изменений и дополнений в Договор о создании Союза был предусмотрен еще при подписании Маастрихтского договора. В 1996 г. данное предписание было исполнено – Италия как страна-председатель направила в Совет свои предложения об изменении учредительных договоров. Одновременно она запросила Европарламент и Совет о предоставлении новых предложений о том, как проводить межправительственную конференцию. Комиссия ЕС предоставила государствам-членам свой доклад «Об усилении Политического союза и подготовке к расширению», где перед Европейским Союзом выдвигались цели: быть ближе к гражданам; активно проявлять себя во всем мире; адаптировать свою институциональную систему так, чтобы она успешно функционировала после увеличения состава Союза. КЕС рекомендовала предстоящей конференции найти новые пути продвижения модели социального развития, принятой Союзом, выработать европейскую концепцию безопасности и обороны, а также реформировать институты сообразно новым потребностям и перейти, в частности, к принятию решений большинством голосов.¹

МПК открылась 29 марта 1996 г. в Турине, и ей поручили разработать текст нового учредительного акта с тем, чтобы усовершенствовать структуру Европейского Союза и решить все оставшиеся спорные проблемы. Открыли конференцию главы государств и правительств, однако основная работа выпала на долю министров иностранных дел, других высших правительственных чиновников, а также их заместителей и советников. Особенно трудной и важной задачей оказалась реформа институтов ЕС в связи с предстоящим существенным расширением его состава. В частности, на конференции так и не удалось договориться о радикальной реформе Комиссии и Совета. Стороны согласились лишь, что не позднее, чем за год до намеченного полномасштабного расширения на Восток, будет созвана новая МПК (в противном случае пришлось бы отсрочить прием новых членов в состав Союза). Не все страны-члены были согласны и с инкорпорацией Шенгенских соглашений в текст нового договора. В результате Великобритания, Ирландия и Дания оговорили в специальных документах, приложенных к основному тексту, свою особую позицию. И все же на сессии Европейского совета, состоявшейся в июне 1997 г. в Амстердаме, проект нового Договора был, в целом, одобрен. Потребовалось немного времени для тщательного редактирования, и вскоре документ был готов к подписанию, которое состоялось 2 октября все там же, в Амстердаме. Процесс ратификации прошел успешно во всех странах-членах ЕС (которых к этому времени стало уже 15)².

¹ Европейское право / Под ред. Л.М. Энтина. М., 2004. С. 28.

² Топорнин Б.Н. Европейское право. М., 1998. С. 215–218.

Амстердамский договор вступил в силу 1 мая 1999 г. В Преамбулу (и основной текст) были внесены положения о создании в рамках Союза «пространства свободы, безопасности и законности». Решения, принимаемые институтами ЕС, отныне должны были отличаться большей открытостью и близостью к нуждам и потребностям граждан стран-членов. Устанавливалось и особое «гражданство Союза». Деятельность Комиссии по петициям и уполномоченного по правам человека были прописаны в документе более детально. Предусматривалась возможность применения санкций по отношению к государству-члену, допустившему «грубое и длительное» нарушение основных прав и свобод (например, лишение права голоса в Совете). Расширялась сфера применения права Сообществ и юрисдикция Суда ЕС. В частности, Суд получил право (при определенных условиях) давать заключение о действительности и толковать решения, принятые в рамках «третьей опоры».

Шенгенские договоренности были прямо включены в правопорядок ЕС. В отдельном протоколе (приложении) четко определялось само понятие «Шенгенские соглашения»: 1) Соглашение о постепенной отмене контроля на общих границах, подписанное в Шенгене 14 июля 1985 г. между странами Бенилюкса, ФРГ и Францией; 2) Конвенция, подписанная в Шенгене 19 июля 1990 г. между теми же странами о применении Соглашения и постепенной отмене контроля на их общих границах с 14 июля 1995 г. (с приложенным заключительным актом и совместными декларациями); 3) протоколы о присоединении и соглашения, относящиеся к Соглашению 1985 г. и Конвенции 1990 г. и подписанные Италией (Париж, 27 ноября 1990 г.), Испанией и Португалией (Бонн, 25 июня 1991 г.), Грецией (Мадрид, 6 ноября 1992 г.), Австрией (Брюссель, 28 апреля 1995 г.), Данией, Финляндией и Швецией (Люксембург, 19 декабря 1996 г.), с соответствующими заключительными актами и декларациями; 4) решения и декларации, принятые Исполнительным комитетом, учрежденным в соответствии с Конвенцией 1990 г., а также акты, принятые в целях применения Конвенции органами, которые наделены соответствующей компетенцией Исполнительным комитетом. Согласно Амстердамскому договору, особый механизм, созданный странами-членами Шенгена, был упразднен, а функции Исполнительного комитета перешли к Совету. Протокол подтвердил участие в Шенгенской зоне двух стран, не являвшихся членами ЕС – Исландии и Норвегии. Одновременно появился механизм реализации концепции «продвинутого сотрудничества»: отдельные государства получили возможность с целью углубления интеграции вводить в отношениях между собой особые постановления, в то время как другие страны-члены ЕС могли оставаться «вне игры». Таким образом, фактически признавалась правомерность существования «Европы разных

скоростей» (или «Европы переменной геометрии»). В частности, Великобритания и Ирландия остались за пределами Шенгенской зоны.

Амстердамский договор несколько расширил участие Комиссии в осуществлении конкретных внешнеполитических решений, а также изменил функции и полномочия Генерального секретаря Совета. Предусматривалось создание Политического комитета, объединяющего руководителей политических департаментов министерств (и ведомств) иностранных дел стран-членов. Права Европейского парламента несколько расширились. Одновременно устанавливалось максимальное количество депутатских мест, которое после расширения не должно превышать 700. Была разработана конкретная программа развития сотрудничества государств-членов в рамках Европола. Однако договор не внес ясности в вопрос о самой природе Европейского Союза, который так и не получил статус юридического лица. Не были до конца прояснены и отношения ЕС с Западноевропейским союзом. Подготовка к расширению ЕС на Восток подталкивала полномасштабную институциональную реформу. Таким образом, уже в мае 1999 г., когда Амстердамский договор вступил в силу, его текст мало кого устраивал, и необходимость новой межправительственной конференции была очевидна.

Сессия Европейского Совета в Кельне, состоявшаяся 3–4 июня 1999 г., определила следующую повестку дня для будущей МПК: состав Комиссии; соотношение голосов в Совете; возможное расширение круга вопросов, решения по которым принимается квалифицированным большинством голосов. Интересно отметить, что главы государств и правительств стран-членов сами поддерживали введение двойного большинства лишь для решений, принимаемых в Совете квалифицированным большинством. Тем самым они выступали за новое соотношение голосов в своем же органе власти.

14 февраля 2000 г. открылась МПК, специально посвященная реформе институтов Европейского Союза. За ход переговоров отвечали министры, заседавшие в Совете «Общих дел». Подготовительную работу вели представители правительств и Мишель Барнье, делегированный от Комиссии ЕС. От Европейского парламента присутствовали два наблюдателя, Элмар Брок (ЕНП) и Димитриос Тсатсос (ЕСП). На сессии Европейского Совета в Санта Мария да Фейра, состоявшейся 19–20 июня 2000 г., руководство Португалии, страны-председателя в ЕС, высказало МПК свои пожелания. Состав Комиссии мог быть определен двумя способами: либо один представитель от каждого государства-члена, либо в соответствии со строгой численностью комиссаров (независимо от количества государств). По мнению португальской стороны, следовало усилить полномочия председателя КЕС (Президента), а также создать по-

сты вице-президентов и, возможно, «комиссаров без портфеля». Комиссия должна иметь возможность ставить вопрос о доверии перед Парламентом. Следовало подумать также об индивидуальной ответственности членов Комиссии и о разработке механизма их отставки.

Серьезные споры на саммите, как и на конференции, вызвал вопрос о соотношении голосов в институтах ЕС. В частности, представители Франции никак не хотели согласовывать количество голосов с численностью населения ФРГ, хотя шли на подобные уступки Нидерландам и Испании. МПК разделила все положения договора на две категории. В первую вошли те статьи, для которых возможен переход (при голосовании) к квалифицированному большинству. Во второй (где такой переход был исключен) оказались положения фискального и социального характера, а также вопросы внешней экономической политики и охраны окружающей среды – здесь необходима была новая редакция текста. Представители Великобритании резко возражали против процедуры голосования квалифицированным большинством по вопросам налогообложения и социальной политики – и сумели настоять на своем. Широкая дискуссия развернулась также вокруг ст. 308 Договора о Европейском сообществе (принятие актов относительно полномочий Европейского сообщества, не имеющих специфической юридической базы).

Параллельно велись переговоры относительно Хартии ЕС об основных правах. Под руководством Романа Херцога, бывшего президента ФРГ, работала группа из 15 представителей глав государств и правительств, 16 членов Европарламента и 30 членов национальных парламентов. Здесь обсуждались такие вопросы, как защита человеческого достоинства, прав и свобод личности; равенство людей и запрет на дискриминацию; условия труда, защита здоровья и окружающей среды; социальная безопасность; правовая, консульская и дипломатическая защита. На чрезвычайной сессии Европейского Совета в Биарице 13–14 октября 2000 г. было подписано соглашение по проекту Хартии. Определение ее юридического характера было перенесено на следующий саммит.

7–9 декабря 2000 г. на очередном заседании Европейского Совета в Ницце было подписано политическое соглашение о новом договоре. После необходимой редакторской правки и шлифовки 26 февраля 2001 г. там же, в Ницце, договор был подписан. Наконец-то устанавливались численность и состав институтов ЕС после завершения очередного расширения, распределение голосов в Совете, а также порядок применения принципа квалифицированного большинства. Было решено, в частности, что блокирующее меньшинство в

Совете может быть представлено либо 91 голосом, либо 38% населения стран-членов¹.

7 июня 2001 г. в Ирландии Ниццкий договор был отвергнут на референдуме. Как следствие, ратификация неожиданно затянулась. Повторное голосование в Ирландии 19 октября 2002 г. дало положительный результат. Договор вступил в силу только в начале 2003 г., когда совершенно очевидными стали недостатки и этого документа. Ниццкий договор определил лишь основные контуры так необходимой Союзу институциональной реформы.

Еще на сессии Европейского Совета в Лаакене 14–15 декабря 2001 г. было принято решение созвать Конвент для обсуждения будущего Европы. В задачу Конвента входила разработка проекта конституции. Авторам проекта предстояло решить несколько важных задач: создать адекватную систему институтов ЕС, которая будет в состоянии эффективно функционировать даже с учетом увеличения количества стран-участниц; уточнить границы компетенции между ЕС и государствами членами; решить проблему демографического дефицита. Кроме того, нужно было упростить тексты существующих договоров, сделав их более понятными и логичными по структуре².

Президентом Конвента был назначен Валери Жискар д'Эстен, его заместителями – Дж. Амато и Ж.-Л. Дехаен. 28 февраля 2002 г. в Брюсселе открылась первая сессия Конвента. В Президиум (руководящий орган Конвента) вошли также два представителя Европейского парламента, два представителя Комиссии, два представителя национальных парламента, а также по представителю от правительств Испании, Дании, Греции (как стран, осуществлявших преемственное руководство в ЕС). Всего же в работе над проектом будущей Конституции приняли участие 15 представителей глав государств или правительств стран-членов, 13 представителей глав государств или правительств стран-кандидатов в ЕС; 30 представителей национальных парламента стран-членов, 26 представителей национальных парламента стран-кандидатов; 16 представителей Европарламента; 2 представителя Европейской комиссии. Представители стран-кандидатов принимали участие в работе Конвента, но не могли повлиять на текст итогового документа, как как обладали лишь правом совещательного голоса. В качестве наблюдателей присутствовали также 3 представителя Экономического и социального комитета, 6 представителей Комитета регионов и некоторые другие. Все участники Конвента обладали так называемым связан-

¹ Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts // Official Journal of the European Communities. 10.3.2001. P. 1–87.

² Кавешников Н. Конституция ЕС: неопознанный геополитический объект приближается // Космополис. 2004/2005. № 4 (10). С. 35.

ным мандатом, поэтому были обязаны отстаивать позицию направившего их института. В личном качестве выступали председатель Конвента и его заместители.

Каждый месяц созывались двухдневные пленарные заседания в здании Европарламента в Брюсселе. В июне 2002 г. из членов Конвента были образованы рабочие группы, а уже в октябре В. Жискар д'Эстен представил очередному саммиту ЕС концепцию и основные положения будущей Конституции.

В начале декабря 2002 г. председатель Комиссии Романо Проди, выступая в Европейском парламенте, озвучил свою программу реформ для Конвента. Он, в частности, предложил сделать Комиссию подотчетной одновременно Европарламенту и Европейскому Совету, дабы они имели право на вотум недоверия к исполнительному органу. Все законодательные решения ЕС следовало бы, по его мнению, принимать простым большинством голосов – как в Совете, так и в парламенте. Голосование квалифицированным большинством должно применяться лишь в случаях «наиболее важных решений». Председатели Европейского Совета, Совета министров по общим делам и Комитета постоянных представителей могут избираться на один год. Следует ввести пост секретаря Европейского Союза по иностранным делам, который будет являться заместителем председателя Еврокомиссии. 20 декабря на очередном заседании сессии Конвента предложения Романо Проди были внимательно рассмотрены. Кроме того, обсудили роль отдельных стран и европейских институтов в обеспечении европейской безопасности. Было заявлено о коллективной ответственности стран ЕС в случае, если одному из членов Союза угрожает опасность. Предложение учредить должность министра иностранных дел ЕС нашло всеобщее одобрение.

К весне 2003 г. остов Конституции наполнился конкретным содержанием, и Конвент перешел к обсуждению поправок, вносимых Президиумом, в отдельные статьи документа. Важнейшей новеллой стало наделение Союза международной правосубъектностью и статусом юридического лица. Порядок заключения международных соглашений от имени ЕС становился гораздо рациональнее. Преимущество законодательства ЕС по сравнению с национальным закреплялось в безусловной форме. 26–27 мая 2003 г. проект Конституции был опубликован в Брюсселе. Он вызвал широкий резонанс в странах-членах ЕС и государствах, официально признанных кандидатами. Критике подверглось, в особенности, положение об учреждении поста постоянного Президента, имеющего большие полномочия, чем Председатель Еврокомиссии. В результате 6 июня в текст были внесены некоторые поправки, позволяющие Председателю КЕС возглавлять саммиты Евросоюза и представлять его интересы за рубежом на встречах с главами государств и правительств (что, однако, не исключает

введения поста Президента ЕС). В июне 2003 г. Конвент закончил свою работу, выработав окончательный (по его мнению) проект договора, учреждающего Конституцию для Европы.

Проект Конституции был представлен Европейскому совету 18 июля 2003 г. 4 октября того же года в Риме на основе данного документа открылись дебаты в рамках новой межправительственной конференции. Главы государств и правительств, открывшие МПК, заявили в совместной декларации, что новая Конституция ЕС станет «жизненно важным шагом» к тому, чтобы Европа стала более «сплоченной, прозрачной и демократичной». Целью МПК было объявлено придание окончательной формы тексту Конституции. Изначальная «шестерка» была, в целом, согласна с положениями документа. Однако проект не устраивал – по разным причинам – Великобританию, Финляндию, Австрию, Испанию и ряд стран-кандидатов в члены ЕС (особенно – Польшу). Италия, которая председательствовала в ЕС во второй половине 2003 г., настаивала на необходимости подписать документ до июня 2004 г., то есть до очередных выборов в Европарламент (об этом неоднократно заявляли президент страны Карло Адзельо Чампи, премьер-министр Сильвио Берлускони и министр иностранных дел Франко Фраттини). При этом итальянцы, в общем, поддерживали требование некоторых других католических стран (во главе с Испанией и Польшей) внести в документ упоминание о христианских корнях европейской идентичности. Однако Франция, также традиционно католическая страна, но более светская и со значительным процентом граждан-мусульман, категорически выступила против.

Проект был нацелен на отказ от принципа консенсуса и предполагал, что почти все решения в Совете должны приниматься квалифицированным большинством голосов (за исключением вопросов внешней политики, безопасности, налогообложения, формирования бюджета, сотрудничества в области международного уголовного права)¹. Таким образом, право вето у государств-членов все же оставалось, но было ограничено «наиболее важными» сферами. Предполагалось введение поста Президента ЕС, избираемого на два с половиной года, и поста главы МИД ЕС, а также сокращение состава Еврокомиссии. Представители Великобритании и Испании на МПК подвергли критике усиление позиции Председателя КЕС. Великобритания особенно боялась отмены права вето в вопросах налогов и социальной политики, а также усиления военно-политической интеграции в рамках ЕС. Польша и Испания были недовольны изменениями в системе голосования, опасаясь потерять свое влияние, полученное в Ницце. Согласование деталей шло медленно, особенно жаркие споры шли по поводу рас-

¹ Каракулян Э.А. Европейский неофедерализм: процесс, система, идентичность (историко-правовые и методологические аспекты). Н. Новгород, 2003. С. 156–159.

пределения голосов в Совете министров. Ирландия, председательствующая в Совете ЕС в первой половине 2004 г., представила пакет компромиссных решений, который и был принят (при неприкрытом давлении, оказанном Францией и Германией). В результате, 18 июня 2004 г. главы государств и правительств уже 25 стран-членов (расширение только что состоялось) одобрили на саммите в Брюсселе проект документа.

Согласно предложенной Дублином схеме, решения принимались, если за них проголосует 55% стран-членов, население которых составляет 65% от общей численности населения ЕС (проект Конвента предусматривал 50% и 60% соответственно). Новая модель была выгодна «большим» (ФРГ, Великобритания, Франция, Италия) и «малым» (Мальта, Люксембург, Латвия) странам ЕС в ущерб таким «средним» государствам, как Испания и Польша (а также Португалия, Венгрия, Бельгия, Греция). Для блокирования решения, принимаемого квалифицированным большинством, необходимо, чтобы за это высказались четыре государства, представляющие, по меньшей мере, 15% всего населения ЕС. Кроме того, Дублин предложил (а Брюссельский саммит принял) решение сохранить до 2014 г. в составе Еврокомиссии по одному комиссару от каждого государства-члена ЕС, а только затем сократить их число до 18. Минимальное число депутатов в Европарламенте от каждой из стран было увеличено до шести.

29 октября 2004 г. Договор, учреждающий Конституцию, был подписан главами государств и правительств всех 25 стран-членов ЕС. Руководители трех признанных стран-кандидатов (Болгарии, Румынии и Турции) подписали только Заключительный акт, которым утверждался текст Конституции. Делегация Хорватии присутствовала на церемонии в качестве наблюдателя. Важнейшей особенностью документа, по нашему мнению, стало признание возможности выхода государства-члена из Союза (ст. 46 Договора)¹. Здесь была заложена «мина замедленного действия», которая привела впоследствии к Брекзиту.

Вступление Конституционного акта в силу было намечено на 2007 г. после обязательной ратификации всеми странами-членами. Процедура ратификации сильно различалась в государствах ЕС. Где-то, как в Литве, было вполне достаточно утверждения документа национальным парламентом. В подобных случаях почти всегда можно было рассчитывать на положительный результат. В ряде государств ЕС, например, в Испании, проводился референдум, который носил консультативный характер. Явка 20 февраля 2005 г. в этой стране составила 42%, их них почти 77% поддержало проект Конституции. После этого парламент страны без проблем утвердил документ. К началу кризиса Конституцион-

¹ Treaty establishing a Constitution for Europe // Official Journal of the European Communities. 2004. 16 Dec. P. 310.

ный акт был ратифицирован Литвой, Венгрией, Словенией, Италией, Грецией, Словакией, Испанией, Австрией и ФРГ. В Германии документ был утвержден 27 мая 2005 г. Здесь решение принимали депутаты двух палат парламента (бундестага и бундесрата), таким образом, лишних сложностей удалось избежать.

Серьезные затруднения возникли в тех государствах, где референдум был не консультативным, а основным инструментом ратификации. К примеру, во Франции проекту Конституции была гарантирована поддержка в Национальном собрании – как сторонников Жака Ширака, так и значительной части лидеров Социалистической партии. Однако французское руководство «пошло другим путем», хотя Конституция Франции не требовала именно такой формы одобрения проекта Конституции для Европы. В результате, французы на референдуме 30 мая 2005 г. большинством в 54,87% голосов отвергли документ (явка составила 69,74% из примерно 41,8 млн. чел., внесенных в избирательные списки). Министр внутренних дел Франции Доменик де Вильпен сообщил, что число противников Конституции было особенно велико в сельской местности, тогда как жители крупных городов часто высказывались в поддержку документа¹.

Следом, 2 июня 2005 г., ратификация была провалена в Нидерландах. Здесь на референдуме против Конституции проголосовало уже 61,6% избирателей (за – только 38,4%, при явке 62,8%). В отличие от Франции, нидерландский референдум носил консультативный характер, но основные политические партии страны не решились пойти против воли своих избирателей. Судьба документа в парламенте была решена. Риторика проекта оказалась далека от рядовых граждан Европы.

Христианство не было обозначено в качестве ценностного, духовного фундамента Европы (ЕС). Данный факт отчасти был связан с наличием во многих странах Евросоюза светских режимов, сокращением влияния и авторитета христианской церкви, постепенным внедрением новой «этики». К этому стоит добавить существование довольно больших исламских общин в ряде европейских стран. Тем не менее, отсутствие в документе упоминания о «христианских корнях» европейского единства вызвало дружное противодействие всех европейских христианско-демократических сил, усиленное пропагандой Ватикана и вполне реальной угрозой принятия Турции в Европейской Союз. Министр иностранных дел Нидерландов Бернард Бот признался, что вопросы европейской интеграции и европейские проблемы мало разъяснялись гражданам его страны.

В самой Франции на ход референдума повлияли и другие факторы. В частности, французы неожиданно увидели, что «оказались в Европе, которую они

¹ Грачев А. Тень конституции // Новое время. 2005. № 22. С. 22.

не понимают» (выражение газеты «Фигаро»). Они стали бояться наплыва «сантехников из Польши» и другой сравнительно дешевой рабочей силы из стран ЦВЕ, новых членов ЕС. Страшили их и перспектива утраты льгот в государственном секторе экономики, и возможность «бегства» своей промышленности на Восток, и рост безработицы. Разочарование правительством Жан-Пьера Раффарена обратили в свою пользу радикалы разного рода – как левые, так и правые. При этом левые боялись ликвидации социальных гарантий, а правые – нового потока иммигрантов, которые даже и не должны считаться таковыми в новой Европе. Часть французов опасалась также «потери национального лица» в расширяющемся Союзе, болезненно переживая как переход лидерства к ФРГ, так и продолжающееся вмешательство США в европейские дела¹. В результате именно по вине Франции в ЕС начался очередной затяжной кризис идентичности.

Только на саммите Европейского Совета, который состоялся 20–21 июня 2007 г. в Брюсселе, было принято решение провести институциональную реформу традиционным способом, то есть путем очередной модернизации Договора о Европейском Союзе 1992 года и Римских договоров 1957 года. Новая МПК приступила к работе уже 23 июля 2007 г. Группа правовых экспертов достаточно быстро – к октябрю того же года – трансформировала нормы проекта Конституции в статьи нового договора. В результате 17–18 октября 2007 г. на саммите Европейского Совета в Лиссабоне проект «Договора о реформе» был одобрен руководителями всех стран-членов ЕС. Следующие два месяца ушли на техническую и языковую корректуру документа, оперативно проведенную правовыми экспертами из Юридической службы Совета ЕС. Наконец, там же, в Лиссабоне, 13 декабря 2007 г. данный Договор и был официально подписан.

Лиссабонский договор представляет собой, по сути, шаг назад, ибо возвращает правовую ситуацию к традиционному балансу межправительственного и наднационального начал. В частности, вновь подчеркивается, что любая компетенция, не предоставляемая Союзу на основе договоров, принадлежит государствам-членам. Европейский Союз обязуется уважать основные полномочия и функции государств-членов ЕС (особенно в том, что касается поддержания территориальной целостности, общественного порядка и национальной безопасности). В отличие от проекта Конституции ЕС, данный договор не содержит упоминания о конституционных символах Европейского Союза (флаге, гимне, единой валюте, ибо герб у ЕС все еще отсутствует). Однако он ввел пост президента Европейского Совета, который избирается на два с половиной года.

¹ Макарычев В. Франция наносит удар по единству // Эхо планеты. 2005. № 23 (894). С. 27.

При этом преобразованный Европейский Совет не обладает законодательными полномочиями. Верховный представитель по общей внешней политике и политике безопасности возведен в ранг заместителя председателя Еврокомиссии и, фактически, обладает полномочиями министра иностранных дел ЕС (ему переданы функции еврокомиссара по общей внешней политике и европейской политике соседства).

Лиссабонский договор несколько повысил роль Европейского парламента при том, что разработка проектов законодательных актов по-прежнему осуществляется преимущественно в Комиссии. Однако депутаты Европарламента получили право одобрения законов в таких сферах, как юстиция, безопасность и иммиграционная политика. Кроме того, впервые национальным парламентам предоставили право участвовать в законотворческой деятельности ЕС (а именно – вносить свои предложения в текст законопроектов). В том случае, если одна треть национальных парламентам против, проект закона направляется на доработку в Комиссию.

Система принятия решений в Совете ЕС по формуле квалифицированного большинства голосов (а не по принципу консенсуса) расширена на сферу компетенции органов юстиции и полиции. Кроме того, Лиссабонский договор ввел новую систему голосования по формуле так называемого «двойного большинства» – решение считается принятым, если за него проголосовали представители 55% государств ЕС, в которых проживает не менее 65% населения Евросоюза. Новая система начала действовать с 2014 г. (при оговоренном Польшей переходном периоде до 2017 г.).

Лиссабонский договор предусматривает проведение общей энергетической политики и реализацию общей стратегии борьбы с глобальным потеплением, оказание солидарной помощи одному или нескольким членам на случай террористических атак или стихийных бедствий, что, вроде бы, говорит об углублении реальной интеграции. С другой стороны, документ содержит статью о возможности выхода из состава ЕС (решение о котором принимается по итогам общих переговоров), что уже привело к Брекзиту, а в перспективе может подтолкнуть к выходу из Евросоюза и некоторых других богатых стран-членов.

Главные трудности, связанные с ратификацией Лиссабонского договора в Ирландии (где в июне 2008 г. был провален референдум), были успешно преодолены в ходе повторного референдума 2 октября 2009 г. На позицию большинства ирландцев повлияла, в частности, активная роль ЕС в преодолении последствий экономического кризиса.

В целом, в соответствии с Лиссабонским договором наиболее существенные изменения были внесены в Договор о Европейском Союзе. Ряд изменений был

предусмотрен также в Договоре о функционировании Европейского Союза, который заменил собой Договор об учреждении Европейского Сообщества. Именно эти два заново пересмотренных договора образовали обновленную правовую основу построения и функционирования ЕС. Согласно принципу субсидиарности Европейский Союз осуществляет свое вмешательство только в определенных пределах, оставляя национальным государствам весьма значительные полномочия. Согласно принципу пропорциональности содержание и форма действий Союза не выходят за пределы, которые необходимы для достижения целей, поставленных договорами (и для достижения только тех целей, которые не могут быть иначе достигнуты). Таким образом, вновь торжествует традиционный для европейской интеграции баланс межправительственного и наднационального начал.

Проблема дальнейшей консолидации Европы по-прежнему является актуальной темой для дискуссии на разных уровнях. В мае 2022 г. завершилась общеевропейская Конференция о будущем Европы. В опубликованном по результатам конференции отчете содержатся ожидания граждан по ключевым направлениям деятельности ЕС, в том числе предложения по реформе ключевых европейских институтов. Наибольший интерес представляют предложения по гармонизации процесса выборов в Европарламент, переименование ключевых институтов для более четкого отражения их функций и пересмотр системы голосования, требующей единогласия при принятии решений¹. Примечательно, что реакция высшего политического руководства стран ЕС не заставила себя долго ждать. В своем выступлении в августе 2022 г. канцлер ФРГ Олаф Шольц заявил о неизбежности реформы институтов ЕС. В частности, им были затронуты такие вопросы как: расширение применения принципа принятия решений большинством голосов при принятии решений в совете министров ЕС на такие чувствительные для государств сферы как внешняя политика и политика в сфере налогообложения, унификация процесса выборов в Европарламент и реструктурирование комиссии с целью подготовки к следующему расширению ЕС². Таким образом канцлер фактически повторил предложения, высказанные в отчете, но в тоже время придал им более четкие и практические формулировки. Одновременно призвав к более «сильному, суверенному, выполняющему глобальную роль, Союзу»³.

¹ Conference on the Future of Europe. Report on the final outcome – May 2022. URL: <https://wayback.archive-it.org/12090/20230417172132/https://futureu.europa.eu/en> (дата обращения 06.11.2023).

² Speech by Federal Chancellor Olaf Scholz at the Charles University in Prague on Monday, 29 August 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/federal-government/scholz-speech-prague-charles-university-2080752> (дата обращения 06.11.2023).

³ Ibid. В оригинале использовано «geopolitical Union».

Критики федерализма совершенно справедливо отмечают, что ЕС на современном этапе не является федерацией, на том основании, что отсутствует четкое разделение властей как в вертикальном, так и горизонтальном векторах. В тоже время необходимо учитывать, что, с одной стороны, федеративный союз это в первую очередь политический проект, то есть его реализация есть выражение политической воли заинтересованных сил. С другой стороны, Европейский Союз является уникальным образованием и поэтому его путь к федерализации не обязательно должен повторять логику существующих национальных государств.

Список источников и литературы

1. Грачев А. Тень конституции // Новое время. 2005. № 22. С. 22.
2. Европейское право / Под ред. Л.М. Энтина. М., 2004. 699 с.
3. Кавешников Н. Конституция ЕС: неопознанный геополитический объект приближается // Космополис. 2004/2005. № 4 (10). С. 33–52.
4. Каракулян Э.А. Европейский неофедерализм: процесс, система, идентичность (историко-правовые и методологические аспекты). Н. Новгород, 2003. 207 с.
5. Макарычев В. Франция наносит удар по единству // Эхо планеты. 2005. № 23 (894). С. 27.
6. Топорнин Б.Н. Европейское право. М., 1998. 456 с.
7. Bartolini S. Restructuring Europe. Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. Oxford, 2005. 448 p.
8. Bogdanor V., Federalism and the Nature of the EU // Nicolaidis K., Weatherill S. (eds). Whose Europe? National Models and the Constitution of the EU. Oxford, 2003. P. 49–61.
9. Burgess M. Federalism and European Union: the Building of Europe, 1950–2000. Routledge, 2000. 290 p.
10. Conference on the Future of Europe. Report on the final outcome – May 2022. URL: <https://wayback.archive-it.org/12090/20230417172132/https://futureu.europa.eu/en> (дата обращения 06.11.2023).
11. Dicey A. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. L., 1982 (reprint). 584 p.
12. Etzioni A. Political Unification: a Comparative Study of Leaders and Forces. N.Y., 1965. 346 p.
13. Forsyth M. Federalism and Confederalism // Brown C. (ed). Political Restructuring in Europe: Ethical Perspectives. Routledge. 1993. P. 48–64.

14. Judgment of the Court of 23 April 1986. Parti écologiste «Les Verts» v European Parliament. Case 294/83. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61983CJ0294> (дата обращения 06.11.2023)
15. Monnet J. *Memiors*. NY, 1978. 544 p.
16. Rosamond B. *Theories of European integration*. Palgrave Macmillan, 2000. 240 p.
17. Speech by Federal Chancellor Olaf Scholz at the Charles University in Prague on Monday, 29 August 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/federal-government/scholz-speech-prague-charles-university-2080752> (дата обращения 06.11.2023).
18. Taylor P. *International Organization in the Modern World: The Regional and the Global Process*. London, 1993. 262 p.
19. Treaty establishing a Constitution for Europe // Official Journal of the European Communities. 2004, 16 Dec. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=OJ%3AC%3A2004%3A310%3ATOC> (дата обращения 06.11.2023).
20. Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts // Official Journal of the European Communities. 2001, 10 Mar. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12001C%2FTXT> (дата обращения 06.11.2023).
21. Treaty on European Union. Maastricht, 7 February 1992. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (дата обращения 06.11.2023).
22. Wheare K. *Federal Government*. 4th ed. Oxford, 1963. 266 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Берендеев Вадим Анатольевич – к.и.н., доцент кафедры социально-политических коммуникаций ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Браницкий Андрей Геннадьевич – д.и.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Бугров Роман Владимирович – к.пол.н., доцент кафедры мировой дипломатии и международного права ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Евдокимов Артем Владимирович – к.и.н., доцент кафедры политологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Куликов Сергей Викторович – к.и.н., старший научный сотрудник отдела Новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН

Леушкин Денис Вячеславович – к.пол.н., доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Рокки Энтони Карл – магистр истории, магистр библиотековедения, сотрудник Справочной библиотеки Торонто (в отставке)

Селезнев Федор Александрович – д.и.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Сорокин Александр Анатольевич – к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Тимофеев Дмитрий Владимирович – д.и.н., профессор Уральского федерального университета, заведующий Центром социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Коллективная монография

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

Подписано в печать 05.12.2024 г. Формат 60×84 1/16
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура TimesNR
Уч.-изд. л. 11,4. Усл. печ. л. 10. Заказ № 1065. Тираж 500 экз.

Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
г. Н. Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Отпечатано в типографии Нижегородского госуниверситета
им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37